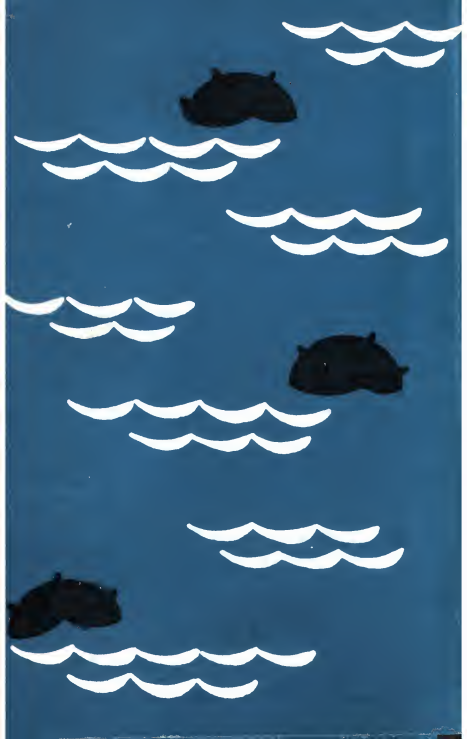
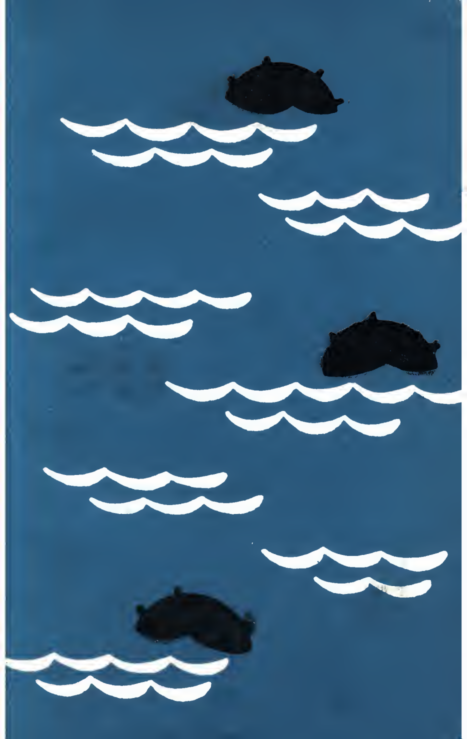
ПЕТР КАПИЦА

В МОРЕ ПОГАСЛИ ОГНИ

8·IV·72

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
Ленинградское отделение
1972

ПЕТР КАПИЦА

В МОРЕ ПОГАСЛИ ОГНИ

Блокадные дневники

В основе этой документальной повести лежат записи, которые вел Петр Капица, служивший на Балтийском флоте в пору блокады Ленинграда. В книге рассказано о героизме балтийских моряков, о трудных осенних месяцах сорок первого года, о том, как была переброшена в район Ораниенбаума армия, нанесшая удар по врагу зимой сорок четвертого.

Автор раскрывает характеры людей, которые через самые тяжелые испытания блокады пронесли непоколебимую веру в нашу победу.

Р 2
К-20

7-3-2
33—72

ЧЕТЫРЕ ТЕТРАДИ

В апреле 1942 года я покинул блокадный Ленинград и восемнадцать месяцев не видел его. И вот теперь, на третьем году войны, возвращаюсь в родной город. Блокада еще не снята, хотя поезда уже проникают в Ленинград по узкой простреливаемой полоске земли у Ладожского озера.

Мне удалось раздобыть место в транспортном самолете, который наполнен ящиками с авиационными приборами. Меня посадили около иллюминатора и сказали:

— Не давайте ящикам съезжать с места... В случае чего — просигнальте механику.

Вскоре я почувствовал, как самолет побежал по взлетной полосе и оторвался от земли. Почти надо мной в своем «гнезде» сидел стрелок-радист. Я видел только его унты.

От нечего делать я смотрел в иллюминатор. Набрав высоту, мы летели выше облаков. Казалось, что под нами сверкали белизной нетронутые снега. Здесь светило солнце, в безмятежном сиянии покоились сугробы. Моторы гудели ровно, почти монотонно, вызывая дремоту...

Но что это? Самолет как-то странно качнулся и начал проваливаться. Сидевший вверху стрелок-радист беспокойно заворочался. Послышался стрекот его пальбы из пулемета. Вниз посыпались гильзы. Запахло порохом.

Видно, нас обнаружили барражирующие над линией фронта истребители противника. Я невольно вжался в закуток между ящиками, надеясь, что здесь пули не зацепят меня, и с бьющимся сердцем ждал беспорядочного падения.

Стрелок-радист перестал отстреливаться. Дневной свет в иллюминаторе померк, все заволокла серая муть. «Вошли в облака, — догадался я. — Теперь истребители не решатся преследовать нас, можно столкнуться».

В облачной мути мы летели минут пятнадцать. Затем в иллюминаторе опять засиял солнечный свет, и я увидел внизу россыпь домов, широкую ленту реки. Это был Ленинград. Сверху казалось, что он остался таким, каким был. Ничто не изменилось в его контурах, только погасшими свечками торчали заводские трубы.

Но позже, когда с аэродрома на автобусе повезли вновь прибывших пассажиров, я увидел, что окраинные улицы превратились в пустыри и огороды. Многие деревянные дома были разобраны и пошли на топливо, лишь кое-где одиноко среди черных грядок торчали кирпичные здания.

Пешеходы попадались редко, и почти все они — мужчины и женщины — были в военной форме. Неужели в городе совсем не осталось гражданского населения?

На мосту через Неву в гранитных полукружьях торчали длинноствольные зенитки, а возле них стояли зенитчицы в касках.

Марсово поле было разделано под огороды. Здесь виднелись окопы и зенитные автоматы.

В комендатуре на мое удостоверение личности поставили ленинградский штамп, который часто изменялся, чтобы лазутчики противника не могли воспользоваться старыми удостоверениями. Теперь, войдя в состав ленинградского гарнизона, я мог свободно ходить по городу.

Первым делом я, конечно, отправился по Садовой улице на Невский. Когда-то этот перекресток у Публич-

ной библиотеки был самым шумным. Здесь вереницами мчались легковые машины, звенели трамваи, сновали троллейбусы, автобусы, а на панелях невозможно было пробиться сквозь толпы пешеходов. В центре пересекающихся улиц стояли самые расторопные и сообразительные регулировщики движения. Сейчас же перекресток выглядел пустынным, лишь изредка пробегали грузовики, которым прежде запрещено было показываться на Невском, да тихо полз обшарпанный трамвай, с разбитыми стеклами, посеченный осколками. Пешеходы деловито шагали по менее опасной при артобстреле стороне.

Развороченная крыша Гостиного двора и его закопченные стены напоминали о бушевавшем здесь пожаре. Витрины знаменитого Елисеевского магазина были заколочены досками, из-под которых сыпались опилки.

Без клодтовских коней сиротливым казался Аничков мост через Фонтанку. Скульптуры сняли еще в первую военную осень и зарыли поблизости, в саду Отдыха.

Неожиданно начался артиллерийский обстрел. Снаряд, пролетевший над Невским, с грохотом разорвался в районе Конюшенной площади. Минут через пять просвистел второй снаряд. Его взрыв прогремел в другом месте — где-то у Московского вокзала.

Я повернул к каналу Грибоедова. Надо было засветло попасть домой.

— Вот ведь гады, опять по нервам бьют, — сказал артиллерист, перешедший со мной на менее опасную сторону проспекта.

— Как это по нервам? — не понял я его.

— Дают по выстрелу из орудий разных батарей, чтобы трудней было засечь их. Только население терроризируют: невозможно предусмотреть, куда упадет следующий снаряд. Всюду его жди. . .

Наш «недоскреб» — так называли дом на канале Грибоедова, где в надстроенных этажах жили писатели, — внешне выглядел нетронутым, хотя из писем я знал, что в него попало два снаряда.

Поднявшись по крутой лестнице на пятый этаж, я по темному коридору на ощупь добрался до своей двери. Ключ (я его носил с собой всю войну) долго не проворачивался в замке. Но вот наконец послышался щелчок и дверь отворилась.

Электричество не зажглось. Дневной свет проникал лишь в щели фанеры, которой были заколочены окна. Я прошел в свой кабинет и распахнул окно.

Мне думалось, что я увижу захламленное, затянутое паутиной логово, но в комнате сохранился довоенный порядок. Только слой пыли покрывал письменный стол, лампу, чехол пишущей машинки и кресло. И на полу катались крупные клубки тополиного пуха.

«Как он проникал сюда? — не мог понять я. — Ага, вон в то отверстие у нижнего края фанеры, где отломился уголок. Значит, сюда задувал ветер и свободно гулял по комнате».

Неожиданно над моей головой послышался щебет. На книжной полке сидел крохотный воробышек и что-то сердитое выговаривал мне на своем языке. Видно, требовал, чтобы я немедля закрыл окно и покинул помещение, давно занятое им.

— Как же ты уцелел, воробышек? — изумился я.

Воробей не пожелал мне отвечать. Растопырив крылышки, он боком передвигался по краю полки, готовый защищать свое жилье.

Я покрошил ему хлеба на стол и сказал:

— Клюй, братец, вволю. Придется, видно, нам вместе жить. Но чем же ты питался в голодную пору?

Тут я приметил, что отставшие у пола обои сильно издырявлены.

— Э! Да ты, брат, сообразительный, — невольно вырвалось у меня. — Значит, в трудные дни клейстер выклевывал? Молодчина. Спасибо, что выжил! Нам, ленинградцам, нельзя отчаиваться.

Воробышек уже не обращал на меня внимания. Слетев на стол, он жадно клевал крошки хлеба. Вскоре к нему присоединилась еще одна серая птаха, влетевшая в окно.

— О, да вы тут всей семьей обосновались! Если вас много — мне не прокормить.

Я вытащил из чемодана электрический фонарик, сходил в кухню и отвернул водопроводный кран. Он засопел и выпустил струйку заржавленной воды. Я дождался, когда вода очистится, наполнил ею блюдечко и принес птахам. Но они пить не стали, ведь внизу был полноводный канал.

Я не стал разглядывать, в какое состояние пришли вещи, простоявшие две зимы в неотапливаемой квартире, а решил первым делом проверить тайник со шкатулкой. Меня тревожила судьба дневников. В четырех тетрадях были записи, которые я не решался возить с собой. Уезжая из Ленинграда в апреле 1942 года, я надумал спрятать их понадежней. Уложив дневники в железную шкатулку, я обернул ее клеенкой, снес в дровяной сарай, где хранился всякий хлам. Смерзшуюся землю пришлось долбить ломом. Я с трудом выкопал небольшую яму в правом углу сарая, уложил в нее шкатулку, присыпал землей и придавил большим камнем.

Позже я ругал себя: «Зря закопал, мог бы захватить с собой и отправить жене на Урал».

Взяв ломик, я спустился вниз, открыл сарай и направился в правый угол. Камень лежал на месте. А рядом стояла забытая мной лопата.

Сарай, видимо, затапливало, клеенка от сырости заплесневела. Шкатулка была красной от ржавчины. Я встряхнул ее, тетради не шелохнулись.

Дома я с трудом открыл шкатулку, подмокшие дневники разбухли. Многие страницы тетрадей склеились, чернила расплылись и проступили на оборотную сторону. Слившихся строчек почти невозможно было разобрать.

Их теперь не восстановишь. А ведь как я оберегал! Прятал в противогазную сумку и всегда носил ее на себе, а по ночам укладывал ее под голову рядом с пистолетом! Неужели напрасно рисковал: не уходил в убежище во время бомбежек и артиллерийских обстрелов, а садился за стол и, пользуясь свободными минутами, делал торопливые записи? Зимой от холода коченели пальцы, становились как крючья. Приходилось согревать дыханием, чтобы они крепче держали перо. А скольких занятых людей заставлял сидеть по ночам у коптилки и рассказывать!

Такое ощущение дурноты от невозвратимой потери у меня уже однажды было. До войны я вез машинистке свернутую в трубочку рукопись рассказа, на который потратил не менее сотни ночей. В толкучке переполненного вагона сверток, видно, выпал из кармана, а может, его вытащили. Спохватился я, когда трамвай ушел. И вот

тогда, горюя и злясь на себя, я две недели не мог взяться за перо. Потом попытался восстановить написанное, но у меня получился совсем иной рассказ, первый вариант погиб навсегда.

А тут нужно восстановить слово в слово, чтобы остались мысли, настроение самых трудных блокадных дней и стиль записей. Хватит ли у меня терпения? Может, лучше заново написать все, что еще свежо в памяти?

Сперва я решил просушить тетради, а затем засесть в пустующей квартире за расшифровку слившихся строчек. «Но стоит ли заниматься столь кропотливым делом? — брали сомнения. — Ведь записи были беглыми, необдуманными, а суждения скороспелыми и не очень объективными. Мне видна была лишь малая частица войны. К тому же я редко пользовался документами, а больше рассказами участников. А известно, что очевидцы фантазируют, выдают за правду то, что им померещилось. Может быть, в документах все выглядит по-иному?»

Так рассуждая, я отложил тетрадки. И вот набрался духу и решился привести в порядок дневники лишь сейчас, спустя чуть ли не тридцать лет.

Война мне часто видится во сне. Порой я начинаю путать: было ли это наяву или пригрезилось? Поэтому я обложил себя справочниками, сборниками документов и мемуарами. Мне то и дело хочется заглянуть в какую-нибудь из книг и узнать: а что в эти дни переживали немцы или о чем думали в нашем штабе? Как это оценивают историки?

Так что прошу у читателя прощения за неожиданные справки и отступления. Я не могу без них обойтись.

БЛАЖЕННЫ НЕВЕДАЮЩИЕ

1 июля 1941 года. Десятый день войны. Плавбазе подводных лодок «Полярная звезда» приказано покинуть Таллинский рейд и перейти в Лужскую губу.

Мы знаем, что противник ночами забросал фарватеры минами разных систем. По кораблям уже разошлась весть о подорвавшихся на минах крейсере «Максим Горький» и эсминце «Гневный». Но «матку» подводных лодок сопровождает почему-то весьма странное охранение: впереди пыхтят старенький тихоходный тральщик и чумазый буксир, а позади на длинном манильском канате тащатся два рейдовых катера и баркас.

«Полярная звезда» «чапает» парадным ходом — шесть-семь узлов по спокойному, мутноватому Балтийскому морю.

Вечером радио сообщило, что наши войска оставили столицу Латвии Ригу. Невольно возникли мысли: «Не поэтому ли мы покинули Таллинский рейд? Неужели столь быстро будет взята и столица Эстонии?»

После ужина начальник политотдела бригады подводных лодок полковой комиссар Бобков начал записы-

вать домашние адреса тех, кто до похода не служил на «Полярной звезде». Подсев ко мне, он заметил:

— Я смотрю, вы веселы. Разве не страшно? Или храбритесь?

— Не вижу причины для уныния,— ответил я.— А для чего вам понадобился мой ленинградский адрес?

— Всякое может случиться,— неопределенно ответил он.— Переход серьезный, я бы даже сказал — опасный.

— Думаете, Лужская губа будет занята противником раньше, чем придем туда?

— Не шутите. Скоро поймете, о чем я говорю,— негромко сказал Бобков.— В случае тревоги ваше место по боевому расписанию — на корме, у четырехствольного зенитного пулемета.

— Но я не умею с ним обращаться.

— Научитесь. У пулемета опытный расчет. Было бы хотение.

Мне показалось, что полковой комиссар преувеличивает опасность, желая подтянуть политработников, подготовить ко всяким неожиданностям. Про себя же я подумал: «Ничего с нами не случится. Мы же идем не в район боевых действий, а в тыл».

Белые ночи еще не кончились. Над морем застыла какая-то белесая мгла. Вокруг — ни звезды, ни огонька. Только на востоке над полоской берегового леса розовел отсвет пожарища.

Вечер был тихим, безветренным, море едва колыхалось за кормой. Старпом вышел проверить, не просвечивают ли задраенные иллюминаторы. У меня еще не было постоянного жилья на «Полярной звезде», я обратился к нему с просьбой поселить в такую каюту, где я мог бы побыть наедине с собой и кое-что записать.

— Есть такая,— ответил тот.— Только не знаю, понравится ли. В ней жили два политрука, они ушли в автономное плавание. Вернутся не скоро.

— Понравится,— легкомысленно ответил я,— при условии, конечно, что вы больше никого не поселите.

— О, это я вам могу обещать,— заверил старпом со странной готовностью.

Он подозвал дежурившего по кораблю старшину, отдал ему ключ и приказал отвести меня в каюту.

Мы спустились по одному трапу, потом по другому,

прошли коридором и очутились в ярко освещенном закутке. Здесь, прислонясь спиной к стенке, на корточках сидел матрос и читал книжку. При нашем появлении он встал и вытянул руки по швам.

— Что это за пост? — спросил я.

— Первой важности, — ответил старшина. — В случае пожара — надо затопить. Внизу пороховой погреб.

«Так вот почему никто не просится в эту каюту», — понял я, но отступать было поздно.

Старшина открыл дверь и зажег свет. Я увидел длинную, со скошенной переборкой каюту. В ней были две койки, расположенные одна над другой, кресло и большой письменный стол, по которому суетливо бегали длинноногие рыжие тараканы.

— Сейчас вам принесут белье, — пообещал старшина и, пожелав спокойного отдыха, ушел.

Сев в кресло, я стал измываться над собой:

— Живешь в отдельной каюте. Люкс получил! Радуйся. Тебе повезло, лучшего гроба не придумаешь. Площадка в жерле вулкана против него — ничто. Там бы ты прежде услышал гул и подземные толчки, а здесь взлетишь вверх тормашками и охнуть не успеешь. Красота!

«Боли не почувствуешь, — утешал я себя. — Осколочное ранение хуже, особенно тяжелое. Калекой останешься. А тут уснул и не проснулся. Собрать тебя воедино будет невозможно».

Трюмный принес белье — наволочку и две простыни. Застелив простыней жесткий, набитый мелкой пробкой матрац, я разделся и улегся на нижней койке.

В каюте с задраенными иллюминаторами было душно. Я долго ворочался, не в силах заснуть.

Мое «оморячивание» началось всего лишь год назад: после войны с белофиннами некоторые ленинградские писатели получили флотские звания и стали проходить военные сборы в частях Балтийского флота. Меня вместе с двумя драматургами, написавшими сценарий фильма «Балтийцы» — Алексеем Зиновьевым и Александром Штейном, — вызвали во второй флотский экипаж, переодели в морскую форму и отправили в плаванье на многопалубном учебном судне «Свирь».

Из нас троих знатоком военно-морской службы считался Алексей Зиновьев, служивший в царском флоте

матросом. Но он, как мы потом выяснили, все перезабыл и имел серьезнейший недостаток: перед большим начальством вытягивался в струнку и буквально немел. Так что все переговоры приходилось вести не ему — батальонному комиссару, а нам — старшим политрукам.

Явившись на «Свирь» с увесистыми чемоданами, мы сразу же попали в неловкое положение: Зиновьев, чтобы показать морскую лихость, взбежал по трапу, бросил чемодан под ноги, ловко козырнул и протянул руку стоявшему у трапа старшине. Тот, не приняв его руки, сухо козырнул в ответ и, подождав, когда мы поднимемся, спросил:

— Вам к кому, товарищи политработники?

К кому же нам? К командиру корабля, конечно, — решили мы. Но того на корабле не оказалось. Нас провели к вахтенному штурману.

Старший лейтенант, с повязкой дежурного на рукаве, оказывается, наблюдал за нами.

— Вы впервые на военном корабле? — спросил он.

— Почему вы решили, что впервые? — обиделся Зиновьев.

— Видите ли, на военно-морском флоте первым долгом приветствуют флаг корабля, а не старшину. Вы ведь по званию старший.

Зиновьев начал пространно объясняться, а мы со Штейном сознались, что только недавно надели военно-морскую форму.

В длинном списке дежурный нашел номера наших кают и выдал ключи сопровождающему старшине.

Меня с Зиновьевым поместили в двойной каюте, а Штейна — в соседней.

Когда мы остались втроем, Алексей Зиновьев принялся упрекать нас:

— Зря сознались, что не моряки. У вас же золото на рукавах. Две с половиной нашивки! Большое звание. На флоте не любят людей, которым легко достаются нашивки. За вами будут следить и высмеивать. Не вздумайте только пойти на клотик пить чай. Клотик находится на самой вершине мачты. И помните, что на корабле все называется по-иному. Лестницу, например, здесь зовут трапом, уборную — гальюном, скамейку — банкой,

стену — переборкой, пол — палубой, порог — комингсом...

Он бы еще долго хвастался знанием морской терминологии, если это не надоело бы Штейну и тот не без ехидства спросил:

— А ты учитываешь, что устав уже новый? А то научишь нас такому... всех со скандалом спишут с корабля.

В обеденный час в неловком положении очутился Штейн. Придя в кают-компанию первым и увидев в фаянсовых мисках аппетитно пахнущий флотский борщ, Александр Петрович поспешил усесться за стол. Для полного удовольствия он вытащил из кармана газету и по гражданской привычке принялся есть и одновременно читать.

Когда мы с Зиновьевым появились в кают-компании, то за спиной Штейна уже толпилось человек двенадцать моряков. Следя в тишине за увлекшимся едой старшим политруком, они жестами приказали нам помалкивать.

Оказывается, по морским традициям за стол садятся только после приглашения старшего командира. Поведение Александра Петровича было нарушением этикета и выдавало его невежество.

Почувствовав неладное, Штейн наконец оторвался от газеты и, обернувшись, увидел перед собой моряков, глядевших на него с осуждением. Лицо Александра Петровича мгновенно сделалось такой же окраски, как борщ. Драматург быстро бросил ложку на стол, вытер салфеткой губы, поднялся и, став позади нас, сделал вид, что так же томится в ожидании, как и другие.

Это вызвало дружный смех. А когда он утих, послышался четкий голос старпома:

— Прошу к столу!

С этого дня у нас началось нечто похожее на водобоязнь. Опасаясь вновь опростоволоситься и прослыть профанами, мы условились приглядываться к старослужащим, подражать им и ничего не делать прежде других. И все же утром, когда были собраны все на верхней палубе на подъем флага, опять обмишурились.

Нас поставили рядом с преподавательским составом морских училищ. Услышав команду: «На флаг смирно!», мы, как и соседи, вскинули правую руку к козырьку и,

задрав голову, стали смотреть на медленно плывший вверх флаг. Оказывается, этого не следовало делать. Надо было просто стоять «лицом вовнутрь корабля». Опять мы приметили косые взгляды в нашу сторону и нелестные отзывы:

— Шпаки береговые!

После плавания на «Свири» и походов на остров Валаам, где проходили морскую практику, мы уже сами с пренебрежением относились к жителям суши.

Осмелев, я даже взялся писать историю Щ-311, воевавшей в зиму 1939 года в Ботническом заливе. Для этого мне больше месяца пришлось прожить в бригаде подводных лодок.

В мае я снял с себя военно-морскую форму, а в июне неожиданно началась война. Недолго размышляя, я отправился в Пубалт.

— А вы зачем явились? — удивились там. — Мы вас не вызывали.

— Но, надеюсь, вызовете? Так лучше скорей, чем зря томиться.

— Значит, хотите добровольно? И куда же?

— К подводникам, — не раздумывая ответил я.

— Есть, хорошо. Можем послать сегодня же. Идите получать предписание — ночным поездом выезжайте в Таллин.

Вспоминая прощание с женой и сыном, который никак не мог проснуться, я еще долго ворочался на жесткой койке, а когда уснул, то показалось, будто в ту же секунду раздались звонки громкого боя.

По трапам и палубе загромыхали тяжелые матросские сапоги.

«Тревога», — сообразил я и начал быстро одеваться.

У четырехствольного пулемета на корме я, конечно, появился позже всех.

Над морем стоял плотный туман, в десяти метрах ничего не было видно. Часы показывали четверть седьмого.

— Что случилось? — спросил я у пулеметчика.

— Всплывшую мину заметили, — ответил первый номер. — Проходим буй с ревуном.

Я услышал тягучее мычание справа. Этот буй сообщал, что правей его опасная отмель.

Унылое мычание буя, повторявшееся через равные промежутки, навевало тоску и усиливало тревожное ожидание. Корабль шел медленнее обычного.

Туман наполз на залив ночью и был так густ, что во мгле мы потеряли и тральщик, и буксир.

Матросы, усевшиеся на спущенный с катера «тузик», поймали блуждающую мину, сорванную с якоря, и, отбуксировав ее в сторону, уничтожили подрывным патроном.

Тяжелый гул прокатился по заливу. Туман рассеялся. Мы увидели закачавшийся буй и серебристое пятно на месте взрыва. Затем словно кисейной занавеской затянуло это место и туман как бы стал гуще.

Когда матросы вернулись на «тузике», тревога несколько улеглась, но «Полярная звезда» скорости не прибавляла. На мостике стоял не вахтенный штурман, а сам командир плавбазы — капитан-лейтенант Климов, бородач богатырского сложения. По тревоге он вышел на мостик в зеленой каске зенитчиков и поэтому походил на царя морских глубин.

Трубным голосом приказав катерникам выйти вперед и смотреть во все глаза, капитан-лейтенант настороженно вел за ними «Полярную звезду».

По всем палубам вдоль бортов лежали наблюдатели и всматривались сквозь молочную пелену, не покажется ли где рогатый купол мины или глазок перископа.

На корме у четырехствольного пулемета нас было трое: я, белобрысый старшина, занявший место первого номера, и вестовой каюткомпании, набивавший патронами пустые ленты. Четырехствольный пулемет я видел впервые, поэтому попросил старшину показать, как закладываются ленты с патронами, как нужно целиться и стрелять.

На мое обучение ушло минут тридцать, потом началось томительное ожидание, так как готовность «номер один» не снималась.

Перед обедом мы расслышали далекие, раздававшиеся через равные промежутки времени тягучие гудки. Нас настигал какой-то корабль. Чтобы не столкнуться с ним, на «Полярной звезде» стали давать ответные гудки.

С мостика послышался зычный голос командира:

— На корме смотреть лучше!

Но как мы ни вглядывались, за туманной завесой ничего не было видно. Только минут через пятнадцать совсем близко выплыл из «молока» коричневатый силуэт крупного транспорта.

Неведомое судно шло в трех или четырех кабельтовых мористее. Его скорость была вдвое больше нашей. Обгоняя нас, оно скользило за белесой пеленой, подобно тени на экране. Разглядеть его как следует не сумел даже дальномерщик.

Удаляясь, силуэт судна постепенно стал тускнеть и вскоре словно мираж растворился в тумане.

Мы продолжали двигаться малой скоростью. Внезапно впереди всколыхнулась завеса, раздался взрыв. А затем, минуты через две, послышались частые тревожные гудки. . .

Мы поняли: обогнавшее нас судно либо наскочило на мину, либо торпедировано подводной лодкой.

На «Полярной звезде» дали задний ход. . . Загрохотала толстая стальная цепь. . . В воду полетел якорь.

Мы остановились. Гудков больше не было. Слышалось какое-то странное сопение и свист.

«Что случилось с судном, обогнавшим нас? Не тонут ли впереди люди?» — эти мысли тревожили каждого.

С мостика послышался приказ:

— Первому катеру ходить вокруг, второму — пройти вперед. . . выяснить обстановку.

Один из катеров, выполняя приказ, быстро ушел в туман, другой стал ходить по кругу. Если бы поблизости пряталась немецкая субмарина, то она не решилась бы высунуть перископ и выйти на курс атаки. Впрочем, в таком тумане никакая вражеская субмарина не осмелилась бы нападать. В перископ ничего не разглядишь. Главной опасностью были мины. Где они тут таятся?

На «Полярной звезде» стали бить в колокол, чтобы кто-нибудь не налетел в тумане. Все продолжали наблюдать за морем и вслушиваться.

Ко мне подошел рыжеусый политотделец, с которым я был знаком с довоенного времени. Почти шепотом он спросил:

— Погляди. . . ничего не замечаешь?

— А что я должен заметить?

Он взял мою руку и приложил к своему бедру.

Сквозь сукно брюк я ощутил, как какие-то мышцы его ноги бьются мелкой дрожью.

— Что с тобой? — спросил я.

— Ничего не могу поделать, — ответил он. — Бьется и бьется! А мне приказано быть с комендорами. Хоть внешне-то не заметно?

— Со стороны ты кажешься спокойным. Только губы побледнели.

— Тут побледнеешь, — сказал он. — Сидим на пороховой бочке: трюмы доверху заполнены торпедами. Боевой запас всей бригады. Стоит вблизи взорваться мине, от нас и пуговиц не останется, — печально заключил политотделец и ушел к своим комендорам на носовую палубу.

Лишь после разговора с ним я стал понимать, почему так посерьезнели и стали почти землистого цвета лица моряков. Но мне почему-то не было страшно, наоборот, я чувствовал веселое возбуждение.

Катер, ходивший в разведку, вскоре вернулся. Его командир доложил, что, кроме большого количества оглушенной рыбы и обломков каких-то ящиков, он ничего на воде не обнаружил. Мешает туман.

Подошло обеденное время. Подул слабый ветерок, туман стал слоиться, рассеиваться. «Полярная звезда» продолжала стоять на месте, а катера зигзагами ходили вокруг нее.

«Бачковой тревоги» в этот день не играли. Обед проходил без обычной суеты в три очереди: одни питались, другие стояли на своих местах и наблюдали за морем. Комендоры обедали на носовой палубе прямо у пушек.

Я последним явился в кают-компанию. Наскоро съел остывший борщ, рагу, а остальное время потратил на записи.

Когда я вернулся на кормовую палубу, горизонт уже очистился. Дальномерщик доложил командиру, что на зюйде показались дымы каких-то кораблей.

Вскоре и мы разглядели на горизонте силуэты тральщиков и миноносцев.

— Конвой идет, — определил старшина. — Видно, охраняют турбоэлектроход. Вон тот, белый. С ними тральщики и малые охотники.

Конвойные корабли переговаривались меж собой

световыми сигналами. Вспышки прыгали над ними, как солнечные зайчики.

Передний миноносец, не разобрав, движемся мы или нет, просемафорил: «Ваш путь ведет к опасности».

Мы ратьером ответили, что ждем тральщиков.

Тотчас же от конвоя отделились два тральщика и морской охотник. Приблизясь к нам, они поставили тралы и пошли впереди.

«Полярная звезда» стремилась не отставать и точней идти по серебристой протраленной полосе.

Не прошли мы так и пятиста метров, как с тральщика в мегафон закричали:

— Стоп! Задний ход!

Чуть ли не под носом «Полярной звезды» трал подцепил мину.

Наша смерть была черной, рогатой и полукруглой. Она еще не успела обрасти ракушками и зловеще поблескивала жирно смазанными боками.

Пока мы стояли, минеры освободили трал от мины, оттащили ее подальше и попросили комендоров морского охотника расстрелять.

Катерники со второго выстрела попали в мину. Сверкнул огонь. Высокий столб воды поднялся к небу... Воздух жарко ударил нам в лица...

Ночью мы подошли к берегу и бросили якорь в бухте против затемненного поселка.

Здесь, посреди бухты, «Полярная звезда» была заманчивой мишенью для вражеских субмарин и торпедных катеров. Утром мы подтянулись к недавно построенному пирсу и приткнулись к стенке. Но левый борт «Полярной звезды» все равно оставался плохо прикрытым. Надо было обращаться к командованию с просьбой поставить хоть какие-нибудь боны и противолодочные сети.

Первыми отправились на берег командир бригады подводных лодок, начальник штаба и политотдельцы. Им надо было представиться местным властям.

Я сошел на берег вместе с командиром корабля капитан-лейтенантом Климовым, который спешил на телеграф.

Поселок оказался небольшим. Он вырос здесь за последние два-три года. Среди песков и горы опилок вид-

нелась лесопилка, а вокруг нее — деревянные домишки и длинные дощатые бараки.

— В бараках живут заключенные. Они тут порт строят, — объяснил мне Климов.

У него всюду были знакомые. Работавшие в карьере мужчины и женщины то и дело окликали Климова:

— Здорово, борода!

— Здравствуй, дядя Саша! Ишь как вырядился! А тебе морская форма идет — прямо пират. Воюешь, что ли?

— Воюю. И вам бы советовал. Довольно клопов кормить и в песочек играть, — в тон друзьям отвечал капитан-лейтенант. — Проситесь на флот, отпустят.

— Просились уже. Да наше начальство чего-то волынит. Похлопотал бы ты за нас, дядя Саша, по старой памяти.

— Ладно, попробую.

Когда мы отошли от карьера, я спросил у Климова:

— Откуда они вас знают?

Он повернул ко мне свою щекастую, загорелую докрасна бородатую физиономию и, сощурив хитроватые глаза так, что остались одни щелочки, ответил:

— Не хотелось мне рассказывать. Писатели — народ опасный. Да уж ладно, знайте. Я сам вон в том дворце жил и баланду хлебал. Правда, полного срока не отсидел: за ударную работу раньше отпустили. Но на свою подводную лодку не попал, пришлось тараканьей бочкой командовать. Царской яхтой была, а парадный ход шесть узлов!

По пути я узнал, что Климов прежде командовал «малюткой». В один из вечеров его «малютка», выходя на рейд, врезалась в катер линкора «Марат». От резкого толчка командир вылетел с мостика за борт и очутился в воде, а его подводная лодка, набрав в открытый рубочный люк воды, затонула.

К счастью, спасательное судно оказалось близко. Но Климов не позволял себя вытащить из воды, он отбивался и кричал:

— Пока не поднимете лодку, не дамся!

«Малютку» довольно быстро подняли на поверхность, все же несколько подводников погибли. Климову за аварию дали три года тюрьмы.

На телеграфе мы с капитан-лейтенантом поспешили известить свои семьи о том, что остались живы и здоровы, точно жены знали, какой опасности мы подвергались недавно.

ДЕСАНТ

4 июля. Там, где река Луга впадает в море, образовался пресноводный залив, похожий на тихую заводь, заросшую ряской и лилиями. На отмелях в илистое дно вбиты толстые колья, меж которых в воде установлены рыбацкие сети. На колья то и дело садятся чайки. Поглядывая, нет ли вблизи опасности, прожорливые птицы нагло обворовывают сети. Их никто не отгоняет.

Вдоль правого, более глубокого берега реки стоят на небольшом расстоянии друг от друга подводные лодки — «щуки» и «малютки», пришедшие раньше нас в Лужскую губу.

Корабли покрыты зеленоватыми маскировочными сетями. Сами же подводники обосновались на берегу. Чтобы не спать в тесных отсеках железных коробок, они поставили в кустарниках палатки и готовят пищу в котлах, подвешенных над костром.

Многие, краснофлотцы тут же на мостках стирают белье, купаются в реке. Другие, словно дачники, загорают на песчаных обрывах. Выстиранные тельняшки, наволочки и простыни сохнут на ветках кустов либо просто на траве.

— Классическая маскировка!

— Это наш командир придумал, — не без гордости сказал боцман «щуки», всерьез приняв мою похвалу. — Никто не подумает, что здесь укрываются корабли подводного флота. Скорей похоже на лагерь изыскателей или полевых рабочих.

— Лучше бы не суетиться у кораблей, так было бы надежней.

Сказав это, все же я сам не выдержал: разделся до трусов и спустился к воде. Ведь на этой реке прошло все мое детство. Правда, не здесь, у моря, а около города Луги, где река была с такими же песчаными обрывами и тихими заводями, окруженными кустарниками.

Я с наслаждением выкупался, выстирал майку и повесил ее на куст сушиться.

Подводники по морскому обычаю пригласили меня отобедать. Мы ели из металлических мисок тут же у костра. Суп и каша, заправленная мясными консервами, хотя и попахивали дымом, все же казались на свежем воздухе необычайно вкусными.

К импровизированному камбузу прибежали из поселка воинственные мальчишки, вооруженные деревянными пистолетами и саблями. Коки наполнили им миски супом, выдали ложки, началось пиршество.

Когда-то вот такими же босоногими мальчишками мы ватагой подходили к полевым красноармейским кухням в надежде получить остатки супа из воблы или чечевичной каши. За это готовы были выскребать котлы, мыть манерки и ложки. Сейчас ребята не голодны, но уплетают обед подводников с восхищением и азартом.

От зеленой лужайки, над которой искрясь струился нагретый солнцем воздух, веяло покоем мирных дней. Не хотелось верить в то, что где-то люди в этот час истекают кровью, стонут от боли, задыхаются в пороховом чаду, умирают. Только пришедший с плавбазы замполит дивизиона «щук» вернул нас к суровой действительности.

— По всему фронту наши войска ведут тяжелые бои, — сказал он.

— И опять отступаем? — спросил я.

— Прямо не сказано, но флажки на карте пришлось передвинуть, так как названы новые места, где идут бои.

Сразу настроение упало. Я натянул на себя еще влажную майку, оделся и пошел на «Полярную звезду».

У редактора многотиражной газеты старшего политрука Баланухина рот полон металлических зубов, а редкие рыжеватые волосы всегда торчали задиристым петушиным хохолком. Редакторская работа его тяготила, так как он не имел вкуса к слову и плохо понимал, какой должна быть печатная газета. Мое появление на базе обрадовало Баланухина. Он принес мне весь собранный материал, чтобы я «чуточку подправил».

Никакой правке статьи и заметки не поддавались, их надо было переписывать. Я провозился с ними до вечера.

На залив тем временем надвинулись грозовые фиолетовые тучи. В каюте духота сделалась невозможной. Иллюминатора на корабле в вечернее время не откроешь: соблюдалось строгое затемнение. Пришлось оставить работу и выбраться подышать воздухом наверх.

Когда я проходил мимо кают-компании, то увидел, что Баланухин сидит около вентилятора и преспокойно играет в шахматы. Я тотчас же вернулся в каюту, собрал все отредактированные и неотредактированные заметки и отнес беззаботному редактору. Тот, даже не взглянув на них, сказал:

— Ладно, оставьте здесь.

С верхней палубы я увидел далекий пожар на берегу — дымчато-красная шапка повисла над лесом. Запаха дыма я не ощущал, но воздух кругом был каким-то застойным.

Наконец сверкнула молния, прогремел гром и хлынул обильный ливень, похожий на водопад.

На палубу повыскакивали из машинного отделения, из кочегарки и трюмов полуголые матросы и принялись как дикари плясать под серебристым потоком.

Мне тоже захотелось смыть с себя липкий пот. Не раздумывая долго, я разулся, сбросил с себя китель, брюки и, оставив одежду в тамбуре, выбежал босиком под хлесткие прохладные струи...

Приняв небесный душ, я освеженным и благодушным вернулся в кают-компанию. Но здесь меня встретил недовольный Баланухин.

— Почему вы не все отредактировали? — строго спросил он.

— Захотелось в шахматы сыграть, — ответил я.

— Вы, наверное, забываете, что сейчас война, — начал было выговаривать редактор, но я остановил его.

— Война для всех. Если вы редактор, так будьте любезны редактировать, а не прохлаждаться в кают-компании.

— А вы не указывайте старшим. Вас мне в помощь прикомандировали.

— Я ни к кому не прикомандирован и старшим вас не считаю.

Чтобы выяснить наши отношения, мы пошли к на-

чальнику политотдела. Тот внимательно выслушал нас и вынес решение:

— С завтрашнего дня вы, товарищ писатель, будете подписывать газету, а Баланухину мы найдем другое занятие. Может, на первое время вам понадобится его помощь?

— Нет, — ответил я, — обойдусь.

6 июля. Необдуманно отказавшись от помощи Баланухина, я совершил ошибку. Старший политрук выклянчивал заметки даже у таких людей, которые с курсантских времен не брались за перо, а я этого не умел. Приходилось беседовать, брать интервью и делать из них статьи и заметки.

В общем, я стал не только редактором, но и рассыльным, секретарем редакции, корректором, хроникером и автором почти всех статей.

Наша «Полярка» должна поить, кормить, снабжать электроэнергией, снарядами и торпедами весь выводок «щук» и «малюток». Делалось это ночью, чтобы авиация противника не приметила притопленных стальных «деток», прильнувших к борту «матки».

Ночи светлые, только на час или два наступают зеленовато-голубоватые сумерки. Обслуживающим специалистам приходилось торопиться, чтобы первые лучи солнца не застали подводных лодок около «Полярной звезды».

Сегодня принимали боезапас две «щуки». Они уходят в Балтийское море, в тыл противника. Я заглянул в трюм, откуда на талях вытаскивали длинные стальные торпеды, и, увидев, что этими зловеще поблескивающими гигантскими сигарами заполнены стеллажи, ощутил неприятную дрожь в ногах. Рефлекс невольного страха сработал у меня с запозданием.

Утром над нами показался едва приметный серебристый самолет. Наблюдатели его обнаружили по белесой струйке пара в блекло-голубом небе. Фашистский разведчик, похожий на продолговатую раму, блестел на солнце, а наблюдателям показалось, что он сигналит желтыми ракетами.

Огонь по «раме» открыли лишь береговые зенитчики,

а шесть пушек «Полярной звезды» отмолчались. Противник не должен догадываться, какой корабль стоит у стенки недостроенного порта.

Приметив разрывы зенитных снарядов, немецкий разведчик круто взмыл вверх и еще раз прошелся над Усть-Лугой, видимо фотографируя ее.

«Наверное, такие же самолеты летают над Ленинградом, — подумалось мне. — А может, уже сбрасывают бомбы. Что-то давно не было из дому вестей».

8 июля. Последние известия по радио не радуют: противник продолжает продвигаться по нашей земле. Не придется ли и нам воевать на суше?

На «Полярной звезде» уже создан десантный отряд. Я тоже хожу обучаться штыковому бою, стрельбе из пулемета и бросать гранаты.

Из Усть-Луги началась эвакуация детей. Их увозят на грузовых машинах.

М-90 вернулась с позиции. У нее было всего две торпеды, и ни одной не удалось выпустить по кораблям противника. Ночи белые, даже на зарядку аккумуляторов не всплывешь.

Однажды М-90 приметила вражеский самолет. Пока летчик разворачивался для атаки, она ушла под воду. Самолет принялся бросать бомбы на фарватер. Ему на помощь примчались катера-охотники. От взрывов некуда было укрыться. Хорошо, что командиру «малютки» пришла смелая мысль свернуть с фарватера и лечь на грунт в таком месте, где глубина была небольшой, опасной для плавания.

Катерники не догадались искать подводную лодку на мелководье. Растратив глубинные бомбы на фарватере, они некоторое время дрейфовали, прислушивались к шумам под водой, а затем, видимо, решили, что летчику померещилось, ушли.

Я побывал на «щуке», которая уходит в дальний поход. Сигарообразное стальное тело ее разделено на отсеки: торпедные, электромоторный, дизельный, аккумуляторный. Все отсеки в походе наглухо задраиваются. Не будь переговорных труб, люди одного отсека не знали бы, что делается в другом. Приказания, поступающие

из центрального поста, объединяют их и помогают действовать слаженно.

Не только на «малютках», но и на «щуках» тесно. На всю команду не хватает узких коек, хотя они расположены в два этажа одна над другой. Матросы-торпедисты в походе спят, лежа на запасных торпедах.

Когда «щука» погружалась на дно залива, я ощутил, как на перевале в горах, перемену давления.

10 июля. Жарища невозможная! Как люди воюют на суше! Мы здесь у моря изнываем. Сидишь в каюте — майка мокрая, чувствуешь, как по груди струится пот. От частого умывания солоноватой водой лоб саднит.

Наш комбриг наголо побрился, ходит по кораблю в одних трусах и тапочках. Подражая ему, сбрили волосы и «флажки». Так мы называем флагманских специалистов.

Наш десантный отряд первую половину дня обучался ползать, бросать боевые гранаты и колоть штыком. Я так перепачкался в глине, что с трудом очистил китель.

Во второй половине дня над заливом скопились тучи. Вечер был темней обычного. Мы проводили двух «щук», ушедших к берегам противника, и на корабле наступила тишина.

Я стал готовить материал для очередного номера газеты. Но в каюте сидеть не мог: от духоты становилось дурно, выбрался подышать свежим воздухом на верхнюю палубу, а там чуть ли не по ногам промчалось семейство визгливых крыс. Я невольно отскочил к фальшборту.

— Не к добру крысы носятся, — сказал бродивший по кораблю механик Ерышканов. — Сегодня в парикмахерской крыса с зеркала свалилась. Такой визг подняла, что намыленный штурман, а за ним и парикмахер в панике в коридор выскочили. Если крысы бесятся, обязательно что-нибудь на корабле произойдет.

Этот низкорослый и серолицый механик не только суеверен, но и недоверчив. Его больше всех беспокоит живучесть корабля. Ерышканов ни минуты не может посидеть на месте, он излазал все закоулки трюмов и, де-

лая ежедневные обходы, не дает покоя трюмным старшинам. Хорошо, что есть такие беспокойные люди на корабле!

13 июля. Жара продолжает донимать нас. На реку уже не ходим, а прыгаем в воду прямо с трапа.

На заливе полный штиль. Вода теплая, сколько ни плавай — не охлаждает. Подобной жары давно не было в наших краях. Ночью, когда иллюминаторы наглухо задраены, в каютах можно задохнуться. Мы вытаскиваем матрацы на верхнюю палубу и спим в одних трусах под открытым небом.

Гитлеровцы уже приблизились к Пскову. В Эстонии они захватили Тарту. Если немецкие моточасти будут двигаться таким же темпом, то дня через два их нужно ждать в Усть-Луге.

Но мы никуда не собираемся уходить. Получен приказ, запрещающий самовольные отходы и эвакуации. За трусость — расстрел.

Вечером с мостика «Полярной звезды» я видел, как над Котлами кружились «юнкерсы». До нас доносились глухие удары, точно огромная ладонь хлопала по земле.

— Бомбят, гады, — объяснил дальномерщик. — Как вороны кружат, уже третья стая.

Из Ленинграда я наконец получил телеграмму, объясняющую, почему нет писем из дома. Оказывается, Союз писателей эвакуировал детей и жен в Гаврилов-Ям. На карте я с трудом разыскал этот город в Ярославской области.

История повторяется. В первую мировую войну вместе с матерью, братишками и сестренкой мы почти два года скитались по стране в товарных теплушках. Мне тогда было пять лет, и сыну моему пятый пошел. Каковы будут скитания эвакуированных нового поколения?

15 июля. В Лужскую губу, после двадцатидневного пребывания на позициях, пришли три подводные лодки. Мы их встретили торжественно: на «Полярной звезде» был сыгран большой сбор, духовой оркестр грянул марш.

Подводные лодки сильно обшарпаны. Краска на бортах обтерлась, всюду ржавые пятна. Швартовые тросы стали огненно-рыжего цвета.

У подводников, почти три недели не видевших солнца, бледные, обросшие бородами лица. Одежда мятая, словно жеваная.

На позиции они прокляли белые ночи. Всплывать удавалось лишь на два часа в сутки. Не успевали полностью заряжать аккумуляторы.

Во время перехода в Лужскую губу замучили частые воздушные тревоги, то и дело приходилось погружаться.

Готовясь к торжественному обеду, прибывшие подводники побывали в бане, побрились и принялись наглаживать парадные форменки. И в этот час радист штаба получил тревожную весть: где-то у Гдова линию фронта прорвала танковая группа гитлеровцев, переодетых в красноармейскую форму. Фашисты появились и на приморском шоссе.

Торжественный обед, конечно, был отменен. Прибывшие подводники получили приказ уйти в Кронштадт.

На «Полярной звезде» стали собирать десант для высадки на берег.

Я был назначен замполитом в третий взвод.

— В нем собрана вся корабельная интеллигенция, — не без ехидства пояснил оперативник, формировавший десант. — Бойцы прямо для вас подобраны.

Оказывается, в третий взвод вошли все музыканты духового оркестра, писари политотдела, почтарь, киномеханик и наборщик типографии. В общем, на берег сплавлялись те, без кого, по мнению штабников, спокойно можно обходиться на базе.

Мне хотелось уйти с десантом, но возмутило отношение к печатной газете.

— Наборщика надо оставить на корабле, — сказал я.

— Приказа менять не будем, — высокомерно ответил оперативник.

Я пошел в политотдел. Бобкова на месте не оказалось, он отбыл в политуправление. А его заместитель не решился спорить со штабниками.

Третьим взводом командовал худощавый старший лейтенант Муранов — специалист по связи. Он представления не имел, что надо делать бойцам на суше, но готов был сразиться с любым противником.

Нас переодели в синие рабочие комбинезоны, выдали винтовки, ручные пулеметы и по три гранаты на человека.

На шлюпках, которые буксировали катера, десант высадился на лесистый берег.

Захватив походную рацию, резиновые мешки с пресной водой, сухари, консервы и патроны, мы пешком двинулись через захламленный лес к приморскому шоссе и там заняли оборону согласно плану.

Окопов мы не рыли. К чему они? Да и лопат не было. Пулеметчики замаскировались ветвями, а остальные бойцы прятались за деревьями, поглядывая на дорогу.

Если бы появились танки, мы бы ничего не смогли сделать с ними. Но тогда думалось, что наш десант — грозная сила.

Старший лейтенант ушел в соседний взвод договариваться о сигнализации, а я взялся проверять посты и секреты.

Трое музыкантов ухитрились раздобыть в поход спирту; расположившись в зарослях папоротника, как на пикнике, они выпили и закусили НЗ. Затем, заложив в гранаты запалы и опоясавшись пулеметными лентами, они возомнили себя «братишками» времен гражданской войны: ходили косолапя, никого не желали слушать и требовали, чтобы их немедля послали в разведку. У этих «братишек» заряженные гранаты были так подвешены на ремнях, что стукались одна о другую и могли взорваться в любую минуту.

Мне пришлось силой разоружить музыкантов, арестовать и здесь же в лесу уложить спать под наблюдением двух часовых, охранявших походную рацию и наши боезапасы.

Другие бойцы донимали меня вопросами: что делать, если появятся танки? А я и сам не знал.

На всякий случай все же посоветовал бойцам связать гранаты по три штуки вместе. Ничем другим они бы не смогли остановить танки.

Не будь комаров, лесная жизнь могла бы стать сносной. Но комариные полчища не давали покоя. Их назойливые пискливые голоса, укусы, от которых нестерпимо зудела кожа, доводили десантников до отчаяния. Небольшой ночной дождь не избавил нас от кровопийц. Они проникали в любую щелку, ухищрялись кусать сквозь комбинезон. Бойцы в кровь расчесывали шеи, лица, исхлестывали себя колючими ветками.

Проверяя посты и следя за дорогой, я до утра сновал по лесу. К рассвету так измотался, что ноги сами подкосились. Опустившись под огромной елью на колени, я ткнулся лбом в мох. В таком положении проспал, наверное, минут пятнадцать. Когда я очнулся, то был мокрым от дождя и руки покрылись волдырями. Умывание холодной водой мне не помогло. Лишь одеколон немного ослабил зуд.

Утром, взглянув на потемневшие от бессонной ночи и опухшие от волдырей лица бойцов, старший лейтенант Муранов приказал построить из ветвей несколько шалашей, в которых можно было бы по очереди отдыхать.

Но и в шалашах от комаров не было покоя. Их пришлось выкуривать дымом.

Мне удалось поспать несколько часов на открытой полянке у дороги. В местах, продуваемых ветерком, комары не водились.

16 июля. Раздобыв несколько лопат, мы начали рыть щели для укрытий. На наше счастье, вражеские танки на приморском шоссе не появлялись. Старший лейтенант стал подумывать, нельзя ли заминировать дорогу. Но чем?

Ночью на участке соседнего взвода послышалась частая пальба. По тревоге мы подняли свой взвод и заняли места у дороги.

Не прошло и трех минут, как послышался визг тормозов. Почти передо мной остановилась легковая машина. Мы окружили ее и, открыв дверцы, вытащили насмерть перепуганного начфина, его охранника и шофера. Двое из них были ранены в ноги, так как бойцы стреляли по шинам.

Недоразумение произошло по вине начфина. Он вез

«денежное довольствие» — довольно крупную сумму. Увидев на дороге странно замаскированных людей в комбинезонах, начфин принял их за бандитов и приказал шоферу гнать машину на предельной скорости. Тут и началась пальба.

Отправив пострадавших в санчасть, мы не отдыхали до утра, потому что принялись строить шлагбаум.

Вот как приобретается опыт войны. Неужели всюду так?

18 июля. Сегодня, когда мы рыли окопы в лесу, появился рассерженный Бобков. Полковый комиссар, оказывается, привез из Кронштадта приказ Военного совета о моем назначении редактором многотиражной газеты. Не застав меня на месте, он решил, что в погоне за романтикой десантной жизни я бросил газету на произвол судьбы.

— Товарищ старший политрук, немедля возвращайтесь на базу и займитесь своим прямым делом, — увидев меня, приказал Бобков. — И больше прошу без моего разрешения не покидать базу.

Не понимая, почему полковой комиссар говорит со мной таким официальным тоном, я все же решил обратиться к нему с просьбой:

— Разрешите захватить с собой и наборщика? Я без него не справлюсь.

— А он что здесь делает? С вами напросился?

— Никак нет.

Я рассказал о своем протесте, высокомерном ответе штабников и нерешительности заместителя начпо. Это привело в ярость Бобкова.

— Ну, погоди, я им устрою баню, — пообещал он. — Научу уважать советскую печать!

27 июля. Вчера из лесу вернулись на корабль и наши десантники. Их сменила сухопутная часть, охраняющая приморское шоссе.

Сегодня трюмы нашей «Полярки» пополнились новыми торпедами, притащенными на барже из Таллина.

Обычная пороховая бочка — ничто по сравнению с этой бывшей царской яхтой. Если какому-либо шально-

му летчику взбредет с малой высоты сбросить бомбу, то он и сам будет уничтожен мощной взрывной волной.

Разведка противника навряд ли догадывается, какой корабль стоит рядом с землечерпалкой и водолазными ботами, иначе нас бы давно разбомбили. Бомбардировщики гитлеровцев не раз уже пролетали над заливом и сбрасывали свой груз где-то в Котлах.

Когда мы уйдем отсюда? Нельзя же столько времени мозолить глаза воздушной разведке гитлеровцев. Наверное, чуткие цейсовские объективы уже засекли всплывавшие подводные лодки. Настанет день, когда немцы разберутся в снимках и прикажут бомбардировщикам очистить Лужскую губу.

Ночи стали прохладными, а мы по привычке выносим на верхнюю палубу постели и укладываемся рядами. Неожиданно ночью из Таллина прибыл командир бригады. Подняв всех на ноги, он принялся распекать распустившихся «дачников» и одному из штабников влепил двое суток ареста.

Теперь по кораблю строгий приказ: всем спать по своим каютам и кубрикам.

ПОД ТОЛЩЕЙ ВОДЫ

30 июля. Сегодня в кают-компании появились два незнакомых мне подводника — в новых топорщившихся кителях без нашивок. Один из них был белобрыс и бледен, другой, наголо остриженный, казалось, только что вернулся с курорта: круглое лицо его пылало от красновато-шоколадного загара. Они сели за стол против меня и за обедом как-то странно вели себя: принюхивались то к хлебу, то к ложке, то к борщу. Наконец круглолицый спросил:

— Товарищ старший политрук, скажите: борщ ничем не пахнет?

— Нет, вполне доброкачественный.

— А нам все время чудится соляр. На всю жизнь, видно, наглотались.

Выяснилось, что передо мной сидят недавно спасшиеся с торпедированной гитлеровцами «малютки» старший лейтенант Дьяков и механик его подводной лодки Вик-

тор Шиляев. Как только закончился обед, я, конечно, потащил обоих в свою каюту и там, зная, что во время войны не смогу напечатать их рассказ в газете, все же записал его со всеми подробностями.

Случилось это так.

Командир подводной лодки М-94 старший лейтенант Дьяков получил приказание занять позицию у Абоских шхер в Балтийском море.

20 июля в полночь, следуя за подводной лодкой М-98, которой командовал капитан-лейтенант Беззубников, Дьяков повел свою «малютку» через пролив Соэла-Вяйн в море.

Впереди «малютки» шли катера «рыбинцы», тащившие за собой тралы. Катера с тралами не могли дать хода больше трех узлов. Под дизелями таким ходом не пойдешь, подводным лодкам пришлось перейти на электродвигатели.

Ночь была теплая. Слабый ветер доносил с островов запахи сосны и перестоявшихся некошеных трав. Казалось, что никакая опасность не грозит кораблям, так как хорошо были видны посты береговой обороны островов.

На рассвете, пройдя сложный фарватер, «рыбинцы» подняли тралы и, распрощавшись с подводниками, ушли в Триги.

М-94 и М-98 некоторое время шли на небольшом расстоянии друг от друга. Дьяков приказал запустить дизель, чтобы привести в порядок разрядившиеся аккумуляторные батареи.

За нордовой вехой с шарами командиры помахали друг другу руками, и каждый стал действовать самостоятельно. Отсюда их пути расходились.

Дьяков решил идти в надводном положении к остовой вехе. Шел средним ходом, так как дизель еще не прогрелся. Впереди было много отмелей. Чтобы обойти их, старший лейтенант выбрал короткий путь — фарватер у берега, на котором недавно была атакована торпедой подводная лодка С-9. Торпеда в «эску» не попала. Взорвалась на каменистой отмели.

«Не будет же немецкая субмарина болтаться столько времени на опасном месте, — думал Дьяков, продолжая вести корабль в надводном положении. — За отмелями

погружусь на перископную глубину и к вечеру доберусь до позиций».

Кроме него, на мостике было еще три человека: штурман корабля — старший лейтенант Шпаковский, сигнальщик — старшина второй статьи Компаниец и поднявшийся снизу покурить старшина группы мотористов Лаптев.

Грохот взрыва под кормой нарушил тишину утра. Дьякова отбросило под козырек и грохочущим потоком, падающим с высоты, прижало к стенке. Ухватившись руками за край козырька, старший лейтенант оттолкнулся ногами и выскочил из-под водопада...

Вокруг пузырилась и кипела вода. Бурно вырывался из глубины соляр, «малютка» кормой опускалась на дно. «Подорвалась на мине», — подумал Дьяков.

Метрах в двадцати от себя он увидел Лаптева и штурмана. Шпаковский, наверное, был ранен, потому что кружил на месте, опустив лицо в воду. Старший лейтенант хотел поспешить на помощь, но его вдруг обдало волной и ослепило соляром.

Куда теперь плыть, Дьяков не знал. Сначала надо было освободиться от намокшей одежды, тянувшей вниз. То окунаясь, то всплывая, чтобы глотнуть воздуха, он стащил с себя китель, фуфайку и ботинки. К нему подплыл старшина Лаптев и спросил:

— Вам помочь?

— Не надо, спешите к штурману.

— Шпаковского уже не видно, он утонул, — сказал Лаптев.

Над водой виднелся нос затонувшей «малютки», они вместе направились к нему и в это время услышали голос:

— Товарищи, помогите... не могу больше — тянет на дно!

Это кричал сигнальщик Компаниец. Дьяков и Лаптев подплыли к нему и подхватили один левой, другой правой рукой.

Компаниец, оказывается, успел снять только бушлат. Одежда и сапоги тянули его вниз.

Помогая друг другу, они втроем вскарабкались на нос подводной лодки и принялись стучать кулаками по

стальному корпусу: не отзовутся ли оставшиеся внутри товарищи? Но никто им не отвечал.

«Наверное, погибли, — подумал Дьяков. — Как же нам теперь добраться до острова?»

Вдали виднелась М-98. Подводники сорвали с себя мокрые тельняшки. Сигнальщик, взяв их в обе руки, просигналил Беззубникову, чтобы тот выслал шлюпку.

После взрыва подводная лодка М-98, видимо из предосторожности, приняла балласт, потому что была притоплена — виднелась только рубка и тонкая кромка палубы. Сигналы на ней поняли и стали надувать резиновую шлюпку.

И в это время Дьяков увидел невдалеке глазок перископа третьей подводной лодки.

«Вот кто нас торпедировал», — понял он.

Гитлеровская субмарина двигалась под водой в сторону М-98. Товарищей надо было предупредить.

Компаниец вновь замахал тельняшками, как сигнальными флажками, и просемафорил: «На вас идет в атаку подводная лодка».

На М-98 поняли его. Спустив на воду шлюпку с матросом, они начали маневрировать, меняя скорости.

Выпущенная гитлеровцами торпеда не попала в цель: проскочив мимо М-98, она с раскатистым грохотом взорвалась на отмели, подняв вверх столб воды, дыма и грязи.

Матрос с М-98 вскоре подплыл на резиновой шлюпке к пострадавшим и снял их с носа затонувшего корабля. Затем, прижимаясь к берегу, пошел навстречу баркасу, вышедшему с поста береговой обороны острова Эзеля.

У больших валунов, выглядывавших из воды, подводники покинули резиновую шлюпку и перебрались в надежный деревянный баркас. А матрос с М-98, выполнив приказ, отправился на свой корабль.

В момент взрыва крышка верхнего рубочного люка М-94 захлопнулась сама, но не плотно: сквозь щели прорывалась вода и хлестала в центральный отсек.

Старший рулевой Холоденко, стоявший на вахте, кинулся по трапу наверх. Он мог бы спастись через руб-

ку, но, вспомнив об оставшихся товарищах, плотно задраил верхний люк и крикнул сменщику Шипунову:

— Прикрой вентиляцию!

Из соседнего отсека неожиданно хлынул соляр. Они вместе бросились к переборке, задраили вход и закрыли глазок.

Ни вода, ни соляр больше не поступали.

В носовой части корабля от сильного сотрясения лопнули электрические лампочки, стало темно. Людей, находившихся здесь, оглушило; палуба стала крениться. Все, что не было закреплено, скатилось к кормовым переборкам.

Первым очнулся командир отделения гидроакустиков Малышенко. Ему показалось, что в отсеке не хватает воздуха. Цепляясь за выступы, он подобрался к регулятору и, не мешкая, дал в отсек противодавление. Воздуха стало поступать больше, чем нужно.

Механик подводной лодки капитан-лейтенант Шиляев после ночной вахты спал во втором отсеке на диване. От сильного толчка на него с верхней койки свалился боцман Трифонов, и они вместе покатились по палубе. . .

В отсеке было темно. Ничего не понимая спросонья, механик спросил:

— Что случилось? Где мы?

— Кажется, на дне, — ответил боцман. — Похоже, что на мине подорвались.

Откуда-то доносился шипящий свист. Сильно давило на уши.

«Какой-то чудак дал противодавление, — понял Шиляев. — Надо остановить».

— Стоп! Прекратить подачу воздуха, — крикнул он и сам кинулся к клинкету вентиляции. Но в темноте рука наткнулась на что-то острое и так заныла от боли, что ее свело. Закончить работу помог боцман.

Из первого отсека, оказавшегося почти над головой, послышался топот и какая-то возня. Кто-то отдраивал люк. Во второй отсек один за другим спустились торпедисты Митрофанов и Голиков.

— У нас из-под настила показалась вода с соляром, — сообщил Митрофанов.

— Задраивать переборку, — приказал механик и, ко-

гда приказание было выполнено, спросил у боцмана: — Сколько теперь у нас народу?

— Пять человек, — ответил Трифонов. — Вы, я, акустик Малышенко и торпедисты. Кто-то есть и в центральном отсеке, слышны голоса.

«Что же предпринять? — задумался капитан-лейтенант. — Теперь я здесь старший».

Из истории подводного плавания он знал несколько случаев, когда люди спасались через торпедные аппараты. Почему бы не попытать счастья?

— Все ли у нас имеют индивидуальные спасательные маски? — спросил Шиляев.

— Не все, — ответил боцман. — Нет у вас и у торпедистов.

— В первом отсеке найдутся запасные, я знаю, где они, — сказал старшина торпедистов Митрофанов.

Механик через глазок посмотрел в первый отсек. Там уцелела крохотная электролампочка боевого освещения. Света от нее немного, но он позволял разглядеть — воды в отсеке мало.

— Отдраить вход, — приказал Шиляев.

Вдвоем, со старшиной, хватаясь за выступы и трубы, они пробрались в первый отсек. Найдя запасные маски, механик негромко спросил у торпедиста:

— Сумеете ли через аппарат пропустить нас?

Старшина не сразу ответил. Он осмотрел аппарат, проверил его действие, с недоумением взглянул на приборы и лишь затем доложил:

— Ничего не получается, слишком большой дифферент.

— Ну что ж, значит, этот путь отпадает, — не без огорчения сказал механик. — Попробуем шлюзоваться через рубку.

Когда они собрались уходить, старшина приметил в хранилище уцелевший анкерок с красным вином.

— Может, захватим с собой? — спросил он.

Механику очень хотелось глотнуть вина. Во рту все пересохло. Но он боялся, что хмель толкнет на необдуманные поступки, сдержался и решительно сказал:

— Запрещаю! Не трогать!

Они выбрались из отсека и вновь накрепко задраили его.

Из центрального отсека доносился непонятный шум.

— Что там стряслось? — спросил Шиляев у боцмана.

— Не пойму, — ответил тот. — Спорят вроде.

Механик открыл глазок в центральный отсек и спросил:

— Кто жив?

— Шипунов, Линьков и я, — ответил ему старший рулевой Холоденко.

— Чего вы расшумелись?

— Да вот тут Линьков... испугался, что ли? Чудить начал.

— Много у вас воды?

— Пустяки, успели перекрыть.

— Откройте переборку.

— Не позволю! — вдруг запротестовал старшина трюмных Линьков. — У вас вода. Хотите, чтоб и мы погибли?.. Не положено открывать.

— Как же вы без нас спасетесь? И насчет воды фантазируете. Поглядите в глазок, — принялся убеждать механик.

— Ничего в темноте не увидишь, не открою! — упорствовал Линьков.

С исполнительным старшиной действительно что-то случилось. Он никогда прежде не позволял себе так говорить. Неужели от страха потерял рассудок? «Надо отстранить», — решил капитан-лейтенант и твердым голосом приказал:

— Краснофлотец Холоденко, назначаю вас моим помощником по спасательным работам. Выполняйте приказание.

— Есть! — ответил тот и, отстранив Линькова, отдраил вход.

В центральном отсеке собралось восемь человек. От пролитого электролита, соединившегося с водой, начал выделяться хлор. Становилось трудно дышать.

Капитан-лейтенант проверил, на какой глубине находится подводная лодка. В первом отсеке глубомер показывал восемь метров, а в центральном — двадцать. Какому из них верить? Не испортились ли оба? Взглянув на штурманскую карту и прочитав последнюю запись в бортовом журнале, Шиляев понял, что подводная лод-

ка находится недалеко от берега. Если выберемся из отсека — подберут. Но как это лучше сделать?

Капитан-лейтенанту невероятно захотелось курить. Хоть бы одну папиросу — сразу бы он привел мысли в порядок...

«Не смей, — тут же приказал сам себе. — Если ты закуришь, то дисциплину начнут нарушать и другие. Потерпи!»

Он стал вспоминать инструкцию, как можно спастись через рубку способом шлюзования: опустить тубус... взять буй с буйрепом, всех собрать в рубке... Но поместятся ли восемь человек? Ведь второго сеанса не будет. Оставшиеся погибнут.

Отвергая все сомнения, он уже твердым голосом начал отдавать приказания. Краснофлотцы ждали решительных действий. Уверенность механика взбодрила их. Распоряжения Шиляева выполнялись быстро и точно. Люди поверили — он спасет их.

Объяснив, как будет проходить вся процедура шлюзования, Шиляев приказал всем снять обувь и остаться лишь в легких комбинезонах.

Пока шли приготовления к спасению, он уничтожил секретную документацию и повесил на грудь аварийный фонарик.

Невдалеке послышался шум моторов.

— Наши катера пришли спасать, — обрадовались подводники.

Никто из них, конечно, не догадался, что вблизи прошла подводная лодка противника. А когда послышался сильный взрыв, все недоуменно переглянулись: никак бомбят?

— Не обращать внимания! — приказал Шиляев. — Опробовать индивидуальные спасательные приборы!

Все люди были натренированы. Они быстро проверили маски и действие кислородных баллонов. Приборы оказались исправными.

— Теперь в рубку! — скомандовал механик. — Старайтесь так разместиться, чтобы всем хватило места.

Для восьми человек рубка, конечно, была тесной. Двое старшин вместе с боцманом заняли ступеньки трапа, остальные как можно плотней прижались друг к другу. Шиляев с трудом протиснулся к ним.

Задраив нижний люк и дав противодавление, механик, как на учениях, ровным голосом сказал:

— Боцман выходит первым, за ним Холоденко, Митрофанов, Малышенко, Шипунов, Голиков и Линьков. Я покину корабль последним. Не торопитесь выскакивать наверх. Мы пустим буй. Помните: на буйрепе есть мусинги... задерживайтесь хоть несколько секунд, иначе раздует... Заболеете кессонной болезнью.

— Товарищи, а я ведь плавать не умею, — вдруг сознался Линьков. — Утону... поддержите наверху.

— Не канючить! — прервал его механик. — Моряки не оставляют товарища в беде, боцман и Холоденко поддержат. Всем надеть маски и включить кислород, — приказал он. — Головы выше!

Капитан-лейтенант стремился подбодрить товарищей.

Надев маску, Шиляев стал заполнять рубку забортной водой. Вода проникала снизу и поднималась все выше и выше. Вот она дошла до пояса... до груди... Погас фонарик, стало темно... Дыхание участилось...

Вскоре зашевелился на трапе боцман — стало быть, вода дошла доверху. Теперь нетрудно будет отдраивать верхний люк и выпустить буй с тридцатиметровым буйрепом.

В рубке чуть посветлело — значит, люк открылся. Подводники один за другим стали покидать рубку. Видимо, от напряжения Шиляева вдруг оставили силы, он на какой-то миг потерял сознание, опустился на колени...

Когда механик очнулся, рубка уже опустела. Сквозь толщу воды сверху пробивался луч солнца. Шиляев пошарил рукой вокруг себя. И вдруг наткнулся на скорчившегося Линькова. Тот не решался покинуть корабль. Капитан-лейтенант подтолкнул его к выходу.

Спровадив последнего, механик еще раз обшарил всю рубку, затем взялся за буйреп и не спеша сам стал подниматься на поверхность.

Всплыв, Шиляев снял маску и спросил:

— Кто не вышел?

— Линьков, — ответил боцман. — Он тут всплыл было, да на радостях рано снял маску... его опять утянуло вниз.

— Выловить! — приказал капитан-лейтенант.

Но вытаскивать «утопленника» не пришлось. Он сам выплыл из глубины.

Не желая погибать, Линьков под водой надел маску, выпил из нее соленую воду и включил кислород. Старшину выкинуло на поверхность.

Товарищи, подхватив неудачливого старшину, стали подсаживать его на торчавший из воды нос М-94, но подводная лодка почему-то вдруг стала медленно погружаться и ушла под воду. Пришлось всем собраться в одно место и, поддерживая Линькова, вплавь направиться к берегу.

Плыли они до тех пор, пока их не подобрал баркас берегового поста, прибывший через час после взрыва.

МЫ ПРОРЫВАЕМ СЕТИ

9 августа. Сегодня подул ветер и небо хмурилось с утра. Корабль даже у стенки раскачивало.

Перед обедом, когда в кают-компании накрыли стол, неожиданно появились члены военно-полевого суда, чтобы провести открытое заседание.

По сигналу в кают-компании были собраны все моряки, свободные от вахты. Нарезанный хлеб, расставленные приборы и тарелки вестовые накрыли второй белой скатертью. Так как все почему-то говорили вполголоса и шепотом, создалось впечатление, что на столе лежит длинный покойник, накрытый саваном.

За шахматный столик уселись два военюриста и старший политрук. Председатель военно-полевого суда, зачитывая обвинительный акт, вместо «уже» все время говорил «вже». Моторист «Полярной звезды» Рюмшин обвинялся в невыполнении приказа во время воздушной тревоги.

Моторист невысок, ершист, с твердым, упрямым подбородком. Свидетели подтверждают его строптивость и нежелание подчиняться старшине.

Военно-полевой суд совещался недолго и тут же вынес приговор: «...к высшей мере наказания — расстрелу».

В кают-компании наступила небывалая тишина.

У приговоренного побелели губы. Он стоял как пораженный громом. Потом, не обращая внимания на часовых, перешел к другой переборке и опустился в одно из свободных кресел. Видимо, ноги его не держали. Он уже был наполовину мертв.

— Сменить часовых! — послышалась команда.

В кают-компанию вошли пехотинцы с винтовками. Рюмшин, взглянув на них, поднялся и, словно слепой, касаясь рукой переборки, пошел к трапу.

На широком трапе стояли его товарищи-мотористы. Сочувствуя Рюмшину, они совали ему в руки папиросы, печенье, а он от всего отказывался, ему ничего уже было не нужно.

12 августа. Нашим подводникам наконец повезло: Щ-307 в том же районе, где погибла М-94, торпедировала гитлеровскую субмарину, повадившуюся разбойничать у пролива Соэла-Вяйн. От взрыва субмарина вздыбилась, показала разодранный борт и ушла на дно.

Боевой счет открыт.

Несколько наших подводных лодок теперь ходят к базам противника с рогатым грузом. Они скрытно ставят на фарватерах минные банки. Это важная работа. Гитлеровцы могут пострадать больше, чем от торпедных атак.

14 августа. Ночь не спали: тревога за тревогой. Противник недалеко — в каких-нибудь пятидесяти километрах. Над заливом то и дело проносятся бомбардировщики. Нас пока не трогают. Летают бомбить рабочие команды ленинградцев, которые роют противотанковые рвы и устанавливают надолбы на подступах к городу. Скоро бомбардировщики накинутся и на нас. Надо быть готовым ко всему.

Все сухопутные дороги к Таллину отрезаны, остался один путь — Финский залив. Но он опасен. На фарватерах столько мин, что некоторые узости залива напоминают суп с клецками. Уже несколько кораблей подорвались и затонули.

15 августа. Проснувшись, мы ловим последние известия по радио. Вчера наши войска оставили Смоленск, сегодня — Кировоград и Первомайск. Гитлеровцы перешли на юге Буг. Одесса, как и Таллин, окружена. Но по Черному морю можно уйти на Кавказ, а по Финскому заливу куда? Противник захватил оба берега, может обстреливать фарватеры из пушек.

16 августа. Фронт приблизился. Ночью с фок-мачты я видел вспышки орудийной стрельбы.

Поздно вечером гитлеровский летчик сбросил над заливом осветительную ракету. Она плавно опускалась на парашюте, освещая наш корабль.

У борта «Полярной звезды» стояла подводная лодка. Не засек ли ее разведчик? Тогда нам будет жарко. Гитлеровцы бросят сюда все самолеты.

Подводные лодки ненавистны противнику, они незаметно пробираются на его коммуникации, неожиданно нападают на корабли и топят их. А «матка» подводных лодок, которая кормит и снабжает торпедами большой выводок стальных птенцов, заслуживает того, чтобы на нее была брошена вся бомбардировочная авиация. Тот, кто потопит «матку», получит высшую награду — железный крест.

Ночь с 16 на 17 августа. Сегодня прямо над нами загорелись две осветительные бомбы. Их яркий, какой-то неживой свет выхватил из тьмы всю акваторию порта.

К счастью, две «щуки», бравшие из цистерны «Полярной звезды» соляр, уже отошли от борта. Но успели ли они погрузиться под воду?

Где-то за Усть-Лугой большой пожар. Вижу зарево и высокие языки пламени. Сейчас два часа ночи. Сквозь редкие облака проглядывают звезды и тускло светит месяц.

Я дежурю по кораблю. Следим не только за воздухом, но и за водой. По радио из штаба нас предупредили, что возможно нападение с моря. Разведка заметила в заливе торпедные катера противника.

17 августа, 14 часов. Только что нас атаковали три бомбардировщика. Они вышли из-под солнца и, спикировав, сбросили на «Полярную звезду» двенадцать бомб. Нападение было столь неожиданным, что зенитчики не успели открыть заградительный огонь.

Бомбы падали с тягучими воплями, но ни одна не попала в корабль: две взорвались на суше, остальные в воде. Некоторые из них упали невдалеке от борта.

Всплыло очень много оглушенной салаки. Большой судак и два крупных окуня кружили на поверхности воды, плавая вверх брюхом. Матросы с катеров запустили моторы и принялись сачками вылавливать оглушенную рыбу.

— На ужин поджарка будет, — говорили они.

С землечерпалки, которая стояла в заливе в пяти кабельтовых от нас, просемафорили: «Попала бомба. Убит рабочий, ранена женщина. Необходима скорая помощь, вышлите врача». Наш врач отправился на землечерпалку.

Я сошел на берег — поглядеть на огромные воронки. Голубовато-серая глина разбросана на десятки метров. На земле валяются еще горячие с рваными боками стальные осколки. По их толщине наши минеры определили, что бомбы были весом по пятьсот килограммов.

17 августа, 17 часов. Наблюдатели заметили приближающихся «козлов» — пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Шесть пушек «Полярной звезды» открыли заградительный огонь. Вскоре к ним присоединились и зенитные пулеметы...

Два гитлеровца все же пробились сквозь огненную густую завесу и сбросили бомбы, но опять ни одна не попала в корабль.

Наш кормовой пулемет обдало жидкой грязью, поднятой взрывом со дна. Меня и обоих пулеметчиков с ног до головы заляпало неприятно пахнущим илом.

На корабле появился первый раненый. Это был зенитчик. Ему сверху не то пулей, не то осколком пробило плечо. Комендор не мог выйти из шока. Он жмурил глаза и дрожал. А кровь хлестала из небольшой раны.

Врач еще не вернулся с землечерпалки. Рану обрабатывал фельдшер.

Видно, гитлеровцы поняли, какой корабль стоит без движения в Лужской губе. Оставаться у стенки нам теперь нельзя. «Полярная звезда» подняла пары и выбралась в залив. Здесь в случае нападения можно маневрировать.

17 августа, 20 часов. Над нами появились бомбардировщики. Они ходили по кругу. Я насчитал двенадцать самолетов и почувствовал дрожь в ногах.

Такой скорострельной пальбы наши зенитки еще никогда не открывали. Снаряд посылался за снарядом. Вокруг стоял невообразимый грохот — невозможно было разобрать отрывистых команд и докладов. Люди понимали друг друга по жестам.

Темные и рыжеватые комки густо испятнали небо перед самолетами. Не решаясь на пикирование в лоб, гитлеровские летчики разошлись по звеньям и начали заходить для атак с разных сторон.

Посыпались бомбы с большой высоты. Их отвратительный вой, казалось, проникал в мозг и кровь, сверлил кости. Невольно охватывал страх, появилось желание сжаться в комок, втиснуться в любую щель. Но где спрячешься на корабле? Остается только одно: отбиваться, не обращая внимания ни на что.

Я напряженно следил за тем, как бомбы отделялись от самолетов, и по их полету старался угадать, куда они упадут. Если стабилизаторы были выше головок — недолет, если ниже — перелет. Но когда бомбы летели и я стабилизаторов не видел — замирало сердце. Сейчас сверкнет и...

Хорошо, что мы обрели маневренность. «Полярная звезда» то двигалась вперед, то отрабатывала задний ход, то разворачивалась.

Бомбы падали так близко, что обдавали палубы грязью и осколками. Корабль вздрагивал от взрывов, стонал и скрипел. И мы невольно думали: только бы не сдетонировали торпедные взрыватели!

Стволы наших пушек раскалились. Снарядов уже осталось мало. Надо было подготовить новые и подать из погреба наверх.

Мне приказали оставить кормовой пулемет и создать живой конвейер от погреба до носовой палубы для передачи снарядов.

Я заглянул в кают-компанию. Там сидели с носилками восемь музыкантов в белых халатах. По боевому расписанию они превратились в санитаров. В закрытом помещении, когда ничего не делаешь, страшней, чем наверху: вслушиваешься в шум боя и ждешь гибели. В эту минуту послышался вой падающих бомб. Он нарастал, заглушал грохот боя. Музыканты втянули головы в плечи и невольно закрыли глаза...

Взрывы встряхнули корабль. Висевший на переборке репродуктор сорвался с крюка и упал на голову кларнетисту. Тот повалился на палубу и, не открывая глаз, завопил:

— Убит... я убит!

Перепуганный кларнетист был столь комичен, что, несмотря на драматизм нашего положения, вызвал дружный смех. Нервам полезна разрядка.

Я растолковал музыкантам, что нужно делать, и мы создали живую цепь от погреба до носовой палубы.

Вскоре послышался отбой воздушной тревоги. Когда я, мокрый от пота, вышел наверх, то увидел на берегу два больших костра. Это догорали сбитые нашими комендорами «юнкерсы».

Прилетят ли сегодня еще раз?

Мы наспех поужинали и принялись набивать пулеметные ленты, подготовлять снаряды в ожидании нового налета. Настроение у всех возбужденное: люди больше обычного разговаривают, много курят, беспричинно смеются.

Многие понимают, что «Полярная звезда» спаслась чудом. Следующий налет может стать последним.

17 августа, 21 час. К «Полярной звезде» подошел катер. На нем командир дивизиона подводных лодок — круглолицый капитан третьего ранга Егоров, воевавший добровольцем в Испании. Он обеспокоен налетом авиации. По тревоге его «щуки» успели погрузиться под воду. Но беспорядочно сброшенные гитлеровскими летчиками бомбы чуть не погубили одну из них. Близким взрывом

«щуку» так подбросило, что она, выскочив на поверхность, едва не опрокинулась.

— Нужно ждать худшего, — сказал комдив. — Не сегодня, так завтра они здесь разбомбят все, что увидят. Надо связаться со штабом и покинуть бухту ночью. Утром будет поздно.

Радисты базы немедленно связались со штабом флота, но определенного ответа не получили. Видимо, на месте не было того, кто мог распоряжаться.

— Я слетаю туда на мотоцикле, — решил Егоров.

Решительный комдив, погрузив мотоцикл на катер, переправил его на берег и укатил по приморскому шоссе. Мы остались ждать.

18 августа, 9 часов. «Добро» получено. Приказано быть готовым к отходу в 24 часа. За нами придут тральщики.

Молодец Егоров, быстро добился нужного приказа!

В полночь тральщики не пришли. В Лужскую губу примчался морской охотник и предупредил, что к отходу нужно быть готовыми в 2 часа.

Когда подошли тральщики, выяснилось, что нам без лоцмана не выйти из Лужской губы, так как она закрыта противолодочными сетями. А когда и где будешь искать лоцмана? Пришлось выходить без него. Не зная прохода, мы, конечно, днищем зацепили сеть и потащили ее за собой.

Пока освобождались от стеклянных шаров сети, начало светать. В путь за тральщиками «Полярная звезда» двинулась только в шестом часу. Но на этом наши злоключения не кончились. Минут через двадцать на быстроходном катере нас нагнал вернувшийся из Кронштадта Егоров. Он был рассержен.

— Что же вы не дождались меня? Думаете, для вас одних хлопотал? Поворачивайте! — потребовал он. — Без тральщиков подводные лодки не поведу. Тут могут быть мины.

И всем кораблям пришлось поворачивать назад. Настроение было препаршивое. Казалось, что мы уже вырвались из смертельно опасной бухты, и вот вновь надо возвращаться к Усть-Луге. Уже рассвело, сейчас над

Лужской губой появятся бомбардировщики. Они увидят нас и, конечно, не отвяжутся...

Стоя на своих постах, мы с волнением всматривались в розоватое безоблачное небо. Нервы были напряжены до предела.

Самолет появился не с той стороны, с которой мы ждали. Его заметили зенитчики тральщика и сразу же открыли заградительный огонь. Гитлеровский разведчик сделал круг на недосягаемом для снарядов расстоянии и скрылся за черневшей на берегу кромкой леса.

Он, конечно, приведет за собой бомбардировщиков.

Но вот показались черные рубки трех подводных лодок. Под охраной катеров они двигались навстречу.

«Полярная звезда» и тральщики вновь развернулись на сто восемьдесят градусов. Наконец все корабли каравана, построясь в походный ордер, легли курсом на Ленинград. Если бы не бестолковщина, мы бы ушли из Лужской губы в темное время. Теперь же нам достанется в пути...

Когда я делал в кают-компании эту запись, раздался грохот носовых пушек и звонки громкого боя. Захлопнув тетрадь, я бегом кинулся к трапу... Послышался свист падающих бомб.

От нескольких взрывов корабль закачался, дрожа мелкой дрожью.

«Не попали, мимо», — отметил я про себя.

Оказывается, самолет ринулся на нас из-под солнца. Его не сразу заметили. Но огонь открыли своевременно. Он не сумел прицельно сбросить бомбы.

Больше я не спущусь в кают-компанию. В конце концов можно делать записи и здесь — у кормового пулемета.

Сейчас мы проходим Копорскую губу и не видим погони.

18 августа, 17 часов. Благополучно прошли Шепелевский маяк, оставив его справа.

У Толбухинского маяка, который виднелся слева, все наблюдатели радостно вздохнули: «Живем! Теперь ни-

кто не решится нагнать нас». Здесь гитлеровцев встретят наши истребители и зенитные снаряды фортов.

Пройдя Кронштадт, мы узнали, что утром был большой налет авиации на Усть-Лугу. Более сорока самолетов сбрасывали бомбы и обстреливали дома и причалы. Пикирующие бомбардировщики утопили землечерпалку, плавучую мастерскую, водолазный бот и несколько баркасов — в общем, все, что было на воде.

Нам повезло. Мы ушли своевременно.

За двое суток непрестанных тревог многие люди так похудели, обросли бородами и потемнели, что стали неузнаваемы.

Сейчас мы стоим в «ковше» невдалеке от Морского канала, вместе с недостроенными коробками кораблей и минзагом. В городе уже дважды объявлялась воздушная тревога, но нас она мало волнует. Тут, на окраине Ленинграда, сверху нас не сразу разыщешь.

6

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ВСТРЕЧИ

19 августа. «Матка» подводных лодок «Полярная звезда» стоит у парапета в Неве. Над нами, словно туши голубовато-серых слонов, висят аэростаты. Их много, целое стадо. Аэростаты должны помешать пикирующим бомбардировщикам снижаться над целью.

Воздушные тревоги объявляются по радио довольно часто, но ни одна бомба еще не упала на улицы города. В небе по утрам появляются едва приметные одинокие разведчики. Они летят на большой высоте, поблескивая на солнце серебристыми плоскостями. Зенитки поднимают бессмысленную пальбу. Видно, как снаряды взрываются, не долетев до цели. Создается впечатление, что кто-то швыряет в самолеты снежками.

Не прошло и двух месяцев войны, а в нашей жизни многое переменилось. Гитлеровцы уже захватили Латвию, Литву, окружили столицу Эстонии, подходят к Ленинграду. Балтийскому флоту больше отступать некуда.

•

Ко мне в каюту зашел комиссар дивизиона «малюток» и, смутясь, сказал:

— Слушай, будь друг, тут у нас трудное дело... нужно известить жену погибшего штурмана. Пока мы здесь, пусть хлопочет пенсию, поможем.

— Н-да-а, невеселое поручение! Она хоть что-нибудь знает?

— В том-то и дело — ничего! Думает, подводная лодка в автономном плаваньи, поэтому от мужа письма не идут. Пойдем вместе, а? Помоги. Ты ведь писатель, знаешь, что в таких случаях говорят.

— Почему решил, что я знаю? Наоборот — абсолютно непригоден.

— Все-таки тонкости души по твоей специальности... Скорей уловишь, в каком она состоянии. А я ведь и жениться не успел. Какая-то робость перед женщинами. И смерть слез боюсь.

Честно говоря, и меня женские слезы всегда обескураживали, никогда я не знал, какие слова нужно говорить в таких случаях, но комиссар так упрашивал, что пришлось дать согласие.

Положив в небольшой брезентовый чемодан несколько банок фруктового экстракта и сгущенного молока, головку сыра, немного печенья и шоколаду, которые остались от походных пайков, мы в трамвае поехали в другой конец города.

Улицы всюду были людными, словно не убавилось, а прибавилось населения в городе. Почти у каждого ленинградца, будь то мужчина или женщина, сбоку висела на лямке сумка противогаза.

День выдался теплый и солнечный. В садиках было полно играющих детишек.

— Почему их не вывезли? — недоумевал я. — Нельзя таких малышей оставлять в городе. Натерпятся они страха.

— А что сделаешь? Мамаши противятся, — ответил комиссар. — «Одних ребят не отпустим», — говорят, а сами не хотят эвакуироваться. Надоело уговаривать.

Прежде чем пойти в дом к жене штурмана, мы решили сперва заглянуть в садик. И правильно сделали. Комиссар издали узнал молодую мамашу.

— Здесь она, — сказал он. — Вон за девочкой бежит... белая кофточка на ней.

Я увидел худенькую блондинку с растрепанными во-

лосами. На вид ей было не более двадцати двух лет. Топоча белыми теннисными туфлями, она гналась по дорожке за крошечной девочкой в короткой юбчонке, а та, восторженно взвизгивая, убегала от нее...

Но вот раскрасневшаяся мамаша настигла малышку, подхватила на руки и закружилась... Они обе весело смеялись.

И тут я понял, как трудно будет сказать им горькую правду. Прямо так не подойдешь, не огорошишь недоброй вестью.

— Смотри, сколько народу вокруг, — в тревоге сказал комиссар. — Надо бы увести домой. Если заплачет, толпа соберется, а это ни к чему.

— Ты подойди и скажи, что надо аттестат заполнить, понадобятся ее документы, — посоветовал я. — На улице де неудобно.

— Хорошо. Бери чемодан, я поговорю с ней.

Мы прошли в садик, он впереди, а я на некотором расстоянии от него.

Поздоровавшись с женой штурмана, комиссар как бы между прочим сказал:

— А у меня к вам небольшое дело. Надо переписать денежный аттестат. Он у вас с собой?

— Нет, — растерялась женщина, — я документов не ношу. Придется сбегать домой. На кого бы девочку оставить?

И она глазами стала искать знакомых.

— Возьмите девочку с собой, — посоветовал комиссар. — Мы тут ей гостинцев принесли...

Он повернулся ко мне, собираясь нас познакомить. Но жена штурмана, взглянув на меня, вдруг все поняла. Она не закричала, нет, а лишь сдавленно сказала: «Ой, что-то с Борей случилось!» — и опустилась на бровку дорожки.

От недоброго предчувствия у нее отнялись ноги. Они ей не подчинялись. Она с трудом поднялась только с нашей помощью.

Взяв под руки, мы повели ее домой. Девочка уцепилась за руку комиссара, жалостливо смотрела на мать и спрашивала:

— Ты ножку ушибла, да? Тебе больно?..

А та, в несколько минут постарев, шла стиснув зубы.

Только дома, узнав подробности о гибели мужа, она дала волю слезам. А мы стояли истуканами, не зная, как быть, какие слова говорить в утешение. Хорошо, что в квартире оказалась соседка. Сердобольная женщина принесла валерьянки и накапала в стакан с водой. Жена штурмана выпила ее судорожными глотками. Мы слышали, как стучали ее зубы о стекло стакана.

Валерьянка, конечно, не успокоила. Соседка движением головы указала, чтобы мы удалились. Минуты через две она вышла в коридор и шепнула:

— Пусть выплачется. А вы идите. Я присмотрю за девочкой.

Комиссар объяснил ей, какие справки нужно добыть для получения пенсии, и, отдав принесенные продукты, пообещал зайти на следующий день.

На улице он с укором взглянул на меня и сказал:

— Эх, писатель, совсем ты не годишься для этих дел!

20 августа. В Ленинграде строгое затемнение. На улицах больше не горят фонари. Окна домов не отражаются в каналах золотистыми бликами: они наглухо задрапированы шторами из плотной бумаги.

Трамваи, в которых светятся синие лампочки, ползут по улицам, как видения подводного царства. Пассажиры с синими лицами похожи на утопленников.

Автомобили имеют только два рыбьих глаза, тускло освещающих асфальт перед колесами.

В облачные вечера город погружается в непроницаемую мглу. В первые минуты, когда глаза еще не привыкли ко тьме, идешь как слепой с вытянутыми вперед руками. Чтобы пешеходы не сталкивались, выпущены специальные обработанные фосфором значки, которые едва приметно мерцают.

Во время воздушных тревог даже курить на улице воспрещается. Обязательно окликнет дежурный.

В городе введен комендантский час. Если хочешь куда-нибудь пойти после двенадцати, нужно знать пароль.

По ночам улицы пусты. Только у ворот домов, под синими лампочками, сидят дежурные, обычно женщины или подростки. Они следят, чтобы из окон даже в щелочки не проникал свет.

По вечерам на набережной Невы полно женщин. Они приходят поглядеть на корабли и моряков.

У парапетов виднеются во тьме притихшие парочки. У кораблей слышится смех, позванивание гитар и мандолин. На катерах играют патефоны. Война войной, а жизнь требует свое.

Моряков, сменившихся с вахты, невозможно удержать на кораблях, под разными предлогами они стремятся на берег. Катерники прямо с борта перемахивают через парапет, где их ждут знакомые девушки. Дежурные лишь предупреждают: «Любезничать любезничай, но по первому сигналу будь на корабле!»

Командиры стараются не замечать мелких нарушений, многие сами не прочь хоть полчасика побыть с любимыми на берегу. Только неисправимые холостяки недовольно ворчат о нарушении морского порядка.

Набережная мгновенно пустеет, когда громкоговорители объявляют воздушную тревогу. Моряки бегом устремляются на свои посты, а женщины — в противоположную сторону: туда, где горят синие огоньки бомбоубежищ.

Через три-четыре минуты все замирает в городе, только шарят по небу зеленоватые щупальцы прожекторов да слышится четкое постукивание метронома, отсчитывающего секунды.

Медная песня горниста — отбой воздушной тревоги — радует и веселит. Набережная опять делается многолюдной.

И днем около кораблей стоят родственники моряков. Приходят старики узнать: не встречался ли кто с их сыновьями? Почему нет писем? Матросы как могут успокаивают их:

— Сейчас не до писем. А в море, как известно, почтовых ящиков нет.

В один из дней в толпе среди любопытных женщин, наблюдавших за жизнью матросов на «Полярной звезде», я узнал свою давнюю знакомую — Тамару К.

В юные годы казалось, что меня влечет к ней. Это было летом в Луге. Мне тогда шел шестнадцатый год, а ей — пятнадцатый. Впрочем, вначале я встречался не с Тамарой, а с ее черноглазой сестрой Марией. Но одна-

жды та не пришла к железнодорожной насыпи на свидание, вместо нее явилась Тамара и смущенно сказала:

— Муся сегодня не может... к ней из Ленинграда приехал другой мальчик. Она прислала меня.

Тамара пришла в хорошо отглаженном платье с белым воротничком. Волосы ее были украшены пышным бантом, а на руки надеты... лайковые перчатки, тайком взятые у матери. Такая тщательная подготовка к свиданию польстила мне. Горькая пилюля стала чуть слаще. Ничего, что вместо одной пришла другая. Мне ведь и Тамара нравилась.

Мы пошли с ней рядом по широкой просеке, прорубленной к даче, где на лето разместился ленинградский детдом. Одной из воспитательниц детдома была мамаша сестер К. Она не позволяла своим дочерям далеко уходить от усадьбы. Они обязаны были находиться на таком расстоянии, чтобы могли услышать ее голос. А он обычно раздавался в одиннадцать часов, когда детдомовок укладывали спать.

Времени для свидания оставалось много. Девочка шла молча и, то ли от страха, то ли от волнения, часто облизывала губы, точно хотела пить. Луна светила слишком ярко, нас могли увидеть из окон дома. Мы спрятались в тень двух сросшихся берез. И Тамара вдруг шепотом предупредила:

— Муся заругает, если узнает, что мы целовались.

— А мы ей не скажем, — пообещал я.

Неумело поцеловавшись, мы разошлись по домам радостно потрясенными, словно постигли тайну, после которой люди становятся взрослыми.

Второе свидание под березами было последним: детдом покидал летний лагерь. Прощаясь, мы дали клятву писать письма друг другу каждый день. В сентябре клятва выполнялась довольно аккуратно: письма приходили через день, в декабре — через неделю, а к весне переписка сошла на нет. Мы не встречались более пятнадцати лет. Хотя Тамара, несколько раздобрев, обрела более пышные формы, все же в ней что-то осталось от той наивной девочки с косичками.

Сойдя на берег, я остановился невдалеке от Тамары и попытался перехватить ее взгляд. Она это почувствовала и, видимо приняв меня за навязчивого нахала мо-

ряка, недовольно нахмурилась. Но любопытство все же заставило ее взглянуть на меня... И вдруг суровость словно сдуло с лица, морщинки на лбу разгладились и глаза засветились.

— О, да ты моряком стал! Тебе идет морская форма.

Радуясь встрече, она подхватила меня под руку и потянула из толпы зевак в сторону.

— Ну, рассказывай... что ты? Как ты? Есть ли жена, дети?

Мои ответы были короткими.

— Есть сын, он сейчас с женой в эвакуации. Моряком стал недавно. Ну, а как ты, Мария?

— У нас не очень удачно: кончили школу... рано повыскакивали замуж. Сейчас жалею, надо было учиться.

— Счастлива?

— Не очень, а Мусе совсем не повезло: муж спивается, стал невозможным. Ты меня проводишь? Я здесь недалеко живу.

Мы прошли с ней несколько улиц Васильевского острова, вспоминая старых знакомых, и остановились на углу Первой линии. Здесь Тамара подала руку и сказала:

— Сегодня вечером ко мне зайдет Муся. Если захочешь увидеть, приходи к семи. Вот тот дом, четвертый этаж...

Назвав номер квартиры, она ушла, а я постоял еще немного и посмотрел, в какой подъезд Тамара войдет.

Возвращаясь на корабль, я пытался понять: осталась ли хоть частица юношеского чувства? Нет, встреча не взволновала, хотя любопытно было узнать: изменились ли сестры? Когда-то Муся видела во мне и сверстниках-лужанах невежественных провинциалов, которых пыталась учить хорошим манерам. Она ведь была девочкой из большого города! Какой же стала теперь эта гордячка?

Вечером, тщательно выбрившись и подшив свежий подворотничок, я отправился на Первую линию. По пути заглянул в кондитерскую. В магазине все полки были пусты. Продавщица вытащила из-под прилавка выцветшую коробку дорогих конфет.

— Раньше не брали таких дорогих, а тут словно с ума посходили, что не выставь — нарасхват. Для фрон-

товиков под прилавком держу, — сообщила она по секрету. — Две последние остались.

— Что же вы завтра будете делать?

— Эвакуируюсь, — со вздохом ответила она.

Сестры уже ожидали меня. Они явно готовились к встрече: у обеих аккуратно были уложены волосы. Младшая надела цветастое шелковое платье, а старшая — бархатное. Но темное платье не могло скрыть расплывшейся талии Муси. Напудренная, с подкрашенными губами, она выглядела старше своих лет. Косметика не стерла морщинок у глаз и рта. Муся жеманно протянула руку и спросила:

— Надеюсь, научился целовать дамам ручки?

— К сожалению, еще не освоил, — как бы сокрушаясь, признался я и запросто пожал ее руку.

— Да, да... очень мало изменился, — заключила Муся. — Тамара права. Скажи, а ты в военных делах что-нибудь понимаешь?

— Смотря в каких.

— Скоро немцы будут в Ленинграде?

— Я думаю, что они попадут сюда только пленными.

— Вы, военные, льстите себе. А мы думаем другое. Уже никто не верит в то, что будете воевать на чужой территории. На своей бы удержаться! За каких-нибудь полтора месяца немцы уничтожили нашу авиацию и танки... Восстановить потери невозможно. В Ленинграде сами рабочие разобрали станки в цехах и эвакуировались куда-то на Урал. А ведь могли выпускать и самолеты и танки.

— Эвакуация заводов в тыл — мудрейшее решение, — возразил я. — Они там будут восстановлены и в спокойной обстановке начнут выпускать продукцию.

— А разумные люди говорят, что наша промышленность разгромлена до прихода немцев. Они идут беспрепятственно, а вы все хвастаетесь.

Таких резких суждений о ходе войны я еще не слышал. Навряд ли Муся самостоятельно пришла к таким умозаключениям. Она и прежде умела подхватывать чужие мысли и выдавать за свои. Значит, в городе существуют люди, которые поддаются панике. Их надо терпеливо убеждать.

— И немцы уже близко, — подхватила Тамара. — Копальщиц противотанковых рвов фрицы забросали листовками: «Ленинградские дамочки, не копайте ямочки. Убегайте, любочки, шейте модны юбочки. Скоро встретимся».

— Ну и что ж, дамочки вернулись домой и шьют новые платья для встречи? — уже обозлясь, спросил я.

— Мы не шьем, как видишь, ходим в старых. Но хотим, чтобы мужчины не пятились бесконечно, — так же зло ответила Муся. — Куда вы денетесь теперь на своих кораблях?

— Если плохо будет — пойдем воевать на сушу.

Но этот ответ, конечно, не успокоил сестер. Я ушел от них с недобрым чувством.

21 августа. Я видел, как по Невскому, в сопровождении мамаш и бабушек, шли пешком на вокзал мальчишки и девчонки лет семи-восьми. За их спинами, как у солдат, топорщились разноцветные вещевые мешки, на которых крупными буквами были вышиты имена и фамилии владельцев. У некоторых ребят и матерей лица были заплаканными.

У Тучкова моста шла погрузка эвакуированных. На длинную деревянную баржу по шатким сходням мужчины таскали чемоданы и большие мягкие тюки.

Невдалеке дымил речной буксир. Это он, сперва по Неве, потом по рекам и каналам Мариинской системы, потащит эту баржу. Против течения она будет ползти по воде медленно. Вот ее-то могут разбомбить «юнкерсы». Цель огромная, и маневрировать трудно.

Вчера на экстренном заседании партийного актива Ленинграда выступил командующий Ленинградским фронтом Ворошилов. Он сообщил, что отчаянно сражавшиеся войска лужской линии обороны обойдены гитлеровцами с юго-востока и юго-запада. Непосредственная опасность нависла над Ленинградом. Немцы сосредоточили на подступах очень много самолетов и танков. Нужно ждать, что на город обрушится лавина огня. Необходимо, не теряя ни одного часа, готовить все мужское население, способное взять в руки оружие, к боям на ближних подступах и... на улицах города.

Значит, опасность очень велика, раз открыто говорится об этом.

Всех подводников инструкторы обучают штыковому бою. Неужели нам придется сойти с кораблей на сушу и драться на улицах?

22 августа. Вчера я в своей газете опубликовал обращение Военного совета фронта, горкома партии и Ленинградского Совета депутатов трудящихся к населению Ленинграда:

«Встанем как один на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы. Выполним наш священный долг советских патриотов и будем неукротимы в борьбе с лютым и ненавистным врагом, будем бдительны и беспощадны в борьбе с трусами, паникерами и дезертирами, установим строжайший революционный порядок...»

Из Ленинграда никакими силами нельзя было выдворить семьи военных. Сопротивлялись и жены и мужья. Никто не верил, что гитлеровцы могут так близко подойти к городу. Теперь поверили, но... кажется, поздно.

Подводники получили несколько вагонов для эвакуации семей. Мне и комиссару «малюток» поручено проследить, чтобы не были забыты жены и дети погибших товарищей. Взяв грузовую машину, мы с рассвета до полудня объехали всех вдов, помогли им собрать по нескольку чемоданов, узлов и перевезли на Московский вокзал к эшелону.

Все платформы и обширные дворы вокзала переполнены беженцами. Всюду груды вещей. Утомленные лица женщин, детей. Многие из них не спали всю ночь. Напуганные слухами, томимые неизвестностью, они издергались, без слез не могут разговаривать.

На Москву поезда уже не идут, потому что гитлеровцы подошли к Чудову. Открыт путь только по Северной дороге на Мгу. Туда отправляется эшелон за эшелоном. Но успеют ли железнодорожники вывезти такую массу пассажиров?

Рассказывают, что вчера вечером женщины повытаскивали из вагонов каких-то толстомордых парней, стре-

мившихся удрать из города, избили их и прогнали с перрона.

Матери, спасающие своих детей, свирепы. Они никого не пощадят.

Мы уехали на корабль, только когда убедились, что эшелон действительно отправился на Мгу. Успеет ли он проскочить опасную зону?

Вечер сегодня необыкновенно темный, над Васильевским островом нависли облака. Самолеты не летают, поэтому лучи прожекторов не бороздят небо. Кажется, что, утопая во тьме, Ленинград затих, вслушиваясь, откуда приближается враг.

КОРАБЛИ ИДУТ ПО МИННЫМ ПОЛЯМ

25 августа. Несколько недель балтийцы сковывали под Таллином крупные силы гитлеровцев, не давая им захватить Эстонию, но сил не хватило. Дни Таллина сочтены. Гитлеровцы прорвались к пригородам. Не сегодня-завтра будет приказ об эвакуации базы Балтийского флота. А там в бухтах и на рейдах скопилось более двухсот различных кораблей. На них нужно перебросить моряков и пехотинцев, оборонявших столицу Эстонии.

Не устроят ли гитлеровцы второй Дюнкерк? Ведь в узостях Финского залива они смогут по всему пути обстреливать корабли из пушек. В Дюнкерке англичанам помогала авиация, а наши истребители не долетят до Таллина, а если и долетят, то воевать не смогут, у них не хватит горючего. Значит, «юнкерсы» будут пикировать почти безнаказанно. Мощный зенитный огонь только на кораблях эскадры.

28 августа. Да, случилось то, чего мы опасались. Корабли Балтийского флота, загруженные войсками сухопутной армии, покинули Таллин и по минным полям прорываются к Кронштадту. Какие там потери — неизвестно.

На помощь отступающим из Ленинграда идут все имеющиеся в наличии спасательные суда. Мне удалось устроиться на портовой морской буксир. Мы идем встречать наши подводные лодки.

День пасмурный, но среди рваных облаков виднеются синие просветы. Порой выглядывает солнце, которое не согревает на ветре. Наш буксир мощный. Его машины развили такую скорость, что мы обогнали все тихоходные суда и вырвались вперед.

Кронштадтский рейд выглядит пустынным, только кое-где виднеются баржи с аэростатами да в стороне от фарватера высится брандвахта. В ней, говорят, хранятся мины.

За островом Лавансаари нас обогнала эскадрилья истребителей.

— И-15... «Чайки», — определил пожилой боцман буксира, служивший прежде на эскадре.

Вскоре мы увидели на горизонте много дымов, затем показались силуэты кораблей. Их было много. Боцман смотрел в бинокль и вслух называл имена:

— Крейсер «Киров»... Лидер «Ленинград»... Миноносец «Суровый»...

Меня всегда поражало умение старых моряков узнавать корабли по силуэтам издали. Я и в этот раз позавидовал боцману.

Все, кто был на буксире, выстроились по борту, приветствуя израненные в боях корабли.

На «Кирове» развевался флаг комфлота. Разбрасывая форштевнем воду, крейсер шел полным ходом.

— Зачем комфлот поднял свой флаг? — недоумевал я — Ведь он приманка для авиации.

— А попробовал бы он не поднять! — с усмешкой ответил стоявший рядом капитан третьего ранга. — Традиция не позволяет. К тому же на крейсере такой зенитный огонь, что самолеты шарахаются от него.

Заметно было, что некоторым кораблям досталось в пути: одни неестественно зарывались носом в волны, другие шли кренясь, третьи утеряли ход, их тащили на буксирах. Среди кораблей эскадры были и наши «эски» и «щуки».

Мы хотели повернуть, чтобы присоединиться к ним, но получили строгий приказ: «Немедленно следовать на Гогланд, в распоряжение спасательного отряда».

Эту запись я делаю на высокой бухте манильского троса. Видимо, мне повезло, нашему брату все нужно видеть собственными глазами.

1 сентября. Три дня я не мог взяться за перо. Не до этого было, да и руки дрожали. В ушах все еще звучат стоны и крики о помощи, рев выходящих из пикирования «юнкерсов», взрывы бомб, хлопанье зениток и вой сирен. За два дня я такого насмотрелся, что и представить себе не мог.

Сегодня я немного поспал и могу отнестись ко всему спокойней. Но с чего начать? Мне, наверное, еще долго будут мерещиться барахтающиеся в море люди.

Редактор газеты «Красный Балтийский флот» полковой комиссар Бороздкин рассказал, что 27 августа Таллин уже горел. Стало пасмурно. Невольно охватывало тоскливое чувство и было такое состояние, какое ощущаешь лишь во время солнечного затмения.

По улицам уже трудно было пробиваться. Все они оказались забитыми отступающими войсками. Беспрерывными потоками к гаваням двигались батальоны потемневших от пыли и копоти пехотинцев, санитарные машины, фургоны, повозки, походные кухни, пушки, двуколки...

Журналисты и писатели устремились в Минную гавань, где стояла «Вирония». Это судно, имевшее почти лебединую осанку, еще недавно плавало с туристами по линии Рига — Стокгольм — Хельсинки. В дни войны его просторные каюты заняли оперативные отделы штаба флота. Писатели не раз бывали на «Виронии». Узнав, что штабисты ее покинули, пишущая братия поспешила занять освободившиеся каюты. Приятней эвакуироваться в комфортабельных условиях! Никому и в голову не пришло, что штабной корабль в первую очередь привлечет внимание противника.

Ночь провели почти по-туристски. Утром литераторы собрались в кают-компании позавтракать. Здесь Бороздкин встретил редактора ленинградского журнала «Литературный современник» Филиппа Князева и литературоведа профессора Ореста Цехновицера. Они оба были возбуждены, так как побывали на самом краю обороны. Цехновицеру, прибывшему в батальон морской пехоты для «устной пропаганды», пришлось заменить убитого комиссара. Взяв в руки гранату, с которой не умел обращаться, он повел моряков в атаку и захватил оставленные окопы.

Среди литераторов Бороздкин увидел почти всех своих штатных сотрудников.

— Вы что — с ума посходили! — закричал он на них. — А если «Виронию» подобьют, кто газету выпускать будет? Немедля рассредоточиться по другим кораблям.

Прозаику Евгению Соболевскому и поэтам Юрию Инге и Николаю Брауну он приказал отправиться в Купеческую гавань на ледокол «Вольдемарес». Остальных же распределил по другим кораблям. Его сотрудники неохотно покидали «Виронию», а теперь радуются, что не остались на ней, так как первым кораблем, утопленным авиацией противника, оказалась «Вирония». Правда, и «Вольдемарес» не дошел до Кронштадта, но он пострадал позже.

Еще в Таллине, при посадке на корабли, многие пехотинцы на всякий случай разулись и сидели на палубе босыми. Увидев в небе самолеты, они свешивали ноги за борт. Стоило «юнкерсам» пойти в пике, как некоторые из бойцов «солдатиком» летели в воду...

Бомбы в корабли не попадали, и они продолжали двигаться заданным курсом. А те из пассажиров, кто поспешил прыгнуть за борт, оставались в воде и кляли все на свете.

Вначале плававших подбирали катера, но вскоре их палубы оказались переполненными. Спасенных прямо на ходу пересаживали на транспорты. Вновь попав на судно, поплававшие пехотинцы уже держались на нем до последней минуты. Быстро они постигли психологию моряков, на практике убедились, что палуба всегда надежней моря.

За двухсуточный переход многие хлебнули соленой воды — и не всем удалось спастись. Только среди сотрудников флотской газеты погибло более двадцати человек. Из писателей в Ленинград не вернулись Евгений Соболевский, Юрий Инге, Марк Гейзель, Орест Цехновицер, Филипп Князев, Андрей Селифонов и молодой поэт Василий Скрылев.

* * *

Я заглянул в воспоминания начальника штаба Краснознаменного Балтийского флота адмирала Пантелеева,

выпущенные военным издательством в 1965 году. Вот что Юрий Александрович написал о таллинском переходе:

«Рано утром 26 августа получаем приказ Ставки: эвакуировать Главную базу флота, войска доставить в Ленинград для усиления его обороны. Все, что нельзя вывезти, уничтожить...

Задача ясна, но в нашем распоряжении так мало времени. За одни сутки надо подготовить к переходу весь флот. А это более ста вымпелов! За это время войска должны отойти с фронта, — значит, потребуется какое-то прикрытие. Надо погрузить на корабли десятки тысяч людей и наиболее ценное имущество, разработать маршрут и план перехода.

Нам придется идти узким заливом, южный и северный берега которого уже в руках противника, расположившего на них свои аэродромы и батареи...

Серьезной опасностью на переходе в Кронштадт мы считаем мины заграждения и авиационные бомбы. Днем можно маневрировать, уклоняясь от бомб самолетов и обходя плавающие мины. А как быть ночью, когда мины не разглядеть? Мнение единодушное: основное минное поле противника на меридиане мыса Юминда форсировать в светлое время суток. Комфлот с этим предложением согласился, утвердив наши расчеты...

...В те дни комфлот авиацией не распоряжался. Более того, даже главком Северо-западного направления не смог выделить десяток истребителей, чтобы прикрыть флот на переходе в светлое время суток. Ведь решалась судьба Ленинграда, и мы спешили к нему на помощь. Флоту оставалось, опираясь на свои силы, быстрее прорываться на восток...

...Все транспортные и вспомогательные суда мы распределили на четыре конвоя. Каждый конвой имел свое непосредственное охранение и должен был идти строго за выделенными ему тральщиками. Боевые корабли находились в отряде главных сил, в отряде прикрытия и в арьергарде. Эти три отряда боевых кораблей тоже нуждались в тральщиках. Сколько же тральщиков требовалось для обеспечения перехода ста девяноста различных кораблей, в том числе семидесяти крупных

транспортов (более шести тысяч тонн водоизмещением), по фарватеру шириной в три кабельтовых?

Все наши флотские наставления и несложные расчеты очень быстро ответили на этот вопрос: нужно не менее ста тральщиков! Мы же имели всего десять базовых и семнадцать тихоходных, немореходных тральщиков, то есть фактически одну четверть потребности. Количество же мин, поставленных фашистами, нам никто не мог сообщить, но по нашим расчетам оно достигало четырех тысяч. (К сожалению, наши расчеты в дальнейшем полностью подтвердились.)»

Как проходили подготовка и сам переход, я пытался узнать у многих людей, но в свою тетрадь дословно записал только рассказ командира катера МО-407.

РАССКАЗ СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА ВОРОБЬЕВА

Наш брат катерники — народ замотанный. Ни днем, ни ночью покоя не имеем. Гоняет всякий, кому вздумается.

26 сентября я стоял около штабного корабля «Пикер». Поздно вечером мне приказали идти к острову Найсаар, разыскать стоявший там транспорт и отправить его в бухту Копли.

Ночь темная, штормовая. Катер бьет волной, заливает. Я все же добрался до острова, нашел транспорт и передал капитану приказание. А тот слушать не хочет. Без буксира, говорит, не пойду.

Ну, что мне делать? Вернулся назад. А у пирса — пусто, ни кораблей, ни катеров. Куда они делись? С трудом нахожу дежурного, он по секрету сообщил: «Ушли укрываться от шторма к острову Лэгна».

— Иди к лидеру «Минск», — посоветовал он. — Начальник штаба флота на нем.

Опять ухожу в темень. Меня в лоб бьет волной и поливает с головы до ног. Я веду катер на поиск и кляну все на свете.

Часа через полтора нахожу наконец «Минск». Он на якоре. Думал, дадут отдышаться и соснуть часок. Не

тут-то было! Новое задание: иди на запад к передовым траншеям, разузнай обстановку и захвати раненых.

— А где эта передовая? — спрашиваю. — Я ведь не воевал на суше.

Мне назвали полуостров. В сердцах я так рванул с места, что чуть не таранил рейдовый катер, укрывавшийся за кормой лидера.

Ну, думаю, больше на глаза начальству не попадусь. Приткнусь где-нибудь и дам команде отдохнуть.

Подхожу к полуострову. Там эстонская шхуна на мели застряла. Не то сама выскочила, не то штормом выкинуло. На шхуне полно раненых — матросы и солдаты. Легкораненые вплавь добрались до берега, бродят по пляжу в белых повязках. Костер развести опасаются, — противник близко.

Подойти к борту шхуны не могу: слишком мелко, боюсь винты поломать. Приказал на шлюпках раненых переправлять. А чтобы времени понапрасну не терять — послал своего помощника и сигнальщика на разведку.

Работали три шлюпки. Раненых разместили в кубриках и каютах. И всю верхнюю палубу заняли. Остальных девать некуда. Но не бросишь же своих на расправу фашистам! Не знаю, что делать с ними. Но тут мои разведчики на водолазном боте возвращаются. Нашли его в бухточке и всех с пляжа подобрали.

К утру ветер несколько стих. Море стало успокаиваться. Я взял бот и шлюпки на буксир, потащил к «Минску».

Подхожу к лидеру, докладываю обстановку и спрашиваю: куда деть раненых?

Мне приказывают высадить их на тральщик и миноносец «Скорый». А тут, как назло, обстрел. Один из тральщиков ход дал, отказался принимать раненых. Другой взял только со шлюпок и с бота.

Миноносец «Скорый» тоже снялся с якоря, но для нас застопорил ход. Командир кричит в мегафон:

— Подходи к борту, быстрей перебрасывай.

Я мигом к нему. Зацепился и давай раненых передавать. Тут вдруг один снаряд метрах в сорока плюхается... вверх столб воды поднимает. Второй...

Командир миноносца кричит: «В вилку берут... отваливай!» И ход дает. Старшины мои чего-то замешка-

лись, швартовы порвало, катер не так развернулся... В суете миноносец зацепил нас носом, проломил восьмиместный кубрик и потянул за собой... Чуть катер не опрокинул. Хорошо, что МО деревянный, плавает, как пробка. Удержались.

Пришлось отойти подальше от маневрирующих кораблей и падавших снарядов, чтобы завести на пробоину пластырь.

На пластырь пошли два одеяла, вся фанера и лист железа. Механик, повисув над бортом, помогал боцману и старшинам.

С заплатой на боку катер имел весьма неказистый вид. Меня запросили:

— Сумеете ли идти своим ходом?

— Сумею, — ответил я. — Дойду.

— Тогда заправляйтесь горючим, пойдете в охранение «малютки».

И мне назначили место в походном ордере.

Отходившие с фронта войска с ходу грузились на транспорты.

В непрерывном грохоте артиллерии трудно было расслышать человеческие голоса. Но паники и суматохи не наблюдалось. Боцманы жестами руководили посадкой, а уставшие пехотинцы безропотно им подчинялись. Поднявшись по трапам и заняв отведенные места, они мгновенно засыпали. Никакая сила уже не могла разбудить вышедших из многодневных боев солдат.

Загруженные транспорты отваливали от пирсов и уходили в море. Бой не прекращался. Крейсер и миноносец, курсируя по заливу, били из пушек по противнику, не позволяя ему ворваться в город, подойти к пристаням.

В двенадцатом часу по условленному сигналу стали сниматься с якорей многопалубные океанские транспорты и выстраиваться в кильватер за тихоходными тральщиками «ижорцами» и «рыбницами». Издали казалось, что за крошечными птенцами выводком плывут дородные гусыни.

Охранять перегруженные суда отправились пять катеров МО и миноносец «Свирепый».

В два часа в путь отправился второй караван. В это время в небе показались немецкие самолеты-разведчики.

Минеры заканчивали свою работу: вверх взлетали

склады и причалы в портах. Минные заградители сбрасывали свой груз, чтобы противник не сразу мог войти в бухты.

Таллин горел. Густой и черный дым так застилал солнце, что едва приметны были его контуры. Днем стало пасмурно, словно наступила ночь.

В четыре часа двинулись в путь главные силы Балтийского флота: крейсер «Киров», лидер «Ленинград», эскадренные миноносцы и подводные лодки.

Я нашел подводную лодку «малютку» и занял свое место левее ее.

Последними покидали таллинский рейд корабли прикрытия — лидер «Минск», быстроходные эсминцы, тральщики, сторожевики, минзаги и катера. Дав последний залп по противнику, отряд развил хорошую скорость и стал догонять нас.

Вскоре авиация принялась бомбить тихоходы, а с наступлением сумерек фрицы начали обстреливать из береговых батарей.

«Киров» и миноносцы открыли по правому берегу ответный огонь. А нам, катерникам, приказали поставить дымовую завесу.

Грохоту было много. Потом стемнело, надобность в дымзавесах отпала. Я вернулся к «малютке».

Вскоре корабли застопорили ход, в воду полетели якоря. Многие останавливались прямо на минных полях. Подводная лодка пошла дальше.

То впереди, то позади раздавались взрывы. Но что в темноте происходило — трудно было понять. Горизонт то и дело озарялся вспышками.

Я слышал, как почти одновременно раздались взрывы под старыми миноносцами «Артемом» и «Володарским». Я взглянул на ручные часы: было 23 часа 15 минут. Время я запомнил для вахтенного журнала.

Велев приготовить глубинные бомбы, я направил катер в ту сторону, где по моим расчетам могла находиться немецкая субмарина. Но разве в такой темноте разглядишь ее перископ или след?

Чтобы пугнуть гитлеровских подводников, я сбросил по полукружью несколько малых бомб и вернулся к месту катастрофы.

Там, где затонули торпедированные миноносцы, бурля всплывал мазут, а вокруг плавали люди.

Наши катерники, привязав к бросательным концам пробковые круги, стали кидать тонущим и вытаскивать их к себе на палубу.

Спасенные просили пить. Их тошнило, мазут разъедал глаза. А у нас почти не осталось пресной воды.

Вытащив из воды человек тридцать, я решил догнать «малютку».

Несмотря на мглу, лишь изредка озаряемую вспышками взрывов, я шел средним ходом мимо разбредшихся на минном поле транспортов. Чтобы не налететь в темноте на всплывшую мину, выставил на носу двух впередсмотрящих.

Часа через два мы увидели на горизонте силуэты крупных кораблей. «Эскадра», — догадался я, и дальше идти не решился. Малым кораблям в ночное время без вызова запрещено подходить к крупным. Они могут принять тебя за противника и расстрелять без предупреждения.

Выключив моторы, стали ждать рассвета. Вскоре нас придрейфовало к МО-142. Он, оказывается, шел в конвое эскадры, но из-за течи и повреждения мотора отстал.

— Кто с «Кировым» стоит? — спросил я у командира катера.

— Лидер «Ленинград» и новые миноносцы. Стариков уже нет. Собственными глазами видел гибель «Якова Свердлова».

И он рассказал, как это случилось. В девятом часу наблюдатели заметили в море всплывшие мины и след перископа подводной лодки. «Яков Свердлов» поднял сигнал «Э» [1], дал несколько гудков и вышел на бомбометание... Он успел сбросить только одну глубинную бомбу, а затем у его правого борта взвился столб пламени и мощный взрыв почти переломил корабль. Нос и корма миноносца были задраны, а у мостика перекатывались волны.

МО-142 поспешил на помощь.

Корма миноносца все больше задиралась вверх, стали оголяться винты... С палубы посыпались в воду люди,

[1] Сигнал «Э» обозначает: «Вижу подводную лодку».

а вместе с ними и... глубинные бомбы, приготовленные к сбрасыванию. Одна из этих бомб взорвалась почти под МО-142. Вот поэтому у него заглох левый мотор и появилась течь.

До рассвета было часа четыре. Я разрешил большей части команды отдыхать, а сам оставался на мостике. Под утро услышал за кормой далекие неясные крики с моря.

«Тонут. И спасать, видно, некому», — подумал я и объявил тревогу. Катер направил в сторону криков.

По пути попадались плывущие в воде бескозырки, шляпки, чемоданы, обломки дерева. Наконец увидели людей, повисших на перевернутых шлюпках, плотах, бревнах и... всплывших минах. Некоторые раненые были в гипсовых повязках.

— Спасите!.. Нет сил... скорей! — кричали они.

Все они были с затонувшего ночью транспорта. От холода и усталости мужчины и женщины с трудом говорили.

Вода в этом участке моря была такой прозрачной, что я с мостика разглядел темневшие на глубине рогатые шары.

Избегая опасных мест, мы стали выуживать обессиленных пловцов. Трем мужчинам, висевшим на минах, боцман крикнул:

— Эй, на минах! Довольно обниматься, бросайте своих красавиц, добирайтесь вплавь. Мы к вам подходить не будем.

Двое бросили мины. По-собачьи молотя по воде руками и ногами, они добрались до перевернутой шлюпки, а затем — до брошенных им пробковых кругов. Но солдат, у которого на спине торчал вещевой мешок, никак не мог расстаться со своей спасительницей. Он тонким голосом запричитал:

— Ой, милые! Ой, родные!.. Ой, не умею плавать!

Боцман толкнул к нему длинную доску. Но она, видно, показалась солдату ненадежной. Он продолжал висеть на мине и выкрикивать:

— Ой, не сдюжит ваша доска... посылайте лодку!

А я в это время заметил движение кораблей эскадры: они снимались с якорей и выстраивались за медленно двигавшимися тральщиками.

— Пошли, больше возиться некогда, — громко сказал я. — Не хочет плыть, пусть остается на мине.

А наш сигнальщик в шутку выкрикнул:

— Эй, пехота, смотри, мина задымилась... Сейчас взорвется!

Это подействовало. Солдат бросил мину и, держась за доску, поплыл к пробковому кругу. Когда его подняли на палубу, раздался смех. Пехотинец оказался бережливым: кроме вещевого мешка, он сохранил еще и кирзовые сапоги. Они у него за ушки были привязаны к поясному ремню. Бедолага заранее разулся.

На перегруженном катере я отправился разыскивать свою «малютку».

По пути подошел к транспорту, чтобы передать спасенных, но у него борт высокий, на ходу не высадишь. Вижу, за транспортом буксир чапает. На нем легковая машина, шкафы какие-то, комод. Требую остановиться. А усач с мостика басит:

— Не могу, на борту имущество! Отвечай потом!

Я обозлился:

— Ах ты сволочь! — кричу. — Ему, видишь, вещи дороже людей! Сейчас же застопори ход, а то из пулемета чесану!

Усач видит, что я не шучу: комендор наводит пулемет. Чертыхаясь и тряся усами, он, как бешеный, сбросил с кормы шкафы и принял от меня добрую половину спасенных.

— Молодец! — похвалил я его и, увидев свою «малютку», помчался к ней.

Утро выдалось малооблачным. Нас принялась бомбить авиация. Зенитчики едва успевали отбиваться. Краска на раскаленных пушках горела.

Я подобрал еще несколько человек из воды. С плавающей деревянной крестовины двух женщин снял. Одна была беременной, тошнить ее начало. Думал, роды начнутся, но ничего, обошлось.

МОРЯКИ ПОКИДАЮТ КОРАБЛИ

3 сентября. Корабли эскадры уже несколько дней находятся в Кронштадте, а с запада то и дело показываются отставшие транспорты, обгорелые, с продырявлен-

ными и посеченными осколками бортами и трубами. Одни из них «чапают» своим ходом, другие — с помощью буксиров.

Жители Кронштадта целые дни толпятся около Усть-Рогатки, в Петровском парке, на Ленинградской пристани, чтобы хоть что-нибудь разузнать о своих родных, не вернувшихся с моря.

Пассажиров высаживают на берег и группами в тридцать — сорок человек отправляют во флотский экипаж на санобработку.

У прибывших женщин ничего из одежды не осталось, они почти голые, их можно везти только в закрытых машинах. Мужчины двигаются пешком. Они обросли бородами, бредут осунувшиеся, усталые мимо толпящихся кронштадтцев и словно не слышат их причитаний:

— Миленькие, кто видел Сидельникова? .. Валентина Сидельникова!

— Нет ли сослуживцев мичмана Гришакова? Его ждут дети.

— Кто плавал с Кузьмой Никоновым? Он был механиком на «Кооперации».

— Где Лившиц? Хоть что-нибудь о Боре Лившице!

— Паша... Паша Голиков! Где мой Виталька? Ты что — меня, Дусю, не узнаешь? Он же с тобой плавал!

— Да не кричи, узнаю, — доносится хриплый и усталый голос. — Чурахин видел, как его подбирали. На острове, наверное. Не сегодня-завтра снимут.

А стоит кому из бредущих уверенно ответить: «Видел, разговаривал... завтра дома будет», как кронштадтцы толпой набрасываются на моряка, надеясь, что и их он обрадует доброй вестью. Но добрых вестей мало. И люди стоят в ожидании. Даже ночью они не расходятся.

Прибывших из Таллина в экипаже опрашивают, заносят в списки и отправляют в баню. После санобработки морякам выдают полагающееся по званию обмундирование. Многие из них остались без кораблей. Их нужно как можно скорей пристроить к делу. Идет формирование бригад морской пехоты, и это облегчает задачу.

Худже с гражданским населением Прибалтики. Куда денешь сотни женщин, детей, стариков? Многие из них

получили ранения. У прибалтов не осталось ни крова, ни денег, ни одежды, ни пищи. Их даже в Ленинград в таком виде не отправишь.

Кронштадтцы собирают одежду, белье, постели, устраивают в школах, клубах, учреждениях госпитали, общежития, швейные мастерские. Мужчины чинят койки, сколачивают топчаны, женщины шьют белье, подгоняют по росту добытую одежду.

Свободные моряки и старшеклассники на старых катерах и баржах уходят на южный берег залива и снимают урожай с покинутых огородов. Они привозят зеленую, не завязавшуюся в кочаны капусту, мелкий картофель, брюкву и все сдают в общий котел.

Такое бывает только во время народных бедствий.

5 сентября. Вот опять я на «Полярной звезде» в своей неуютной каюте.

Большая половина уцелевших кораблей Балтийского флота рассредоточена по Неве. Морские зенитчики ведут огонь по самолетам, пикирующим на мосты.

Нам уже известно, что подводников объединяют в одну бригаду. К чему лишние штабы, политотделы, многотиражные газеты? Наш комиссар Бобков получил новое назначение. Значит, скоро и я покину «Полярную звезду». Куда же пошлют? Наверное, в морскую пехоту. Сегодня мы уже отправляли на фронт первый отряд.

Над Невой моросил теплый грибной дождь, когда репродукторы передали команду:

— Всем, кто уходит на сухопутный фронт, выйти с вещами на построение!

На фронт уходят те, без кого можно обойтись на «матке» подводных лодок. Набралась целая рота.

Засвистели боцманские дудки, на верхней палубе старшины и краснофлотцы прощаются с командирами.

— Прощай, батя! — кричат они Климову на мостик.

Капитан-лейтенант, тряся бородой, отвечает:

— Бейте гадов, чтоб ни Невы, ни Берлина не увидели!

Ко мне подходит печатник Цыганок. Глаза его неестественно блестят, попахивает спиртным.

— Никак выпил? — удивляюсь я, зная его тихий нрав и трезвость.

— На промывку шрифта спирт выписывали, — сознался он. — Не оставлять же на «Полярке».

Он обнял меня и прослезился.

— Ну что же, желаю тебе удачи, — сказал я на прощание. — Скоро и нас спишут на сушу.

На панелях толпятся любопытные ленинградцы. Краснофлотцы и старшины в черных бушлатах и бескозырках выстроились на набережной лицом к кораблю.

Произносятся последние речи, но что говорят выступающие, я не слышу. Потом строй рассыпается, с корабля сбегают остающиеся... И опять крепкие объятия. Может, навсегда расстаются «годки», вместе плававшие и отбивавшиеся от врагов на море. Трудно разобрать — от дождя ли, от слез ли лица у балтийцев мокрые.

Но довольно прощаний! Немцы близко: уже подходят к пригородам Ленинграда. Раздается команда:

— Становись!

Моряки выстраиваются на мостовой в четыре шеренги. У каждого за плечами винтовка.

— Нале-во! Шагом... арш!

Грянул оркестр. Качнулись штыки. И моряки, гулко печатая шаг, двинулись в путь. В последний раз матросы взглянули на родной корабль, на его флаг и, словно сговорившись, сорвали с голов бескозырки и замахали на прощание так, что ленточки защелкали как бичи.

Говорят, что они сегодня же вступят в бой.

7 сентября. Корабль заметно опустел. В вышине над городом барражируют «миги». Их моторы ревут громче, чем на других истребителях.

С севера, востока и юга доносится артиллерийская канонада. Гитлеровцы приблизились к городу с трех сторон. Их снаряды уже рвутся у пятой ГЭС, у завода «Большевик», на товарной станции Витебская-сортировочная.

Ко мне в каюту пришел попрощаться комиссар Бобков. Он уходит в разведотдел и берет с собой одного из наших политработников.

— Может, и мне место найдется? — спрашиваю я.

— С удовольствием взял бы, — отвечает он, — но тебя отзывает Пубалт. Сдавай редакционное имущество и собирайся в Кронштадт.

— Что мне там уготовано?

— Не знаю. Явишься к полковому комиссару Добролюбову. Должен тебя предупредить: в Кронштадт, возможно, придется путешествовать под обстрелом.

Оказывается, моторизованные гитлеровские дивизии уже прорвались к Тосно, Пушкину, Урицку, показались у Нового Петергофа.

Попрощавшись с комиссаром, я до вечера сдавал редакционное имущество и запасы бумаги.

9 сентября. За двое суток не удалось поспать и двух часов. Беспрерывные воздушные тревоги. С постели поднимают звонки громкого боя. Вскакиваешь и бежишь на свое место по расписанию. А там стоишь у кормового пулемета и смотришь, как щупальцы прожекторов ловят мелькающие, похожие на моль самолеты. Вокруг грохот зенитных пушек.

Гитлеровская авиация второй день бомбит город. Вчера во многих районах бушевали пожары. Особенно сильно горели Бадаевские склады. С мостика «Полярной звезды» можно было разглядеть пламя и поднимающиеся вверх клубы черного жирного дыма. Пожар не унимался. Над Невой небо оранжевое.

В Бадаевских складах хранилось много муки и тысячи тонн сахара. Расплавленный сахар ручьями вытекал на соседние улицы и застывал, словно черная лава.

Говорят, что все железные дороги к Ленинграду перерезаны, немцы вышли к Шлиссельбургу, а из города не успели вывезти четыреста тысяч детишек. Только молока им понадобится целое озеро. А подвоза теперь не жди. Разве только на самолетах.

В продуктовых магазинах совсем опустели полки. Лишь кое-где видны пачки цикория, горчицы, желатина, клейстера для обоев.

ТИПОГРАФИЯ ШХЕРНОГО ОТРЯДА

12 сентября. Мы отошли с Васильевского острова, когда стемнело, надеясь в затишье проскочить в Кронштадт. Но вдруг по всему городу завыли сирены, а через минуту поднялась зенитная стрельба.

Катер шел по Неве, озаряемой вспышками разрывов. Я всматривался в небо, но самолетов не видел. Казалось, что среди рваных облаков лопаются звезды.

Справа от нас взлетела цепочка красных огней. Она неслась в сторону Балтийского завода.

— Ракетчик на цель наводит! — высказал догадку рулевой.

— Ракеты летят с крыши углового дома, — определил батальонный комиссар. — Надо поймать лазутчика... Остановите катер!

«Каэмка» подошла к берегу. Выхватив пистолеты, мы выбрались на гранитный парапет, соскочили на панель и группой устремились к угловому дому.

У ворот нас встретила дежурная — пожилая женщина с противогазом на боку и красной повязкой на рукаве.

— Кто у вас с крыши сигналит? — заорал на нее батальонный комиссар, размахивавший наганом.

Дежурная испуганно начала оправдываться:

— Я не отходила... Я все время тут. На крыше другие дежурят.

Узнав, по какой лестнице попадают на крышу, мы, перескакивая через несколько ступенек, взбежали наверх и прошли на чердак.

Там над ящиком с песком едва светился фонарь «летучая мышь». Две бледные девицы, прижавшись к стояку, с тревогой прислушивались к вою моторов и грохоту зениток.

— Дежурные! — окликнул батальонный комиссар. — Кто у вас тут был?

— Минька дворничихин. Он никого не слушается... По крыше ходит.

В чердачное окно мы взглянули на крышу. Невдалеке, почти на краю ската, стоял небольшой парнишка и, чем-то размахивая, восторженно вопил:

— Сбили... Наши сбили! Вон горит и падает!

Его лицо, озаряемое вспышками разрывов, сияло. А что он держал в руках, разобрать было трудно.

— А ну, давай сюда! — грозным голосом приказал батальонный комиссар.

— Чего? — не расслышав, переспросил парнишка.

— Марш сюда, говорят!

Когда парнишка приблизился, батальонный комиссар схватил его за руку и потребовал:

— Показывай, что у тебя!

Но у парнишки в руках была не ракетница, а железные клещи для обезвреживания «зажигалок».

— Кто с вашей крыши ракеты пускал?

— Никто. Я тут один. Это вон с той, — начал оправдываться парнишка, показывая на соседнюю крышу. — Там дядька за трубой сидел. Он в кулак курил, а потом пулять начал... Я думал — по самолетам.

Мы стали вглядываться в крышу затемненного здания. Но разве наводчик станет ждать, когда придут за ним и схватят. Он, конечно, исчез.

Велев ребятам немедленно сообщить в милицию о ракетчике, мы вернулись на катер и двинулись вниз по Неве.

В городе возникло много пожаров. Небо над нами постепенно розовело, а на востоке оно стало багровым.

Затемненный катер шел с предосторожностями, чтобы в темноте не наткнуться на встречное судно.

Простор залива встретил нас громовыми раскатами. Одновременно стреляли из тяжелых орудий Кронштадт, форты и корабли. Впереди то и дело мелькали оранжевые вспышки. Жерла орудий изрыгали воющий, визжащий, сотрясающий воздух металл. Огромный купол неба исчертили огненные траектории. Артиллерия северных фортов палила в сторону реки Сестры, а Кронштадт и корабли — по Петергофу и соседним пригородам.

— Ну и бьют! — сказал кто-то за моей спиной. — Снарядов не жалеют. Видно, немцы сильно прут. Сколько их намолотили, а все не остановить.

Вскоре мы вошли в зону такого невообразимого грохота, что не слышали собственных голосов.

Я посмотрел в сторону Ленинграда. Налет авиации продолжался. В небе метались лучи прожекторов. Пожары не унимались, над городом стояло зарево.

Наш катер, стороной обходя стреляющие корабли, лавируя между транспортами и баржами, сигналя постам наблюдения, миновал Морские ворота и доставил нас в Итальянский пруд к штабной пристани.

Затемненное здание штаба снаружи казалось необитаемым. Под синей лампочкой я заметил часового в каске. Он жестом показал, куда нужно идти.

В вестибюле тоже стояли часовые с полуавтоматами, а у телефонов сидели строгие старшины.

Интендант с тремя серебристыми нашивками, проверив наши предписания, коротко сказал:

— Проходите.

Оставив чемодан в закутке раздевалки, я отправился разыскивать второй отдел политуправления.

В тускло освещенный коридор доносился стрекот пишущих машинок, громкие голоса оперативников, диктующих приказы, звонки телефонов, какое-то гудение, дробный стук ключей радистов. Висел слоистый табачный дым.

В комнатах политуправления взлохмаченные инструкторы сидели в расстегнутых кителях. Одни принимали по телефонам донесения, другие сами печатали на ма-

шинках сводки, третьи, зарывшись в бумаги, что-то писали.

Я обратился к инструктору по печати, который, чуть ли не водя носом по узкой полоске бумаги, вычитывал гранки воззвания моряков к ленинградцам. Оторвавшись от чтения, он некоторое время близоруко смотрел на меня и не понимал, чего я от него хочу, а постигнув, неохотно поднялся и сказал:

— Пройдем к полковому комиссару.

Он провел меня в небольшую комнату к начальнику второго отдела Добролюбову. Полковой только что вернулся с фронта и был возбужден.

— Писателю не здесь, а на Пулковских высотах следовало быть! — воскликнул он.

— С охотой, но... меня послали сюда.

— Это не к вам лично. Но стоило бы посмотреть, как герой гражданской войны Клим Ворошилов у Пулковских высот с моряками в атаку ходил!

Эта весть не вызвала у меня восторга.

— Неужели так плохи наши дела, что главнокомандующий вынужден ходить в атаку? — с тревогой спросил я.

Мой вопрос смутил полкового комиссара, он поспешил отпустить инструктора и, когда мы остались вдвоем, доверительно сообщил:

— Положение очень тяжелое. Фашист, сволочь, прет и прет. Измолотим одну дивизию, на подходе другая! Гитлер пообещал, что после взятия Ленинграда кончится война. Вот они и лезут. Прямо одержимые! Наша первая бригада с ходу в бой вступила. Третий день дерется на Пулковских высотах. Положение отчаянное. Устали орлы, на ногах едва держатся. Ворошилов, видно, решил взбодрить. Схватил винтовку и пошел впереди. У комбрига дух захватило: «А вдруг убьют маршала, — беды не оберешься!» Подобрал самых отчаянных ребят и кинулся прикрывать Климента Ефремовича. В общем, страху натерпелись и он и комиссар. Но Ворошилов воодушевил моряков — за день больше десяти атак отбили!

— Что же будет дальше?

— Все решат ближайшие дни, а может, и часы. Флот не жалеет снарядов. Слышите, как бьют крейсеры и линкор?

От стрельбы тяжелых батарей дребезжали в рамах стекла и мигала электрическая лампочка под потолком. Полковой комиссар вдруг стал официальным.

— Вас, как имеющего уже некий опыт войны, мы назначаем редактором многотиражной газеты воюющих кораблей, — сказал он. — Соединение сборное. В него входят корабли разных ОВРов[1] — рижского, таллинского, выборгского, кронштадтского. Будете выпускать газету для сторожевиков, минных заградителей, тральщиков, сетьевиков, спасателей и морских охотников. Кораблей, как видите, много. Но в соединении нет ни типографии, ни наборщиков, а газету надо выпускать немедля.

— Как же я это сделаю?

— Могу подсказать некие ходы. Здесь, на рейде, как мне докладывали, болтается баржа, прибывшая из Транзунда. На ней редактор и имущество газеты шхерного отряда. Разыщите эту баржу и посмотрите, что вам может пригодиться. Редактора отошлете в наше распоряжение.

— Есть, — сказал я, хотя представления не имел, как сумею наладить немедленный выпуск газеты.

Уже надвигалась ночь. Артиллерия фортов и кораблей продолжала бить по южному берегу. Было тревожно и душно, как перед грозой. «Неужели и ночью передышки не будет?» — невольно подумалось мне.

В темноте я с трудом разыскал у Петровского парка здание кронштадтского ОВРа. Начальник политотдела полковой комиссар Ильин еще не спал. Это был невысокий, круглолицый человек с тусклыми глазами и глухим голосом.

— А-а, редактора прислали... Очень хорошо. Когда же мы газету начнем выпускать? Меня уже теребят.

— А у вас есть хоть какое-нибудь типографское оборудование? — спросил я, надеясь на чудо.

— Типографское? — переспросил он. — Нет, даже простого ротатора не имеем. Политотдел сборный, имущества много, но все какое-то не то.

— Где же вы намереваетесь газету печатать?

— А это уж ваше дело. Может быть, городская типография возьмет? Но у нас нет денег.

[1] ОВР — Охрана водного района.

— На первое время мне нужны два-три сотрудника.

— Сотрудников найдем, — уверил он. — Построим завтра вновь прибывших и спросим, кто с газетами имел дело. А пока можете взять старшину Петра Клецко. Он у нас по печати: за газетами ездит, почту разносит...

Поняв, что в газетном деле начпо ничего не смыслит и серьезной помощи не окажет, я решил дождаться утра.

— Куда разрешите устроиться на ночь? — спросил я у него.

Начпо вызвал старшину, сидевшего за пишущей машинкой в приемной. Тот взял у меня аттестат на питание и отвел в одну из комнат политотдельцев. В ней стояло три койки. На крайней спал старший политрук из морской погранохраны. Это я определил по нашивкам на рукавах кителя, висевшего на спинке стула. Несмотря на грохот тяжелой артиллерии и позвякивание стекол в окне, он спал на спине с открытым ртом, словно убитый.

Я разделся, погасил свет и лег на койку у стены, которая от мощных залпов вздрагивала, источая запах известки.

На новом месте не спалось. Лишь временами охватывало какое-то странное оцепенение. Мне мерещилось, что я плыву по штормовому, грохочущему морю и не могу удержаться на койке, потому что руки не подчиняются мне... Я падаю и не могу достигнуть палубы, вместо нее — свистящая пустота.

К утру стрельба как будто несколько стихла и стекла окон перестали дребезжать.

«Видно, стреляют малым калибром с залива, — соображал я. — А может, немцы уже ворвались на улицы Ленинграда, не будешь же палить двенадцатидюймовыми снарядами по домам».

Со двора послышалось нарастающее завывание сирены. Захлопали двери. Снизу донесся топот многих ног.

Вскочив, я быстро оделся и хотел бежать. Но куда? Зачем? Здесь я не был «расписан», не имел своего поста, как на «Полярной звезде».

— Куда тут деваться во время тревог? — спросил я у соседа по койке.

Тот зевнул, потянулся и, закурив, ответил:

— Вчера в Петровский парк загоняли. Там наши бомбоубежища.

Видя, что старший политрук никуда не спешит, я тоже остался в здании.

Воздушная тревога длилась недолго. Не успел я побриться, как по радио разнеслась песня горниста, играющего отбой.

Отыскав секретаря политотдела, я попросил вызвать почтаря. Ко мне явился главстаршина в поношенном бушлате и черных краснофлотских брюках, заправленных в голенища кирзаков. Внешность его была какой-то стариковской, хотя ему не было и тридцати пяти лет. Старили главстаршину мешки под глазами и стертые зубы, державшие обгорелую трубку. Мне показалось, что этот морячина попал в ОВР из торгового флота. На малых судах боцманы и механики любят напускать на себя солидность морских волков.

— Где вы до войны плавали? — спросил я.

— На Балтике. И на островах служил. Морское дело знаю, могу исполнить любую работу. Можете проверить. Морских волков узнают по аппетиту и беспробудному сну. Всеми этими качествами я обладаю в полной мере.

Главстаршина, поняв, что я не кадровик, что передо мной можно не тянуться, распустил язык. Он явно рисовался, изображая развязного эрудита. Видно было, что это тертый калач.

— Говорят, вы стихи пишете? — поинтересовался я.

— Могу.

— В газете приходилось работать?

— Было дело. На Гогланде за редактора многотиражку подписывал.

— Почему же вас почтальоном сделали?

— В политотделе думают, что это самая близкая к писательскому труду деятельность.

Клецко был старожилом в соединении, он знал, где и что можно добыть и к кому обратиться. В первый день я не уловил в нем швейковских задатков и предложил:

— Пойдете в секретари многотиражки?

— Хоть сейчас! Надоело с почтальонской сумкой таскаться и всюду слышать одни попреки: «Где мои письма? Куда их деваете?» — точно я их сам пишу или рву. Один даже сказал: «Он их выбрасывает, чтобы

меньше бегать». А разве я виноват, что письма плохо ходят? Прихожу на камбуз, а кок «расхода» не оставил. «Я тебя, гада, кормить не буду. Отдай письмо». А где я его возьму?..

— Значит, договорились, — перебил я главстаршину. — Сейчас же отправляйтесь и доложите начальству, что слагаете с себя почтальонские обязанности и переходите в мое подчинение. Как только сдадите сумку, будем действовать сообща. Нам надо разыскать на рейде СБ-1. Для этого хорошо бы раздобыть небольшой катеришко. Кто здесь катерами распоряжается?

— Штаб. Но лучше пойти к командиру базы ОВРа — интенданту третьего ранга Белозерову. У него свои катера. Сходим вместе, а то он на меня накинется, подумает, что я сам к вам напросился.

Не теряя времени, мы зашагали к начальнику базы. В приемной нас остановил толстощекий старшина:

— Сейчас нельзя, начальник занят.

— У меня нет времени ждать, — сказал я и решительно направился к двери. Клецко отстал, он не решался без вызова показаться на глаза начальству.

В небольшой комнате за столом сидел белобрысый, почти безбровый интендант с бледным лицом и перебирал бумаги. Мельком взглянув на меня, он буркнул:

— Занят. Придите позже.

Но я сделал вид, что не расслышал его, представился. Интендант сразу же поднялся. Видимо, в его расчеты не входило обострение отношений с будущим редактором газеты. Из сурового он стал приветливым.

— Очень рад. Чем могу служить? — спросил интендант. А узнав, для какой цели мне понадобился катер, он даже обрадовался: — Давно мечтаю заиметь свою типографию, а то бегай, выпрашивай каждый бланк. А тут и ведомости сможем отпечатать, и накладные...

Я не стал возражать. Зачем же с первой встречи портить отношения? И решил, что теперь можно поговорить и о Петре Клецко.

— Да сделайте милость, забирайте. Только наплачетесь вы с ним, — предупредил Белозеров. — Чистый Швейк! Впрочем, такой вам может сгодиться. Ему все баковые сплетни известны. Один вашу газету заполнит. В общем, забирайте, а для порядка прикомандирую вам

своего помощника по строевой. Вы только разыщите баржу и приберите ее имущество к рукам, а разгрузку и доставку возложите на Макарова. Он все произведет в лучшем виде.

Интендант Макаров оказался расторопным человеком. Без всяких возражений он отправился со мной на Петровскую пристань.

Проходя через сад, затененный огромными дубами, кленами и серебристыми тополями, мы остановились перед памятником Петру Первому, сооруженному ровно сто лет назад.

«Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота, аки найпервейшее дело», — прочитал я петровский завет.

Сумеем ли мы его выполнить? Опасность, нависшая над Кронштадтом и Ленинградом, видно, не убавилась. Артиллерия кораблей и фортов продолжала бить по побережью. От частых залпов, сотрясающих воздух, осыпалась листва с деревьев и, кружась, падала на землю.

У пристани стоял небольшой железный катер. На нем мы и отправились на розыски баржи шхерного отряда.

В заливе виднелось много разномастных барж, они были рассредоточены по всему плесу. Небольшие деревянные баржи стояли на отмелях, выпустив вверх аэростаты, а большие железные — покачивались на якорях на изрядном расстоянии друг от друга.

— В них снаряды и бомбы с прибалтийских баз, — объяснил Макаров. — Близко во время обстрела лучше не подходить.

Ветер вздымал небольшую волну, но мы его не чувствовали. Мне стало жарко. Расстегнув ворот кителя, я в бинокль разглядывал каждую баржу.

Сб-1 мы нашли на восточном рейде. Она стояла на якоре. По борту ходил часовой с винтовкой.

— Кто идет? — окрикнул он, становясь наизготовку.

— Свои, — ответил Макаров и, не обращая внимания на протесты растерявшегося часового, приказал рулевому подойти к борту.

Зацепившись крюком за баржу, я увидел выглянувшего из трюма пограничника со «шпалой» в петлицах.

— Здесь типография шхерного отряда? — спросил я у иего.

— Здесь, — отозвался пограничиик. — И ие только типография, ио и вся редакция. Наконец-то вспомнили. Мы вас давно ждем.

— Меия ие укоряйте, — остаиовил я его. — К Пубалту имею такое же отиошеиие, как и вы. В Кронштадте и суток ие пробыл. Мие приказаио принять имущество газеты, а вас отослать в отдел печати.

— Ну что ж, прииимайте, — огорчеино сказал ои. — Всегда так, сработаешься с людьми, а тебя сразу в другое место.

Ои провел меия по шаткому трапу в свой отсек баржи. Там иа грудах бумаги сидели три девушки в тельняшках и чериых юбках, подпоясаниых широкими матросскими ремиями. Две из них при свете лампочки разбирали шрифт и раскладывали по ящикам кассы, третья что-то писала. При иашем появлеиии они встали и вытяиули руки по швам.

— Садитесь, — с досадой сказал редактор. — Я же вам говорил, что во время работ иачальство ие приветствуют. — И, обратясь ко мие, добавил: — Вот видите — иа барже два иомера газеты выпустили.

— А где отпечатали?

— На этой «американке», — показал старший политрук иа иебольшой печатиый стаиок, установлениый в углу.

— А других типографских машии вы ие вывезли?

— Нет. Для походной редакции и этой достаточио. Зато шрифтов у иас много. Да что я рассказываю... Вот список редакциоииого имущества. Проверяйте.

И он протяиул мие развериутый лист бумаги. Заиявшись проверкой, я иатолкиулся на четыре кучки граиат и патронов.

— Мое войско вооружилось, — смущеиио ответил старший политрук. — Ждали нападеиия катеров. Решили живыми ие сдаваться.

Одиа из девушек вдруг подиялась и спросила:

— Товарищ старший политрук, разрешите обратиться?

— Обращайтесь.

— Мы просим послать нас на сухопутный фронт. Надоело на этой проклятой барже сидеть,

— Теперь с рапортами не ко мне, а к другому старшему политруку, — объяснил редактор, указывая на меня. — Вы перешли в его подчинение... Как он решит.

Девушка решительно шагнула ко мне и протянула три рапорта.

— А что вы на фронте намерены делать? — спросил я.

— Здесь на барже мы оказывали первую помощь раненым. И видно, не плохо, врач похвалил. Кроме того, мы стрелять умеем.

— А в редакции работать больше не желаете?

— А кому нужна будет теперь газета, на закрутку что ли?

— Понадобится в любом случае. Без газеты не обойтись.

— А у нас здесь даже на закурку не брали. Говорят, бумага толстая.

— Значит, плохую газету выпускали.

— Как плохую? — захорохорился редактор. — Сам последние сводки по радио принимал, свежими печатал.

— Да не в укор вам, — поспешил я успокоить его. — Просто объясняю, какой газета должна быть в принципе.

— Все равно хотим на фронт, — продолжали твердить свое девушки.

Их упрямство вывело меня из терпения, и я строго заметил:

— А с дисциплиной у вас неважно дело обстоит. Военные люди находятся там, куда их ставят. Понятно? Где вы их взяли? — спросил я у редактора.

— В Выборге мобилизовали... двух наборщиц и корректора. До этого военной службы не проходили. А насчет дисциплины, вы правы, есть распущенность.

— Остаетесь в типографии, — сказал я девушкам. — А если понадобимся на фронте, пойдем вместе.

Девушки обиженно умолкли и стали укладывать свои вещи.

В редакционный отсек спустился и интендант Макаров. Он уже успел облазить всю баржу и пришел не один, а с хитроватым техником-интендантом шхерного отряда.

— Мы беспризорные, отряда нашего уже не существует, — пожаловался снабженец. — Вы теперь наши хозяева. Так забирайте со всеми потрохами. Сколько же можно тут болтаться под обстрелом! Еще утопят.

— Но на всех у меня нет полномочий.

— А всего-то всего — два бойца осталось от команды, я да жратвы немного в ящиках.

— Но зачем мне баржа?

— Не вам, а для базы пригодится, — негромко вставил Макаров. — Вы только распишитесь, что приняли в свое распоряжение имущество типографии и... личный состав. А все остальное мы сами оформим.

Он дал мне расписаться в каких-то двух ведомостях и сказал:

— А теперь можете отправляться по своим делам. Все сделаем в наилучшем виде. Можете не беспокоиться.

Мне и в голову не могло прийти, что в такое тревожное время интенданты пойдут на какую-то махинацию.

Попрощавшись с девушками и печатником, редактор подхватил свой потертый чемоданишко, полевую сумку и вместе со мной перебрался на катер.

Катер, обходя стороной корабли, ведущие бой с берегом, проскочил морские ворота и доставил нас в Итальянский пруд.

В Пубалте мы нашли только инструктора по печати.

— Все в разгоне, — сказал он. — Немцы усиливают нажим. Сегодня, видно, критический день.

Он тут же при мне передал редактору шхерного отряда предписание явиться во вновь сформированную бригаду морской пехоты, а у меня спросил:

— А вашу газету когда получим?

— Через день или два, — пообещал я.

Нашему соединению приказано морем перебросить в Ленинград две дивизии с Ораниенбаумского «пятачка». Для этой операции подбираются только плоскодонные суда с мелкой осадкой — канонерские лодки, быстроходные тральщики, сторожевики и баржи с буксирами, способные ходить не по главному фарватеру, а и по другим участкам залива, не помеченным вехами.

На две дивизии надо послать много судов. Как же с

такой армадой произведешь тайную переброску войск? Пришлось для каждого судна определять точный час подхода к пирсам, составлять график быстрой погрузки и определять пути ночного перехода.

Все штабисты и политработники заняты предстоящей операцией. Начальство не загрузило лишь редактора газеты. Но разве будешь бездельничать? Я закрылся в своей комнате и под пальбу артиллерии написал передовицу. Начиналась она так:

«Над Ленинградом нависла смертельная опасность. Очумелые гитлеровские орды, несмотря на огромные потери, прут и прут. Они несут на штыках рабство, нищету и позор. Неужели мы позволим фашистской чуме осквернить город революции, город Ленина?

Да никогда!

Ни шагу назад. Враг должен быть остановлен! А если мы его пропустим — нас проклянут матери, жены, дети. Нам не простят позора.

Только победа!

Грозен народ в своем гневе. На защиту Ленинграда выйдут все от мала до велика. Пока бьется наше сердце, пока видят глаза, а руки держат оружие, — не бывать фашистской сволочи на Невском!

Никакой пощады врагу!

Не будем жалеть ни свинца, ни стали, ни пороху. Пусть гитлеровцы дрогнут от страха и захлебнутся кровью! Иного выхода у нас нет...»

Не успел я поставить завершающего восклицания, как послышался стук в дверь. За мной прибежал секретарь политотдела.

— Срочно к бригадному комиссару! — сказал он.

«Видно, выговор получу, что своевременно не представился», — подумал я. И захватив с собой передовицу, поспешил в штабную половину здания.

Меня встретил черноглазый бригадный комиссар. Он явно куда-то спешил, был в кожаном реглане и высоких охотничьих сапогах.

— Радун, — коротко назвал он себя после моего представления. — Мне доложили, что типография уже прибыла. Сумеете сегодня выпустить газету?

— Навряд ли, — ответил я. — Надо установить «американку», разложить шрифты... Да и материала нет.

— Не очень-то вы мобильны, — заметил бригадный комиссар. — А нам позарез необходимо печатное слово.

— Может, листовку? — нерешительно предложил я.

— Хм, листовку?.. А знаете, это еще лучше! Когда текст будет?

— Он готов.

Я показал ему незаконченную передовицу. Он тут же бегло прочитал ее и сказал:

— Мне нравится. Но не слишком ли краски сгустили?

— А разве у нас лучше положение? Правда и откровенность действуют сильней.

— Ладно, подписываю, — согласился он с таким видом, точно бросался в омут будущих неприятностей. — Сколько к ночи дадите экземпляров?

— Две тысячи, — наобум пообещал я.

— Действуйте. Листовки раздадим бойцам на наших кораблях.

Типографское имущество прибыло на двух грузовиках. Его разместили в бывшей шкиперской кладовой.

Я собрал свое «войско» и, рассказав о готовящейся переброске стрелковых дивизий на помощь Ленинграду, спросил:

— Сумеете сегодня для этих бойцов напечатать листовки?

— Дайте текст, наберем за два часа, — ответила рослая наборщица Тоня Белоусова. — Ведь так, Катя? — спросила она подругу.

— Так, — отозвалась несловоохотливая Катя Логачева, прикрывая ладошкой рот. У нее не хватало двух передних зубов, и она все время пыталась скрыть свой недостаток.

— Какой разговор! Бойцы кровь проливают, а мы что же — прохлаждаться будем? — добавила корректор Раиса Справцева. — Сделаем.

— Ну, а мы — как прикажут, — сказал худощавый тихоня печатник Архипов. — Помогите только станину развернуть.

— Тогда за работу! — скомандовал я.

Наборщицы, распаковав плоские ящики со шрифтами, принялись набирать текст листовки, а Клецко с Архиповым занялись установкой «американки».

Через два с половиной часа наша редакция стала выдавать листовки, сильно пахнущие керосином и краской.

— Хорошо, что с типографским душком, — нахваливал Клецко. — На закурку не пойдут.

Его почтальонский опыт нам очень пригодился: Клецко знал, куда и каким людям надо вручать пачки листовок, чтобы они попали на корабли, участвующие в операции.

С последними пакетами я сам отправился в Ораниенбаум.

Погрузка войск шла на всех пирсах. Затемнение строго соблюдалось. На верхних палубах не разрешалось курить даже в кулак. Нетерпеливые бойцы роптали, а опытные следили за ними и приговаривали:

— Лучше потерпеть часок, чем под обстрел попасть, да еще на воде.

Разведка противника еще не приметила погрузки. По всему южному побережью шла пальба, а на ораниенбаумской пристани еще ни один снаряд не разорвался.

Корабли принимали бойцов с вооружением и немедля уходили в залив, а их место занимали новые тральщики, сторожевики и канонерские лодки.

Я понимал, что на затемненных палубах бойцы листовок не прочтут, поэтому весь оставшийся тираж отдали политрукам стрелковых батальонов, которые переправлялись во вторую и третью очередь.

Первая ночь прошла благополучно, лишь в полдень гитлеровцы обстреляли ораниенбаумский порт. Но весьма неточно: ни корабли, ни хорошо укрытые в верхнем парке бойцы не пострадали.

16 сентября. Порывистый ветер гонит изодранные тучи. Временами хлещет дождь. Земля промокла, стоят лужи. Наступившую темноту разрывают вспышки орудийных залпов. Стреляют корабли и все северные форты.

Я знаю, что сейчас в этой воющей и грохочущей мгле, раскачиваясь на волнах, идут переполненные войсками наши сетьевики, тральщики и баржи. Всю ночь они будут переправлять войска в Ленинград. Пока переброска идет без потерь.

18 сентября. То, что нам сообщили, не решаюсь даже доверить тетради. Впрочем, если это произойдет, уже не будет тайной. Мой долг зафиксировать, как это было.

Полчаса назад Радун собрал политотдельцев и приглушенным голосом сказал:

— Мы должны быть готовы к самому худшему, хотя командование не собирается отдавать Ленинграда. На случай, если немцы прорвутся в город, на предприятиях созданы «тройки» по уничтожению всего того, что не должно попасть в руки противнику. Будут заминированы заводы, мосты, крупные здания. К этому должен подготовиться и флот. Короче говоря, на каждого из вас заготовлен конверт. Распечатаете только тогда, когда получите приказ. Каждый будет отвечать за потопление конкретного корабля. Мы обязаны сделать фарватер непроходимым, ни один наш корабль не должен достаться Гитлеру.

Ошеломленные неожиданной вестью, первые секунды мы не могли вымолвить слова, ждали, что еще скажет Радун. А он стоял бледный и молчал. Наконец поднялся старший политрук Филиппов и осевшим голосом спросил:

— Куда деть команду перед потоплением корабля?

— В море возьмете только необходимых. Перед потоплением погрузите людей на катера или шлюпки, захватите оставшийся провиант и оружие. Всем нужно вернуться в Кронштадт, а если не будет такой возможности — высаживайтесь на берег и действуйте самостоятельным отрядом. Задача: уничтожить больше живой силы противника. Под руинами Ленинграда должна погибнуть армия оккупантов.

Других вопросов не было. Мы разошлись с тяжелым чувством на душе. Каждый понимал, что «критический момент» может настать в любой час. Надо к нему подготовиться.

Вернувшись, я разобрал и смазал маслом пистолет. Собрал весь запас патронов. Что же еще захватить с собой? Тетрадь и блокнот. Их я заверну в резиновую маску противогаза и буду носить в сумке. Еще понадобятся спички и папиросы. В случае беды — нормы снабжения сократятся. Надо бы добыть сухарей или галет. Поговорю об этом на корабле.

20 сентября. Вчера на Котлин упали первые бомбы. Одна разорвалась невдалеке от Петровского парка. Осколком убило школьницу, которая смотрела в окно.

На «Марат», стрелявший с канала по берегу, напала авиация. На борту линкора разорвались бомбы. Но он пришел в Кронштадт своим ходом. Здесь будет ремонтироваться.

ОСТРОВ ПОГИБШИХ ЖЕНИХОВ

21 сентября. Прошло только три месяца войны, а такое ощущение, что мы воюем давно. Очень уж много было тревог, бессонных ночей, обстрелов и бомбежек. Мирная жизнь и покой вспоминаются как нечто далекое, несбыточное.

Кронштадт с его фортами мешает немцам продвигаться к Ленинграду. Гитлер отдал приказ: «Сравнять остров Котлин с водой». Сегодня мы ощутили действие этого приказа.

С утра верстался номер многотиражки, посвященной итогам трехмесячной борьбы. И вдруг в репродуктор послышался голос местного диктора:

— Воздушная тревога! Воздушная тревога! Всем в укрытие!

Мы слышали не раз подобные призывы, поэтому не кинулись в убежище Петровского парка, а остались работать в здании.

Вскоре послышалась частая пальба зениток и гудение моторов. Шум нарастал, надвигался... Я выглянул в окно — и увидел наползавшую с моря тучу черных крестов. Это были «юнкерсы» и «мессершмитты». Их было много. Они шли волнами...

Грохот зениток стал таким, что казалось, будто рушится раздираемое над головой небо. С противным воем и свистом посыпались бомбы. Я отпрянул от окна и крикнул своему «войску»:

— На улицу! В здании задавит обломками...

Мы выскочили во двор. И тотчас же попятились под навес у входа. Сверху падали горячие, зазубренные осколки зенитных снарядов. Они звякали о булыжник, разбрызгивали лужицы.

Многие овровцы жалели, что своевременно не укрылись в земляных щелях парка. Теперь туда не пройдешь, свалят осколки.

А черные самолеты, как стаи воронья, продолжали кружить над Кронштадтом.

В угол парка упала бомба огромной силы. Воздушной волной всех нас повалило... Когда я вскочил на ноги, то увидел, как через каменное здание перелетела во двор добрая треть ствола расщепленного дерева, вырванного с корнем. Кора на нем висела длинными вожжами, а ствол белел, как обнаженная кость.

Плохо человеку, когда он не у пулемета и не у пушки, а вынужден, изнывая от ожидания, вслушиваться в свист бомб и думать: «Вдруг не убьет, а лишь поранит, сделает уродом или калекой на всю жизнь. Лучше смерть, но какая бесславная и бессмысленная!»

Налет длился минут пятнадцать, а нам он показался изнурительным часом. Наступившая тишина не могла успокоить возбужденного сердца.

Вернувшись со двора, мы увидели в типографии разбросанную бумагу и перевернутый верстак. Все покрывали известковая пыль и обломки обвалившейся штукатурки. Стекол в окнах не было, они начисто вылетели.

Осколками стекла и штукатурки повредило шрифты в подготовленной к печати полосе. Девушкам пришлось вооружиться шильями и выковыривать изувеченные литеры, заменять их новыми.

Ходивший на разведку Клецко вернулся с невеселыми вестями.

— Обеда сегодня не будет, — сообщил он. — Нет ни воды, ни света. Все, что варилось и жарилось, — пойдет в помойку. Сейчас только унесли двух коков. Во время налета они смотрели в окна. Одному осколком стекла вышибло глаз, другому лицо порезало. В открытые котлы и противни тоже попало стекло. Обед выдадут сухим пайком...

Но не успел он рассказать о том, что видел, как опять раздался сигнал тревоги. На этот раз мы бегом устремились в Петровский парк и забились в щели под землей.

Тошно прятаться в укрытии и не знать, что творится над тобой. Доносятся лишь глухие удары, от которых колеблется почва, и сверху за ворот сыплется песок. Ино-

гда врываются отсветы взрывов и с грохотом рушатся деревья.

В парке мы натерпелись такого страха, что больше сюда нас не заманишь ни уговорами, ни приказом. Все бомбы, не попавшие в цеха Морского завода и в пирсы Усть-Рогатки, падали на нас. Они вонзались под корни деревьев, вздымали к небу тополя, дубы или, застряв в глубине, хранили молчание.

Что это за бомбы? Может, замедленного действия? Лучше быть подальше от них.

Во время третьего налета мы понеслись в ров у Якорной площади. Там под толщей земли была вырыта узкая, как туннель, пещера. Но она оказалась плохим бомбоубежищем. Строители не сообразили установить вентиляцию. Людей в пещеру набилось столько, что женщины и дети стали задыхаться, терять сознание. Пришлось их выносить на свежий воздух и под грохот бомбежки приводить в сознание.

Потом мы укрывались в цементных трубах, приготовленных для канализации, и к вечеру поняли, что в Кронштадте очень мало надежных бомбоубежищ. Населению, да и военным, деваться некуда.

Штаб ОВРа и политотдел, чтобы не быть погребенными под обломками зданий, еще днем перебрались в казематы Кроншлота. И мне приказано явиться туда же, найти место для типографии и перевезти ее на остров.

Как только отпечатаем тираж газеты, парни примутся разбирать «американку», а девушки — упаковывать шрифты для нового и, видимо, самого опасного путешествия.

Довезем ли мы свое имущество до Кроншлота? Не утопить бы его в пути. Хотя бы ночью налетов не было.

В городе разрушено много домов. Краснофлотцы разбирают на улицах завалы. После отбытия штаба и политотдела старшим в базе остался Белозеров. Его нервы не выдержали дневной бомбежки. Я встретил Белозерова во дворе без кителя, в белой рубашке с разодранным воротом, таким пьяным, что разговаривать о чем-либо было бесполезно. Он покачивался, бормотал что-то невнятное и утирал тыльной стороной кисти слезы.

Где я возьму людей на погрузку? Самим нам не справиться.

22 сентября. Грузчиков не достал. Пришлось одному отправиться в политотдел на стареньком рейдовом катере. До Кроншлота недалеко, но мы добирались минут двадцать, потому что вдруг начали вздыматься белые «свечки». Это гитлеровцы из дальнобойных орудий били по рейду, Морзаводу и улицам Кронштадта.

Снаряды с визгом проносились над головой. От разрывов на Морзаводе поднималась красная кирпичная пыль.

Проскочив опасное место, мы укрылись в кроншлотской бухточке.

Кроншлот — это искусственный островок перед входом в Петровскую гавань. Говорят, что он держится на сваях, вбитых в грунт еще в петровские времена.

Если смотреть на Кроншлот сверху, то по форме своей он напоминает огромную вытянутую каплю с круглым глазом в середине — неглубоким затоном, в который могут заходить катера и буксиры.

На островке всего четыре строения. На самом кончике капли — почти дачный домишко с верандой. У бухты — эллинг, для небольших судов, и двухэтажное круглое здание с крохотными комнатами.

На самой широкой части Кроншлота высится солидное главное здание с глубокими подвалами — казематами. Со стороны моря оно облицовано толстенным слоем гранита. Петр Первый, точно предвидя будущие обстрелы и бомбежки, строил его прочно и надежно. Стены здания имеют чуть ли не четырехметровую толщину: два метра кирпичной кладки и почти столько же отесанного гранита. Около здания на поляне высажены клены.

В главном здании под землей в казематах расположился штаб. В первом этаже политотдел, а в верхних помещениях — кубрики краснофлотцев, старшин и командиров.

Мне отведено место в обширной комнате со сводчатым потолком. В ней двенадцать коек, выстроившихся в три ряда. Заняв свою койку, я отправился к начпо и доложил, как обстоит дело с вывозом типографии. Он выразил недовольство и нехотя позвонил командиру базы, обязав его доставить типографию в Кроншлот.

— А вы оставайтесь здесь, — предложил Ильин. —

В шестнадцать часов будет совещание политработников. Подготовьтесь сообщить о планах газеты.

Прошедшей ночью я не сомкнул глаз. Смертельно хотелось спать. От начпо прошел прямо в кубрик и не раздеваясь улегся на койку. Несмотря на продолжавшийся обстрел, я мгновенно уснул. Человек способен привыкнуть ко всему.

Проснулся от сотрясений. Было уже три часа дня.

Гитлеровцы опять устроили массовый налет авиации на Кронштадт. Кроншлот они не трогали. Только случайно какой-то самолет обронил бомбу на отмели у маяка.

С Кроншлота мы спокойно наблюдали за тем, что творилось на рейде и в воздухе. Сегодня впервые вступили в бой над морем шесть краснозвездных истребителей. Они, как юркие коршуны, врывались в строй бомбардировщиков и клевали их то с одной стороны, то с другой, не давая прицельно бомбить. Порой нападали с такой яростью, что из бомбардировщиков валил дым. «Юнкерсы» взрывались в воздухе, пылая падали в воду...

Итог удивительный: не потеряв ни одного истребителя, советские летчики сбили восемь «юнкерсов». Где же держали этих асов? Почему их не посылали в бой раньше?

По подсчетам штаба, вчера на Котлин нападало сто восемьдесят самолетов. А нам показалось, что их было несколько сотен. Ведь небо потемнело.

Вчера сильно досталось линкору «Октябрьская революция». Он шел по Морскому каналу и вел огонь из двенадцатидюймовых пушек по берегу, захваченному противником. На траверзе Петергофа на него напала эскадрилья пикирующих бомбардировщиков. Линкор мгновенно открыл зенитный огонь. Все же одному бомбардировщику удалось прорваться... Бомбы угодили в носовую часть корабля и разворотили железную палубу. Но линкор не потерял боеспособности: продолжал стрелять, дошел до Кронштадта и здесь встал на ремонт.

Кроме линкора на рейде пострадали эсминцы «Грозящий» и «Сильный», плавбаза подводников «Смольный» и развалился от взрыва старенький транспорт «Мария».

Сегодня снаряды попали в цеха Морзавода, разрушили стенку дока. Среди рабочих много убитых и раненых. Артиллерийский налет был неожиданным, судостроители не успели укрыться в земляных щелях.

23 сентября. Тяжелейший для флота день.

Утро выдалось теплым и ясным, почти безоблачным. Такая погода в сентябре — редкость, но она не радовала кронштадтцев: ждали воздушных налетов.

Чтобы противник не видел целей, моряки подожгли дымовые шашки. Кронштадт и его рейд словно окутало белой кисеей.

Немецкая дальнобойная артиллерия стреляла то по рейду, то по городу. Несколько раз появлялись бомбардировщики, но зенитчики не дали им прицельно бомбить.

Время подошло к обеду. Выйдя из каземата на свежий воздух, я уселся на гранитный парапет и, любуясь ставшим невдалеке у Усть-Рогатки линкором «Марат», закурил.

Со всех сторон завыли сирены. На Кронштадт надвигалась очередная туча самолетов. Понимая, что им незачем бомбить Кроншлот, я не ушел в укрытие.

Загрохотали зенитки кораблей. В небе перед самолетами запрыгали белые мячики разрывов.

— Ура! Попали! — закричал краснофлотец, остановившийся рядом со мной.

Один из «юнкерсов», задымившись, вышел из строя. Он метался, чтобы сбить пламя, но ярко вспыхнул и упал в море.

Остальные же бомбардировщики, несмотря на ураганный заградительный огонь, продолжали двигаться по курсу. Только у Кронштадта они разделились на несколько групп и стали заходить на пикирование.

Я видел, как зенитчики линкора «Марат» усилили огонь. Вверх, навстречу пикировщикам, понеслись цепочки огненных трасс...

Послышались взрывы бомб где-то у подплава. И вдруг на носовой палубе «Марата» вспыхнул слепящий огонь... Вверх взвилось острое пламя и рассыпалось искрами... На Кроншлот накатился двойной взрыв.

Как на экране я увидел медленно поднявшуюся но-

совую башню линкора с тремя двенадцатидюймовыми пушками и отделившуюся от корабля фок-мачту, с ее мостиками и площадками, сплошь облепленную людьми в белых робах... Фок-мачта переломилась на несколько частей и вместе с башней рухнула в воду. Взметнувшиеся брызги, пар и дым обволокли корабль...

Я невольно зажмурился. А когда вновь открыл глаза, то увидел осевший на грунт линкор с начисто оторванным носом. На нем не было ни кривой трубы, ни толстенной фок-мачты, ни передней стальной башни с тремя пушками. Корабль парил, а вокруг него вода кишела плавающими людьми.

Кроншлотцы, узнав о взрыве на линкоре, выскочили из укрытий. Но чем мы могли помочь маратовцам? Только несколько человек, вскочив на рейдовый катер, помчались спасать тонущих.

Воздушный налет продолжался. В бой опять вступили шесть наших ястребков. Они сбили несколько пикировщиков, но разве этим восполнишь потери? Настроение у всех подавленное.

Совещание политработников было коротким. Я решил проведать свое «войско», оставшееся в Кронштадте.

На рейдовом катере, под сильным обстрелом, мы добрались до Петровской пристани. Там несколько линкоровцев переносили с баркаса трупы товарищей и укладывали в кузова грузовиков.

Многотиражку на «Марате» редактировал кинодраматург Иоганн Зельцер. Всего лишь несколько дней назад я видел его в Пубалте. Шутя он похвастался, что во время тревог находится на самом высоком месте в зенитном расчете на фок-мачте. Фок-мачта затонула. Куда же делся Зельцер?

Я спросил у мичмана, руководившего похоронной командой, не знает ли он о судьбе редактора многотиражки.

— Слышал... Политотдельцы говорили... в подъемнике застрял. И до верха не добрался, — ответил линкоровец и вдруг разрыдался. — У меня там такой друг погиб, что в жисть не найдешь.

Тут же я узнал, что «Марат» несколько дней назад в Морском канале уже пострадал от обстрела и бомбежки. У Усть-Рогатки его ремонтировали рабочие Морзаво-

да. Перед обедом они все собрались в Красном уголке. Немецкая бомба угодила прямо в снарядный погреб. От взрыва сдетонировавшего боезапаса и оторвало линкору нос. Все, кто был в этой части корабля, погибли.

В типографии я застал лишь часть своего «войска». На узлах, засыпанных обломками штукатурки, лежали в шинелях девушки и дремали. При моем появлении они даже не поднялись.

— Когда вы нас заберете? — спросила корректор. — Лежим второй день без дела... И погибнешь неизвестно за что. Ныне думали, потолок рухнет, всех засыпало.

— Сегодня постараюсь забрать. А где мужчины?

— Ушли за сухим пайком. Опять ни обеда, ни ужина, — пожаловалась Тоня. — Хоть бы в поварихи взяли.

Я отправился к Белозерову и не ушел от него, пока он не выделил пятитонку и команду грузчиков.

Нам удивительно повезло: за пятнадцать минут шоферы успели доставить имущество на пристань, а там — сгрузить на готовый к отходу катер. Когда одновременно начался обстрел и воздушный налет, мы уже были в бухте Кроншлота.

Здесь краснофлотцы поставили «американку» на деревянные салазки и затащили в самую глубь подземного каземата главного здания.

Я думал, что мрачные стены каземата вызовут уныние у девушек, а они, очутившись в тиши толстенного подземелья, повеселели.

— Ой, как здесь хорошо, словно в глубоком тылу очутились! — оглядевшись, воскликнула Рая Справцева. — Сюда осколки не влетят. Даже стрельбы не слышно.

— Теперь меня отсюда и на обед не выманишь, — призналась Тоня Белоусова. — Думалось, пришел конец жизни, ан нет, поживем еще!

Практичная Катя Логачева спросила у меня:

— А где здесь койки или топчаны достают?

Она решила не на день, не на два обосноваться в каземате.

— Обойдемся без коек, — поспешила сказать Тоня, боясь, что я их отправлю в кубрик, приготовленный на третьем этаже. — На фанеру матрацы положим.

Парни тоже не захотели поселиться в кубрике.

— Мы где-нибудь сбоку, за «американкой» устроимся, — сказал печатник Архипов. — Мне ведь вручную придется печатать, а в кубрике не выспишься: то по тревоге поднимут, то на погрузку пошлют.

— Мне там писать негде будет, — вставил Петр Клецко. — Да и дежурить заставят...

— Ладно, обосновывайтесь здесь, — разрешил я, так как и сам не прочь был остаться в каземате.

Сейчас мое утомленное «войско» спит вповалку на узлах и развернутых матрацах. Бодрствую лишь я один, потому что делаю эту запись в дневнике.

24 сентября. Оказывается, вчера поздно вечером, когда я вел дневник, еще раз налетела авиация и натворила много бед. Но до меня через толстые стены не донеслось ни единого звука. Репродуктор, объявлявший тревогу, умышленно был отключен, чтобы мои парни и девчата могли спокойно выспаться.

На Кронштадт налетело 272 самолета, из них сбито только четырнадцать. В городе сильно пострадали госпиталь и цеха Морзавода, а флот понес тяжелейшие потери. Кроме «Марата», сел на грунт с затопленной кормой лидер «Минск», повреждены, но остались на ходу крейсер «Киров», эсминец «Грозный», бывшая царская яхта «Штандарт», переделанная в минный заградитель.

Сегодня дует холодный ветер, временами накрапывает дождь, низко бегут облака. Самолеты не могут летать. Их заменила дальнобойная артиллерия, она бьет по рейду и Кронштадту.

Два шальных снаряда угодили в гранитную стену главного здания Кроншлота. Стена оказалась такой прочной, что увесистые снаряды, словно мячики, отскочили в сторону и разорвались в камнях на отмели.

Молодец Петр Первый, построил домину так, что мы благодарим его через двести с лишним лет!

От взрывов Кроншлот чуть колышется, точно палуба большого корабля. Видно, подгнили какие-то сваи. Но все равно мы себя здесь чувствуем лучше, нежели в Кронштадте.

На южном берегу не угасают костры. Гитлеровцы не успокаиваются, они все еще надеются смять наши вой-

ска хотя бы на Ораниенбаумском «пятачке». Если им это удастся — плохо будет Кронштадту! Гитлеровцы смогут стрелять в упор.

Нашу типографию шутники назвали «подпольной». Военкоров вдруг развелось больше, чем нужно. Они являются по два-три человека, но, конечно, без корреспонденций. Главная цель прихода: взглянуть на девчат. Как бы ни было тяжело, они рады позубоскалить и вскружить голову какой-нибудь Тоне или Раечке. Отваживает этих «корреспондентов» Клецко. Он дает гостям бумагу, карандаш и заставляет писать заметки, а это действует безотказно: у «корреспондентов», оказывается, нет никакого времени, они стремятся скорей улизнуть.

Нужно сказать, что женщины никогда не служили на этом островке, лишь за бельем прибывали пожилые прачки. Поэтому моряки издавна прозвали Кроншлот «островом погибших жениxов». Здесь они редко получали увольнительные и девушками любовались только в бинокль. Поэтому две наборщицы и молодой корректор вызывали повышенный интерес.

В бухту Кроншлота то и дело заходят катера МО пополнить боезапас, получить свежий хлеб, сыр, консервы. Для них в клубе беспрестанно крутят старые кинокартины.

Стоянка недолгая, но моряку и за эти минуты хочется как можно больше вкусить береговых радостей: катерники набиваются в клуб и с затаенным дыханием смотрят на недавнюю мирную жизнь, похожую теперь на сон. Досмотреть картину до конца редко кому удается, так как от дверей через каждые пятнадцать — двадцать минут доносятся голоса дежурных:

— Сто двенадцатый — на выход.

— Зенитчикам — построиться на берегу.

— Двести восьмой — через пять минут отходим.

Зрители неохотно поднимаются и бегут к выходу. Ряды скамеек пустеют, но через некоторое время заполняются новыми катерниками.

Я заметил: чем труднее людям на войне, тем больше их тянет к зрелищам, к музыке и танцам. Почти на каждой короткой стоянке появляются баяны, гитары, мандолины. Катерники выносят из кубриков патефоны и на пирсах, а то и на парапетах отбивают чечетку или русского.

Сегодня в Кроншлоте появилась фронтовая бригада ленинградской эстрады. Народу в зал набилось до отказа. Краснофлотцы сидели на полу и стояли вдоль стен.

Надев бушлаты и бескозырки, два пожилых певца спели старые матросские песни. Затем выступила танцевальная пара с таборными танцами. Черноглазая артистка так лихо трясла плечиками и грудью, что вызвала овацию. Ее долго не отпускали со сцены, заставляя каждый танец повторять на бис.

Закончился концерт сатирическими куплетами о четырех «Г» — Гитлере, Геринге, Геббельсе, Гессе. Куплеты были по-солдатски грубыми и не очень остроумными, но оттого, что их исполнял унылый и тощий детина, они вызывали взрывы смеха и аплодисменты.

Артистов моряки гурьбой провожали на катер, а они, глядя на далекие пожары на петергофском берегу и беспрерывно взлетающие ракеты, спрашивали:

— В Кронштадте менее опасно, чем у вас?

Кроншлотцам не хотелось их огорчать, и они без зазрения совести врали:

— Ну конечно, там Дом флота имеет хорошее убежище. Но вы и нас не забывайте, приезжайте еще.

26 сентября. Вчера весь день прошел без налетов авиации. Воспользовавшись передышкой, начальство устроило «переселение народов». Вся жилплощадь Кроншлота распределена по-иному.

Мне и секретарю партийной комиссии, батальонному комиссару Власову, отведена отдельная комната на втором этаже круглого здания, у входа в бухту. Комната небольшая, в нее с трудом вместились две койки и столик. Здесь будут храниться все наши материалы.

Власов — тусклый блондин с бледной и вытянутой физиономией. На щеках и подбородке у него какое-то подобие растительности — кустики бесцветных щетинок. Подозреваю, что он обходится без бритвы. По виду Власову лет тридцать пять. Он почти не улыбается, всегда серьезен. Видимо, эта черта и выдвинула его в секретари партийной комиссии.

У Власова хозяйственные задатки: он натаскал к круг-

лой печке дров, раздобыл чернил и завалил стол папками.

— Никого из посторонних не оставляй здесь, — предупредил он меня. — Все дела секретные.

— Как же тут вместе работать? — спросил я у него. — У тебя, наверное, заседание за заседанием, а мне уединиться необходимо.

— Особо мешать не буду, — пообещал он. — Я больше в разъездах. Заседания провожу на местах, с привлечением актива. Вот и сегодня укачу на острова, а тебе своего бывшего помощника подкину. Послал человека по делу на юр, или как его называют — Ораниенбаумский «пятачок», а там парня захомутали. Отбить не могу, только с отчетом прислали, несколько часов побудет здесь, очухается и опять — на сухопутный фронт.

Вечером пришел ночевать старший политрук в матросском бушлате, подпоясанный широким ремнем, в кирзовых сапогах. Прямо комиссар гражданской войны! В его усталом лице мелькнуло что-то знакомое. Я всмотрелся.

— Не узнаешь? — спросил он. — Витьку Наумова признать не можешь?

В бравом морячине трудно было узнать тощего институтского баскетболиста, с которым мы играли в одной команде, но я сделал вид, что сразу узнал его.

— Года три, наверное, по спортзалам с тобой разъезжали. Но понять не могу, кто тебя моряком сделал? Специальность ведь у тебя другая.

— На партработу взяли, а во время войны с финнами — на флот мобилизовали. С тех пор кителя не снимал. Надо бы вспрыснуть нашу встречу.

Он вытащил из вещевого мешка немецкую флягу и, поставив на стол, сообщил:

— Трофейный шнапс. И закуска имеется. — Наумов высыпал из мешка килограмма два картошки. — Разведчики на ничейном поле накопали. Приходится с боем картошку добывать.

В круглой печке-голландке догорали дрова. Я закопал в горячую золу десяток картофелин и поинтересовался делами на Ораниенбаумском «пятачке».

— Какой же он «пятачок»! — возмутился Наумов. — На нем несколько Нью-Йорков и государство Монако

разместить можно. По дуге шестьдесят километров, в глубину — двадцать пять. Немцы «котлом» назвали. Я в этот котел случайно угодил.

Он рассказал, как послали его вручать партийные билеты морякам, ушедшим с кораблей на сухопутный фронт. На командном пункте у Петергофа Наумова задержал бригадный комиссар, прибывший с большими полномочиями. Не желая ничего выслушивать, он тут же назначил старшего политрука комиссаром отряда и послал на развилку дорог задерживать беспорядочно отступавших бойцов Восьмой армии.

— А ты что — отбиться не мог? — спросил я у Наумова.

— Тут, когда все взвинчены, возражать не моги — под горячую руку расстреляют. Говорю «есть», повернулся, щелкнул каблуками и пошел. Наше дело солдатское.

Когда испеклась картошка, я открыл банку консервов и разлил по стаканам шнапс. Мы чокнулись и одним махом выпили его. Мой институтский товарищ быстро захмелел.

— Задерживали мы вконец измученных бойцов, — понизив голос, заговорил он. — Еще бы! Всю Прибалтику прошли с боями. В некоторых полках по двести — триста бойцов осталось. А тут от Ленинграда отрезали, в мешок попали. Растерялись многие. Пришлось чуть ли не каждого встряхивать и крепкое слово в ход пускать. В общем, наберем сотни полторы бойцов, дадим им командира, политрука и отправляем в обескровленные полки. А какая помощь от таких наспех сколоченных рот? К тому же плохо вооруженных? У немцев танков, снарядов и мин до дуры, а мы патронов вволю не имеем, пять снарядов на пушку даем. Хорошо, что наших моряков прислали да еще курсантов Петергофской школы пограничников. Эти стойкие. Фрицы боятся «черных дьяволов». Но батальоны морской пехоты с каждым днем редеют, в строю и трети бойцов не осталось. Хорошо, что корабельная артиллерия помогает.

— Значит, положение остается угрожающим?

— Да, и очень. Особенно для Кронштадта. Если не заставим гитлеровцев закопаться в землю, худо нам будет.

ВЫЛАЗКА В ЛЕНИНГРАД

29 сентября. Для многотиражки необходимы клише. Без них у газеты непривлекательный вид. Кронштадтская типография клише не изготовляет, за ними надо отправляться в Ленинград. А это не легкое путешествие. Хотя залив между Ленинградом и Кронштадтом наш, все же продвигаться по нему так же опасно, как и на передовой. Немецкие снаряды достают всюду.

Стоит на фарватере показаться кораблю, как через несколько минут над ним появляются самолеты или рвутся снаряды. Поэтому в светлое время мало кто пробирается в Ленинград, разве только на быстроходных катерах, по которым немцы редко стреляют, так как попасть в юркий катер трудно — он ведь может покинуть фарватер и маневрировать где угодно.

Вчера в Ленинград отправлялся штабной катер. Я напросился в пассажиры. Мы вышли на рассвете по северному фарватеру. Минут через десять попали под артиллерийский обстрел, но очень ловко улизнули из опасной зоны. В Неву вошли без всяких приключений.

В Ленинграде, несмотря на обстрелы и налеты авиации, на улицах людно. Мужчины и женщины стоят в очередях у закусочных, столовых, пивных и у газетных киосков.

Многие женщины выглядят нарядными, точно они собрались на бал или в театр. Мне навстречу попалась бывшая сослуживица по Дому книги. На ней элегантный темный костюм и удивительно белая кофточка с кружевным воротничком. Любопытствуя, я спросил:

— Что случилось, почему ленинградки вдруг стали франтихами?

Она объяснила по-своему:

— Никакие не франтихи. Просто не хотим остаться в затрапезном. А то некоторые берегли, берегли, приходят на свою улицу, а вместо дома развалины. Так что лучше быть нарядной.

Я побывал дома на канале Грибоедова. В квартире пусто. Окна раскрыты настежь. Может быть, поэтому все стекла целы. Как мы были наивны, наклеивая на них бумажные полоски. Для взрывной волны они не помеха.

Я зашел к соседу — товарищу по перу. Он каким-то чудом оказался дома, расхаживал в халате. Сосед выглядел так, словно он перенес очень тяжелую болезнь: исхудал, оброс щетиной, в углах рта залегли морщинки.

Оказывается, он попал в писательский взвод ополчения, чуть не оказался в окружении, но благополучно вышел из него, пешком добрался до окраины города и в трамвае вернулся домой.

— Немцы от нас в километре были, — сказал он. — С моим зрением, правда, не разглядишь, да я еще очки разбил. Но другие ясно видели, как фрицы перебегали.

В углу его комнаты стояла давно не чищенная, заржавленная винтовка.

— А где теперь ваша воинская часть? — спросил я.

Он ответить не мог.

— Многие из наших дошли до трамвайной остановки и поехали по домам. Наверное, повестки пришлют.

Он, оказывается, не знал ни воинского устава, ни того, как нужно обращаться с винтовкой.

Неужели и другие подразделения ополченческой дивизии имели столь необученных и не приспособленных к окопной жизни людей? Разве таким выстоять против дисциплинированных, вымуштрованных и натренированных убийц, против танков и самоходных орудий?

Я посоветовал соседу немедля отправляться с винтовкой в военкомат и сказать, что он только что вышел из окружения и разыскивает свою часть, иначе, если нарвется на формалиста, его обвинят в дезертирстве.

У соседа от волнения выступили на лбу и носу капельки пота. Ему и в голову не приходило, что можно сделать такой несправедливый вывод. Не мог же он воевать с разбитыми стеклами очков!

Я, видно, слишком зло высмеял его доводы, потому что ополченец мгновенно посерьезнел и пообещал сегодня же вычистить винтовку и сходить в военкомат. Если там будут люди разумные, то его используют в газете. К штыковым атакам он явно не приспособлен.

Два дня назад нелепо погиб ленинградский прозаик Иван Молчанов, написавший роман «Крестьяне». Это

был человек отчаянной смелости. Где-то под Ленинградом он остановил бегущих бойцов, пристыдил их и сам повел в атаку. Атака оказалась успешной, она помогла закрепиться другим ротам. За это Молчанова представили к награде. На радостях он угостил своих однополчан водкой и поехал на легковой машине по городу. На Литейном проспекте машина с ходу врезалась в чугунный столб. Молчанов получил сотрясение мозга и, не приходя в сознание, скончался. Глупейшая смерть!

Из Ленинграда не хочется уезжать. Так бы и стоял у гранитного парапета и без конца любовался городом! Но война вскоре напомнила о себе: со всех сторон одновременно заголосили сирены.

Еще днем, получив клише, я договорился со старшиной кронштадтского рейдового катера, что в двадцать часов он захватит меня у набережной Красного флота. Но остаться у парапета мне не позволили настойчивые дежурные соседнего дома. Они требовали, чтобы я укрылся в бомбоубежище.

Спорить с ними не стоило, так как еще не было и девятнадцати часов. Я прошел во двор и остановился у входа в подвал. Сюда сбегались женщины с ребятишками, ковыляли старики с заветным портфелем или саквояжем. В них обычно хранились ценности и документы.

В подвал забираться не хотелось, я стал к стене и закурил. На меня сразу же зашикала дворничиха:

— Брось! Фриц увидит. Курить нельзя.

Пришлось папиросу скрыть в кулаке и курить как на передовой.

Зенитная пальба началась чуть раньше бомбежки. Все загромыхало вокруг, и в стеклах верхних окон домов замелькали отражения разноцветных вспышек. Какая-то старуха, став на колени посреди двора и воздев руки к небу, принялась громко молиться. А когда грохот усилился, она не выдержала: поднялась и стремглав бросилась в бомбоубежище. И вот в такой, казалось, неподходящий момент вдруг раздался дружный хохот.

— Что, бабуся, и на бога не понадеялась? — спросил парень в рабочей куртке.

— Да разве при таком грохоте он услышит! — добавил другой.

И все вновь громко засмеялись.

Катер подошел в условленное время. Прямо с парапета я перебрался на палубу, и мы помчались вниз по Неве. Спускаться в каюту не хотелось, я остался стоять у мостика.

Вода в Неве, без отражений бликов городских огней, казалась мертвой, похожей на деготь. Дома высились как дикие скалы в широком ущелье, ни одного золотистого огонька. Только кое-где голубоватое сияние одиноких синих лампочек. Густая, вязкая тьма навалилась на город. Отсветы пожаров не окрашивали облаков, а запах гари все же ощущался.

В заливе вода засеребрилась. Видно, где-то за облаками сияла луна и ее процеженный свет отражался в море.

Катер шел северным фарватером. Старшина, стоявший у штурвала, все время был начеку: следил за южным берегом — не появится ли луч прожектора.

Неужели мы не прогоним гитлеровцев из Петергофа и Стрельны. Нельзя их оставлять на южном берегу, прямой наводкой будут расстреливать. Особенно достанется крупным кораблям. Для них существует только один путь — Морской канал. Залив вокруг мелководен, корабли с большой осадкой не проведешь. Значит, все время придется рисковать, идти в узости канала под огнем. Не плаванье, а гроб с музыкой!

— Воздух! — выкрикнул впередсмотрящий.

Самолета он не видел, а уловил нарастающее нытье моторов.

Я тоже стал смотреть вверх, прислушиваясь к звуку, напоминавшему противное зудение бормашины.

В небе над заливом облака рассеялись. Крупная красновато-оранжевая луна как бы глядела на нас сквозь кисею. Море она не освещала. Может быть, поэтому самолет-разведчик нас не приметил и принялся обстреливать из пулеметов баржу с аэростатчиками, стоявшую посреди залива.

Сверху стремились трассирующие пули. Казалось, что осыпается звездная пыль, хотя сами звезды не проглядывались.

В темном небе осветился аэростат. Он вдруг вспыхнул и, теряя контуры, стал падать...

Где-то заработала скорострельная пушка и быстро замолкла. Вдруг, чихнув два раза, заглох мотор нашего катера.

— Что-нибудь серьезное? — спросил я у старшины.

— Шут его знает! — ответил тот. — Вот не на месте забарахлил! Может, бензин с водой? Надо бы поглядеть, но лампочку включишь — с берега заметят. Вытаскивай брезент! — приказал он механику.

Развернув брезент, катерники накрыли им моторный отсек; светя лампочкой, стали копаться в механизме. Меня попросили наблюдать за морем.

Я поднялся на мостик дрейфующего катера, стал всматриваться в темноту. Вблизи не было ни барж, ни кораблей. А на далеком берегу взлетали время от времени ракеты.

Прошло минут двадцать... полчаса, а катерники, чертыхаясь, продолжали возиться с мотором. С севера сперва задувал едва ощутимый ветер, но через час он стал пронизывающим. Появились барашки. Катер заметно гнало к берегу. Мы прошли мимо вехи, поставленной на отмели, вскоре она оказалась позади, а затем — совсем растворилась во тьме. Я сказал об этом старшине. Тот поглядел в сторону Стрельны и заключил:

— До берега далеко, ветром не скоро пригонит. Управимся!

И он опять забрался под брезент помогать мотористам.

Я продрог на мостике, пришлось спуститься и искать укрытия от ветра.

Неожиданно на берегу запрыгали огоньки. Донесся гул частых выстрелов и довольно близких разрывов. Видно, какое-то судно появилось в Морском канале и немцы принялись его обстреливать.

Напрягая зрение, я стал вглядываться в волны, но обстреливаемого судна не увидел, а то, что удалось разглядеть во тьме, не обрадовало. Снаряды рвались довольно близко от нас.

Я опять вызвал старшину катера и посоветовал бросить якорь.

— А у нас такого якоря, чтобы в заливе стоять, не имеется, — ответил он. — Да и во время обстрела лучше

дрейфовать. Фрицам к волне и ветру не приспособиться, промажут.

Я прислушивался к тому, как катерники под брезентом звякали железом, злился на них, но ничем не мог помочь.

Прошло, наверное, еще минут тридцать, а то и сорок, наконец мотор перестал чихать, застучал ровно и бесперебойно.

В Кронштадт мы пришли глубокой ночью. В Кроншлоте я очутился только утром. И здесь почувствовал себя таким утомленным, словно совершил опасное многодневное путешествие.

ПЕТЕРГОФСКИЙ ДЕСАНТ

1 октября. Дни стоят теплые. Деревья еще в зеленой листве.

Вчера ночью шел бой очень близко от Ораниенбаума. Из Кронштадта видны были вспышки разрывов, а пулеметная пальба доносилась довольно явственно. Неужели немцы и здесь выйдут к морю?

Сегодня светит солнце. Пальба не прекращается: бьет из тяжелых пушек «Октябрьская революция» и ей вторят форты. А по улицам, как в обычный мирный день, бегут с сумками ребятишки. Они торопятся в школу. Пальба их не пугает, они привыкли к ней.

4 октября, 24 часа. Сегодня полнолуние. Море серебрится. Ночь такая светлая, что на берегу можно разглядеть каждый камешек.

Вчера немецкая артиллерия из Петергофа обстреливала Кронштадт беглым огнем. Снаряды рвались на территории Морзавода, в Петровском парке, на улице Ленина. Есть убитые и раненые среди гражданского населения. На телеграфе я видел плачущих женщин, которые посылали телеграммы мужьям о гибели детей.

Город встревожен, многие кронштадтцы в ожидании обстрелов и бомбежек не спят в домах, устраиваются в глубоких траншеях, прикрытых железными листами, ночуют в подвале церкви или сидят с детьми около пещер, вырытых во рву у Якорной площади.

5 октября. Утром по неосторожности пострадал наш печатник Архипов. Он печатал листовку. Вдруг вздумалось ему поправить неровный листок. «Американка» же продолжала работать. Рука вмиг была прижата к талеру. Послышался крик — на белый лист брызнула кровь. Текст листовки остался на коже посиневшей кисти. Распорот большой палец. Пришлось отправить в госпиталь.

Как я теперь обойдусь без печатника? Пока листовки печатает Тоня Белоусова — самая рослая из девчат. У нее густые, пышные золотисто-каштановые волосы, могучий торс и сильные руки крестьянки. Смеется она, забавно оттопыривая верхнюю губу. Говорит с олонецкими присказками, чуть окая. Но она девица норовистая, навряд ли согласится вручную печатать газету. Придется приспособить Клецко.

5 октября, 21 час. За сегодняшний день делаю вторую запись. Дело в том, что газету мы не можем печатать, пока ее не прочтет комиссар. А Радун все время в разъездах. Наконец перед обедом узнаю, что он прибыл на Кроншлот. Хватаю оттиски полос и мчусь в приемную.

Адъютант останавливает:

— Бригадный комиссар занят, никого не принимает.

— Доложите, что я по неотложному делу.

Адъютант нехотя уходит в кабинет комиссара и через минуту возвращается.

— Идите.

Бригадный комиссар что-то пишет. Его круглая, коротко остриженная голова низко склонена над бумагой. Радун — бывший работник Главного политуправления: руководил флотской комсомолией. Мы с ним ровесники, поэтому я держусь при нем, как привык держаться в комсомоле. А это ему не нравится. Он умен, но заносчив, не похож на комиссаров, которых мы знаем по литературе и кино. Не отрывая глаз от бумаги, Радун сердито спрашивает:

— Что у вас там загорелось?

— Горит газета, — отвечаю я. — Второй день лежит сверстанная и ждет разрешения на выпуск.

— Сейчас не до многотиражки... Решается судьба

Ленинграда. Разве не сказали, что я занят! — оторвавшись от бумаги, повышает голос Радун.

Его воспаленные глаза мечут искры. Но я не тушуюсь и говорю:

— Именно в такой момент газета должна воодушевлять бойцов. Если вы не имеете возможности прочитать, поручите кому-нибудь другому.

— Вы что — пришли меня учить?

— Нет. Я лишь говорю о том, что должен знать каждый политработник.

Радун вскакивает. Он готов крикнуть: «Кругом, марш!» Но сдерживает себя и холодно говорит:

— Оставьте оттиски... Вызову, когда понадобитесь.

Щелкаю каблуками, поворачиваюсь и ухожу.

Военный человек должен уметь подавлять в себе неприязнь к иному начальнику, даже когда его распирает от возмущения. Если он забывает об этом — потом сожалеет. Я еще не научился вести себя соответствующим образом.

Комиссар вызвал перед ужином. Я пришел к нему подтянутым, чтобы не дать возможности придраться. Радун, казалось, забыл о недавней стычке. Возвращая подписанные оттиски, он как бы невзначай говорит:

— Маловато у вас боевых эпизодов. Видно, потому, что не бываете в море. Недостаток надо исправить. Оденьтесь по-походному, сегодня пойдете на МО-412 с десантом.

При этом пытливо посмотрел на меня. Радун думал, что я начну отбиваться от опасного похода. Но у меня не дрогнул ни один мускул на лице, я лишь спросил:

— Разрешите узнать задачу десанта и где мне придется высаживаться?

Радун охотно объяснил, что катерам нашего соединения приказано скрытно перебросить десантников на петергофский берег. Тут же принялся рассказывать, какие бойцы отобраны из добровольцев на кораблях и в учебном отряде. По его словам, это были богатыри. Цель ночной операции — отвлечь как можно больше сил противника и очистить южное побережье, чтобы по Морскому каналу могли беспрепятственно ходить корабли.

— А для воодушевления скажите бойцам, что одновременно с суши, с севера и юга, ударят пехотинцы де-

вятнадцатого стрелкового корпуса, — посоветовал он. — Танкисты со стороны Ленинграда прорвут линию фронта и соединятся с десантом. Самому вам незачем высаживаться. Вернетесь назад. Ясно?

— Вполне, — сказал я и, разъяренный, ушел от него.

И вот сейчас сижу и думаю: «Зачем он меня посылает, раз не надо высаживаться и воевать? Для укрощения строптивости? Или проверка выдержки и смелости? Ладно, в пылу боя я же могу увлечься и уйти с десантом? В порыве мало ли что бывает. Пусть останется Радун без редактора».

Если не судьба воевать дальше — прощайте мама, Валя, сынка!

Эту тетрадь прошу передать брату Александру. Он сейчас партизанит в лужских лесах.

6 октября. Вернулся с моря окоченевшим. Прочел последнюю запись, и стало неловко: распрощался, оставил завещание, а все прошло без единой царапины, и никуда я не делся.

Вчерашний вечер выдался холодным. Дул резкий ледяной ветер. На мокрых мостках выступала изморозь.

«Что же надеть? — размышлял я. — Если катер подобьют и мы очутимся в воде, то лучше быть в такой одежде, которая легко снимается. Впрочем, ни одетым, ни голым в ледяной воде много не наплаваешь. Лучше быть в теплом».

Одевшись по-походному и вооружившись пистолетом «ТТ», я отправился на морской охотник.

Почти в полночь пять катеров МО вышли из кронштотской бухточки и затемненными направились к ленинградской пристани.

В море не было ни огонька, только на стрельнинском и петергофском побережье время от времени взлетали ракеты. Ветер стихал, но был каким-то остро пронизывающим. Впередсмотрящие невольно поеживались. Меня тоже пробирала дрожь.

У ленинградской пристани скопилось двадцать пять «каэмок» — деревянных катеров, на которых можно было разместить по взводу десантников, — два бронекатера с шестидюймовыми пушками, штабной ЗК и шесть боль-

ших шлюпок. Здесь не разрешалось громко разговаривать, подавать звонки и другие сигналы. Погрузка шла в темноте. Только изредка доносились звяканье железа о железо, поскрипывание дерева и приглушенные голоса боцманов.

Все получили строгое предупреждение: в море не курить.

На «каэмках» разместили пять рот десантников. Все они одеты во флотские бушлаты и черные брюки, заправленные в кирзовые сапоги.

Моряков собирались одеть в защитную армейскую форму, но они стали доказывать, что бескозырки и черные бушлаты для ночного десанта больше подходят.

— А в тельняшке теплей, — уверяли они. — Она привычней нашему брату.

— Ну, если привычней, оставайтесь во флотском, — согласилось начальство.

Первыми двинулись в путь пять «каэмок». Они обязаны были в случае необходимости прикрыть десантные суда дымовой завесой.

В третьем часу ночи все катера МО и двадцать «каэмок», опустив глушители в воду, запустили моторы и поотрядно двинулись в путь. Впереди шли морские охотники, а за ними, строго в кильватер, по четыре «каэмки» с десантниками.

Я стоял на мостике с командиром МО и недоумевал: «Как же мне выполнить приказ комиссара — воодушевить бойцов?»

— Это, видимо, придется делать при высадке. Запаситесь на всякий случай рупором, — порекомендовал старший лейтенант Воробьев.

Я попросил боцмана принести запасной рупор и стал всматриваться в темноту.

Гитлеровцы, видимо, не ожидали ночного нападения. На берегу с прежней методичностью взлетали и гасли осветительные ракеты.

Когда отряд подошел к главному фарватеру, сразу же открыли артиллерийскую пальбу форты, а затем тральщики и миноносцы, стоявшие посреди залива. В небе загудели бомбардировщики.

Темный берег засветился короткими вспышками. Ка-

залось, что в парке и на пляжах неожиданно возникали костры и рассыпались.

Пальба нарастала. Под громоподобный гул и вспышки, похожие на молнии, над нашими головами с визгом и воем проносились потоки тяжелых снарядов, словно там, наверху, мчались с лязгом один за другим бешеные эшелоны и с грохотом опрокидывались, создавая месиво из земли, дыма, пламени.

Катера перестроились по фронту, и все разом ринулись к петергофскому берегу.

Я взглянул на часы со светящимся циферблатом. Было половина пятого утра. Воодушевлять десантников не пришлось. В таком грохоте меня бы никто не услышал.

Подавленные мощным огнем, немцы, окопавшиеся на берегу, некоторое время не стреляли по десантникам. Передовым «каэмкам» удалось беспрепятственно высадить разведчиков у петергофской пристани.

Моряков-разведчиков огнем встретили только у небольшого каменного здания пристани. Там вдруг ожили два пулемета, но их быстро подавили гранатами.

К захваченной пристани устремились катера с командованием отряда, минометчики и саперы. Здесь суша выступала далеко в залив и глубина была такая, что катера могли подходить вплотную к нагромождению камней.

Мы приближались к берегу почти против дворца Монплезир. Нам было известно, что в этом месте отмель обширна. Десантникам придется не менее сотни метров идти по пояс в воде.

Как только огонь фортов и кораблей переместился в глубь немецкой обороны, начали постепенно оживать береговые дзоты и пулеметные гнезда. В глубине парка, где-то у каскада «Шахматная гора», вдруг запульсировали огни, словно там заработали светящиеся фонтаны, посылавшие в залив струи разноцветных брызг.

Пальба и сверкание роящихся огней не вызывали страха, наоборот — будоражили кровь, пьянили, словно катера мчались на какое-то буйное веселье с шумным фейерверком. Казалось, что потоки цветных шмелей, проносящихся над катером, не несут увечья и смерти.

Но вот рядом со мной охнул комендор, присел на корточки, схватившись за горло. Ракета на миг осветила его

бледное испуганное лицо и кровь, струившуюся между пальцев.

Я помог перетащить его к кормовому люку и крикнул вниз:

— Окажите раненому помощь!

Но никто не отозвался. Остановив пробегавшего кока, я приказал ему спуститься с раненым в кают-компанию и оказать первую помощь, сам же вернулся к впередсмотрящим. Они уже промеряли футштоками глубины.

— Стоп! — крикнул вдруг старшина. — Сто восемьдесят.

Катер мгновенно застопорил ход и, пятясь, открыл огонь по берегу.

У «каэмок» осадка была меньшей, они пошли дальше. Остановились от нас вдали.

Десантники прямо с бортов попрыгали в воду и, держа над головой винтовки, по грудь в воде двинулись к берегу...

Высадив всех, «каэмки» стали отходить. Одна из них замешкалась и застряла на отмели. Мы видели, как катерники, спрыгнув в воду, руками сталкивали свое суденышко на более глубокое место.

Застрявшую «каэмку» на миг осветил луч прожектора. Он проскочил было левей, но опять вернулся и заметался на отмели, выхватывая из тьмы то согнутых пулеметчиков, кативших по воде «Максимы», то минеров, несущих ящики с минами, то карабкавшихся на берег стрелков.

По нашей отмели били скрытые у верхнего дворца пушки.

Застрявшая «каэмка» минуты через две вспыхнула и загорелась ярким пламенем, освещая черную воду и каменный берег.

Отстреливаясь, катера отступали из опасной зоны в глубь залива.

Высадка десантников продолжалась. У берега загорелся еще какой-то катер.

Два снаряда разорвались вблизи от нашего МО, но луч прожектора не настиг его. Мы были уже у фарватера и, убавив ход, могли наблюдать за тем, что творится на берегу.

Бой в Нижнем парке разрастался. Около дворцов

Эрмитаж и Марли рвались гранаты, то и дело слышалось «ура».

У Большого каскада и дворца Монплезир меж деревьев метались огни, беспрестанно взлетали осветительные ракеты и усиливалась пулеметная и винтовочная пальба.

А пассажирская пристань оставалась темной. «Вот куда теперь следовало бы высаживаться», — подумалось мне. Но десантники, видимо, уже все были высажены, так как наш катер получил приказ по радио вернуться домой. Я еще раз взглянул на отмель у Эрмитажа. Там какое-то суденышко догорало на воде.

Когда мы подходили к Кронштадту, уже занимался рассвет.

Спать не хотелось. Тревожила судьба десанта: «Удалось ли морякам прорваться на соединение с бойцами сухопутного фронта?»

Надеясь хоть что-нибудь узнать, я спустился в каземат оперативных дежурных, где была открыта специальная радиовахта для связи с десантом.

Но от десантников еще не поступало вестей.

— Видно, горячо там... Все еще дерутся, — сказал оперативный дежурный. — Вот светлей станет, разберутся, где свои, а где чужие. Скорей бы сообщили, какая часть Петергофа захвачена. Пора боезапас подбрасывать, а не знаю — куда.

От этого же оперативного дежурного я узнал, что на фарватере из воды подобраны два катерника, плывшие в Кронштадт.

Не раздумывая, я помчался в медпункт, куда доставили спасенных. Там сидели завернутые в одеяла молодой лейтенант Гавриков, недавно окончивший военно-морское училище, и краснофлотец Малогон. Несмотря на выпитый кофе со спиртом и растирания, обоих моряков бил озноб, да так, что лязгали зубы.

— Никак не могу согреться, — с запинками сказал лейтенант. — Вода очень холодная, до костей пробрало.

На мои вопросы спасенные отвечали односложно. Но я был настойчив — необходимо было написать о них в газету. Другого материала пока не было. Из того, что я узнал от них, получился небольшой рассказ.

МОРЕ ВЫРУЧИЛО

Во время ночного десанта краснофлотец Сергей Малогон стоял на носу катера впередсмотрящим. Он следил за всем, что происходило на воде, и промерял футштоком глубины.

Первая группа десанта высадилась почти без выстрелов. Но когда к каменной отмели подходил катер Малогона, противник уже всполошился и строчил по десантникам из пулеметов.

Метрах в ста от берега катер наткнулся на подводные камни и застрял.

Десантники спрыгнули в воду и бегом устремились вперед. Казалось, что опустевший катер сам сойдет с отмели. Но не тут-то было: нос прочно засел на камнях.

Малогон в одежде соскочил в воду и, напрягаясь, принялся сталкивать свое суденышко.

Под нажимом сильных рук нос катера сполз с камней. Теперь судно могло отработать задний ход.

Вдруг рядом стали рваться снаряды, вздымая столбы воды и грязи. Малогон, уцепившись за край палубы, хотел рывком вскарабкаться на нее, но в это время нос катера от набежавшей волны задрался вверх и краснофлотец сорвался...

В горячке боя никто на судне не заметил, что Малогон остался в воде. Катер ушел в глубь залива и больше не возвращался.

«Что теперь делать? — в тревоге думал краснофлотец. — Может, догнать десантников и присоединиться к ним?» Он уже собрался выйти на берег, но в это мгновение ракета осветила перебегавших между деревьев автоматчиков в стальных касках. «Фрицы, — понял Малогон. — Без оружия выходить бессмысленно: попадешь в плен. Как быть?»

Пятясь, он забрался поглубже в воду и начал озираться. Левее Малогон заметил неподвижный силуэт «каэмки».

«Никак застряла», — обрадовался он и поспешил к катеру.

«Каэмка», поврежденная снарядом, застряла на подводных камнях. Стоя по грудь в воде, командир катера лейтенант Гавриков пытался столкнуть ее на глубокое

место. Боцман и моторист возились с заглохшим мотором.

Малогон взялся помогать. Вдвоем они столкнули «каэмку» с камней и поторопились вскарабкаться на борт...

Но тут еще один снаряд угодил в середину судна. Сильный взрыв отбросил моряков в воду.

На катере вспыхнул бензин и, растекаясь по воде, осветил все вокруг. Стало жарко от огня. Вблизи рвались снаряды.

Малогон помог подняться на ноги Гаврикову, и они вдвоем, по горло в воде, поспешили отойти в темную часть отмели.

Боцман и моторист «каэмки», видимо, погибли. Судно от новых попаданий стало разваливаться.

— Куда же мы теперь денемся? — спросил Малогон у лейтенанта.

— В нашем положении только море может выручить, — ответил тот. — Плавать умеешь?

— Слабовато. Вон там у катера я видел спасательные пояса.

— Сходи подбери, — велел Гавриков.

Краснофлотец ушел, а лейтенант, добравшись до нагромождения камней, попытался снять тяжелые рыбацкие сапоги. Но его усилия ни к чему не привели: намокшая кожа выскальзывала из рук.

Малогон вернулся минут через пять и протянул лейтенанту спасательный круг. Пробковый пояс он надел на себя.

— Оставь себе, — сказал Гавриков. — У меня капковый бушлат. Он часа четыре продержит на воде.

— Неужели так долго придется плыть?

— Сколько выйдет.

Они помогли друг другу снять сапоги. Вышли на глубину и не спеша поплыли в сторону Кронштадта.

На берегу грохотал бой, мелькали вспышки разрывов, доносилась частая пальба, а в море было тихо, темно и очень холодно.

От ледяной воды ломило руки, сводило челюсти. Но моряки не сдавались холоду — делали широкие гребки и плыли вперед.

Иногда они останавливались отдохнуть. Растирали

один другому плечи и ноги. Всякий раз лейтенант подбадривал краснофлотца:

— До фарватера уже совсем немного осталось. Держись, Малогон.

Они плыли долго. Остывавшее тело деревенело. От мелькания невысоких волн мутило. Пальцы совсем не шевелились. Хотелось безвольно опустить руки, закрыть глаза и хоть немного вздремнуть.

— Что-то спать хочется, — во время короткого отдыха сознался краснофлотец. — Глаза сами закрываются.

— Не вздумай! — прикрикнул на него Гавриков. — На дно пойдешь. Вон катер идет.

Но лейтенанту померещилось, фарватер был пустынным.

Морской охотник их заметил только на рассвете. Катерники едва шевелили руками, но все же плыли. Они не хотели сдаваться смерти.

Сами пловцы не могли ухватиться за протянутые им концы. Пальцы уже не действовали. Кронштадтцев подхватили несколько рук и втащили на палубу МО.

Спасенных немедля спустили в кают-компанию катера, а там боцман и два комендора, надев шерстяные перчатки, смоченные спиртом, принялись растирать их тела.

Так два бойца, избравшие вместо плена море, остались жить.

7 октября. Пока газета печаталась, я лег вздремнуть и. . . словно провалился в бездну.

Днем меня растормошил печатник:

— Товарищ редактор, вставайте, проспите обед.

После ночной операции в горле саднило, как при ангине, голова была тяжелой. Я не говорил, а хрипел.

— Что слышно о десанте? — спросил я.

— Ничего пока не известно, — ответил Клецко. — В штабе и политотделе все хмурые. Кажется, нет связи. Катер Панцырного ушел в Петергоф.

Обедать мне не хотелось. Я отправился в политотдел. Там действительно у многих было подавленное настроение. Оказывается, с суши ни танкистам, ни пехотинцам не удалось прорвать линию немецкой обороны и соединиться с десантом. Слишком обескровленными оказались

наши дивизии, отступавшие по Прибалтике с тяжелыми боями, в них не осталось и трети бойцов. А главное — дал себя знать острый недостаток снарядов, бомб и мин. Мы не могли подавить немецкие батареи и танковые заслоны. Моряки, попавшие в гущу хорошо вооруженных вражеских полков, дерутся одни. Каково их положение, никому не известно. Коротковолновые радиостанции молчат. Видимо, повреждены или утоплены при высадке.

— Как же помогают десантникам? — спросил я.

Мне никто не ответил. Без слов было понятно, что моряки попали в тяжелое положение. Им нечем обороняться против танков. Винтовочной пулей бронированную машину не остановишь. А гранаты, наверное, израсходованы в начале боя. Вместе со стрелками необходимо было перебросить на берег и комендоров, вооруженных хотя бы легкими противотанковыми пушками. А теперь их не высадишь. Гитлеровцы начеку. Хорошо, если десантники захватили большой плацдарм.

Я вышел на улицу и, пройдя к посту наблюдения, стал всматриваться в петергофский берег. Издали казалось, что в Нижнем парке, ярко расцвеченном осенью, полное затишье, что там нет ни наших моряков, ни немцев.

«Куда делись десантники? Может, лежат в обороне у пристани и надеются, что вместе с боезапасом им подкинут новых бойцов, или прорвались к аэродрому, как было намечено, и ждут армейцев? Сколько их осталось? Куда укрыли раненых?»

Вопросов возникало много, и все они оставались без ответа. На траверзе Петергофа, маневрируя и ставя дымзавесы, зигзагами ходили наши разведывательные катера. Изредка они стреляли. Но вот один из катеров, словно наткнувшись на белый столб, возникший из воды, закружил на месте... Другой потянул за собой пушистый хвост, прикрывая его дымовой завесой.

У меня не было бинокля. Желая узнать, что случилось в заливе, я поднялся на вышку. Там старшина обеспокоенно наблюдал за происходящим.

— Подбили «мошку», кажется тонет, — сказал он.

Я взял от него бинокль, но в белесом дыму ничего не мог разглядеть.

— Удалось ли хоть одному подойти к берегу? — спросил я у старшины.

— Нет. Куда ни ткнутся, всюду стреляют. А наши не выходят на берег. И ракет не видно.

Вскоре в кронштотскую бухту вернулся МО-210. Катерники были злы и малоразговорчивы. Им не удалось сгрузить боезапас десантникам.

— Не видно их, — хмуро сказал лейтенант Панцырный. — А в штабе решили, что мы струсили. Прислали командира дивизиона. Он храбро пошел и... угробил четыреста двенадцатый.

На МО-412 я ходил ночью. Весть о его гибели потрясла меня. Я попросил подробней рассказать о случившемся.

РАССКАЗ ЛЕЙТЕНАНТА ПАНЦЫРНОГО

Ночью я был на высадке десанта. Вернулся в шесть. Только прилег, часу не проспал, уже тормошат. Командир ОВРа к себе вызывает.

Иду к нему. Капитан второго ранга Святов посмотрел на меня, переставил на столе чернильницу и, не поднимая глаз, говорит:

— Назначаю вас старшим. Пойдете с МО-232, бронекатером и двумя «каэмками» к петергофской пристани. Надо срочно подбросить боезапас десантникам.

— С десантом связь установлена? — спрашиваю я.

— Пока нет, — ответил он коротко. — Когда сгрузите боезапас, «каэмки» и МО отошлете, а сами останетесь для связи.

— К кому там обратиться?

— Прямо сгружайте.

Поняв, что капитан второго ранга не знает обстановки, я, как полагается, сказал «есть» и — бегом на катер.

Подхожу к пассажирской пристани. Там меня уже ждут катера.

Собираю командиров, объясняю им задачу, а самого гложет мысль: «Ты же ничего не знаешь. Не обманывай, надо разведать обстановку». Поэтому я их не взял с собой, а приказал подойти к Петергофу через час.

Оставив катера, я лег курсом прямо на петергофскую пристань и приказал наблюдателям получше всматриваться, особенно в нагромождение камней.

Ни на пристани, ни под пристанью никто не показывался. Это меня насторожило. Если пристань в руках десантников, то почему они не дают знать о себе?

Круто развернувшись, я пошел влево.

Берег по-прежнему был пустынен. Даже вороны и чайки не летали. Что за чертовщина?

Дохожу до крупных камней, торчавших из воды у Старого Петергофа, поворачиваю на обратный курс. Внимательно вглядываюсь в набережную у Эрмитажа, в деревья у дворца Марли, в кусты у пляжа, ни единой души!

Вновь подхожу на довольно близкое расстояние к полоске земли с пристанью, выдвинутой в залив. Неужели и на этот раз никто не покажется?

Пристань пустынна. Около каменного домишки мои наблюдатели приметили на земле неподвижных людей.

— Мертвые, — сказал один из них, — не шевелятся.

Прохожу дальше, всматриваюсь в открытые террасы Монплезира, в его пристройки. Приземистый каменный дворец удобен для обороны. Не здесь ли находятся наши?

Даю ракету в надежде вызвать ответный сигнал. Напрасно. Монплезир молчит.

Странно, не могли же разом погибнуть немцы и наши все до одного? Откуда-то наблюдают за мной. Но откуда?

— Смотреть лучше! — приказываю наблюдателям.

Поворачиваю, иду назад малым ходом и думаю: «Сейчас фрицы ударят по катеру. Неужели не соблазнятся?»

— Есть! — кричит наблюдатель. — Засек. Наверху, левей главного каскада, в кустах танк. Он поворачивал ствол пушки в нашу сторону.

Значит, противник прячется, держит катер на прицеле, но не стреляет, боится обнаружить себя. Как бы вызвать огонь скрытых батарей и засечь их?

Вижу — мои катера приближаются. Значит, уже прошел час. Поворачиваю, чтобы встретить и предупредить их. И тут фрицы не выдержали: дают залп по катеру. Стреляют пушки, скрытые у каскада «Золотая горка», и танк. Столбы разрывов поднимаются за кормой.

«Недолет, — соображаю я. — Сейчас ударят с опережением». Резко снижаю ход. «Свечки» поднялись из воды

впереди. Чтобы не получилось накрытия, круто изменяю направление и мчусь назад к пристани.

Фрицы, не понимая моего маневра, умолкают.

Я сбрасываю одну за другой пять дымовых шашек и ходу. Ветер гонит на меня дым, прикрывает.

Сообщаю по радио в штаб, что был обстрелян, и не вижу на пристани десантников. В ответ получаю грозное указание: «Выполняйте приказ».

Делать нечего, иду к своим катерам. МО посылаю влево вести дуэль с обнаруженным танком и время от времени возобновлять дымзавесы. Бронекатер отправляю вправо. У него более мощная пушка, пусть подавит огонь обнаруженной батареи. «Каэмкам» приказываю подойти вплотную к пристани и сбросить боезапас, никого не ожидая. Сам готовлюсь прикрыть их.

До пристани остается метров сорок. И вдруг раздается треск автоматов. Под пристанью засада.

Автоматчики, укрываясь за переплетениями толстых деревянных свай, бьют короткими очередями. «Каэмки» под огнем круто разворачиваются и, не сбросив груза, уходят.

Я приказываю своим пулеметчикам открыть огонь по автоматчикам. А надо было ударить из пушки зажигательными. Пусть бы фрицы поплясали под горящим настилом. Но сразу не сообразил.

На «каэмках» появились раненые. Вновь связываюсь по радио со штабом. Мне разрешают отпустить «каэмки», а самому продолжать разведывать огневые точки противника.

Отослав все катера в Кронштадт, я решил поглумиться над фрицами. Выскочу из дымзавесы, открою беглую пальбу из пушки и смотрю, где сверкнут ответные выстрелы, а затем — опять в дымзавесу.

Гитлеровцы, видимо, обозлились, принялись палить по катеру с разных сторон. А нам это на руку: помечаем на карте новые огневые точки противника.

Израсходовав снаряды и дымшашки, мы отошли подальше от берега и стали ходить переменными курсами и скоростями. А фрицы еще долго не могли угомониться: продолжали стрелять по катеру. Они смолкли, только когда увидели, что от Кроншлота идут ко мне пять морских охотников.

На МО-412 прибыл сам командир дивизиона — капитан-лейтенант Резниченко. Он остер на язык, не прочь похвастаться удалью. Я стал было докладывать ему о засаде и танках, а он, насмешливо взглянув на меня, перебил:

— Смотри, лейтенант, как это делают мужчины.

И, не слушая больше меня, повел катера прямо к пристани. Но, конечно, не дошел до нее. Первый же снаряд угодил в МО-412 и разворотил корму. Катер, закружив на месте, стал тонуть. Хорошо, что командиры других МО поверили мне, они успели поставить дымзавесы и спасти тонущих.

Катера дивизиона Резниченко там еще остались, но они навряд ли найдут десантников.

8 октября. И к ужину ничего не удалось узнать. Наши самолеты кружили над Петергофом, но десантников не обнаружили.

Командование решило под покровом ночи в разные участки парка забросить разведчиков. Нельзя же оставаться в неведении.

Все, конечно, понимали, что противник предельно насторожен. Лишь чудом можно проскочить беспрестанно освещаемую береговую полосу. Но иного выхода не оставалось, хотя людей не хватало, приходилось рисковать ими, посылать почти на верную смерть.

У нас в Кроншлоте подготовили две группы разведчиков. Командирами назначили политработников: начальника кроншлотского клуба Василя Грищенко и недавно прибывшего политрука Боронина, служившего в Ораниенбауме.

Младший политрук Грищенко рыжеват. Его лицо и шею густо покрывают веснушки. На островке он руководит самодеятельностью, добывает новые кинокартины, книги и привозит в клуб артистов. В Кроншлоте к нему прилипло не очень лестное прозвище — начальник канители. Но он не обижается на шутников и отвечает:

— Без моей канители вы тут от скуки тиной бы заросли.

Грищенко часто возил молодых краснофлотцев на экскурсии в Петергоф. Он хорошо знает, где расположены

дворцы, куда ведут аллеи и дорожки в Верхнем саду и Нижнем парке. Поэтому его и назначили руководить группой разведчиков.

Младший политрук отобрал в свою группу четырех моряков, которых знал по Кроншлоту, а Боронину достались пехотинцы.

Каждый отряд получил по два катера: один бронированный, с пушкой и пулеметами, другой невооруженный. с малой осадкой. Командирам катеров приказали высадить разведчиков бесшумно, а если они будут обнаружены, то не оставлять в воде, а подобрать и доставить в Кроншлот.

Разведчики разместились на малых катерах и в двадцать три часа двинулись в путь по темному заливу. Бронекатера, как охранники, пошли рядом.

Мы ждали их всю ночь. Под утро вернулась только первая группа. Ее постигла неудача.

Я отыскал трех разведчиков на камбузе. Переодетые в сухое, они прямо из бачка деревянными ложками хлебали горячие щи.

— Никак не согреться, — сказал Грищенко. — И проголодались сильно.

От него я узнал, что катера сумели подобраться в темноте к отмелям. Разведчики не прыгали в воду, а сползали.

— Когда я соскочил, в воде захватило дух, такой она была холодной, слова вымолвить не мог, — вспоминал Грищенко. — Чтобы не упасть, шли прощупывая дно. Холода уже не чувствовалось. Даже жарко стало. Ветер, тьма. В одной руке у меня ракетница, в другой — пистолет. Осталось каких-нибудь метров семьдесят до берега. Вдруг ракета из кустов вылетела. Помигала и погасла. Сразу же еще три зажглось. Мы присели. Из воды только головы торчали. Но нас приметили. Застучали пулеметы. Стреляли трассирующими пулями. Прямо снопы огня обрушились. Вижу — плохо наше дело, скрытой высадки не получилось. Двигаться вперед бессмысленно. Убьют или в плен захватят. «Назад!» — кричу ребятам и начинаю отступать. Звягинцев возьми и во весь рост поднимись. Пуля сразу бок прошила. Мы его схватили и потянули на глубину. Там наш катер качается. Не успел отойти, пробоины получил. Мотор заглох, и моторист ранен.

На счастье, бронекатер вблизи оказался. Он подобрал нас и вытащил подбитый катер из-под обстрела. В пути еще одного ранило. Трех человек зря покалечили и ничего не узнали.

О второй группе не было слышно до полудня. Только после обеда стало известно, что в кронштадтский госпиталь доставлен раненый Боронин.

Вместе с работником штаба я отправился в госпиталь. Главврач не хотел нас пропускать.

— Говорить не может, — уверял он нас. — Челюстное ранение.

— Но писать-то он может. Очень важно немедленно получить сведения.

Мы объяснили, кто такой Боронин и что он делал ночью. Главврач в конце концов пропустил обоих, взяв слово, что мы долго не будем утомлять больного.

Голова и лицо Боронина были забинтованы. По лихорадочному блеску глаз чувствовалось, что у него высокая температура.

Мы поинтересовались: слышит ли он нас?

Боронин сомкнул веки.

— Сумеете отвечать на вопросы письменно?

Раненый кивнул головой.

Вместе мы приподняли его и посадили так, чтобы удобно было писать. Я отдал свой блокнот и вложил в руку карандаш.

— Напишите, как высадились?

Тяжело дыша и морщась, Боронин принялся писать. Почерк у него был неразборчивый, но мы тут же расшифровывали написанное.

«Нас обнаружили после высадки минут через десять. Осветили и открыли пулеметный огонь. Двух ранили. Я хотел их вернуть на катер, но деревянный и бронированный уже отошли в глубь залива».

— Катерники что — струсили?

«Не знаю. Но вблизи их не оказалось, — продолжал писать Боронин. — Ракетой я не мог их вызвать, так как при высадке обронил ракетницу».

— Как действовали потом?

«Я послал одного из уцелевших бойцов связаться с десантниками. Он не дошел до берега. Был сбит в воду. Я хотел помочь ему, но самого ранило. Пуля попала в рот

и выбила зубы. Больше отдавать команды я не мог. Все бойцы оказались ранеными. Взявшись за руки, мы отошли в темноту и по горло в воде стали продвигаться вдоль берега в сторону Старого Петергофа».

— Что вам удалось увидеть?

«Ничего, — писал Боронин. — Никто с берега нам не просигналил. А катера ходили далеко. До каменных ряжей мы добирались три часа. Бойцы дальше идти не могли. Я повытаскивал их из воды и уложил на камни. А сам, велев им ждать, ушел за помощью. По воде я добрался до передового окопа Ораниенбаумского «пятачка». Там наши моряки оказали мне помощь и на катере отправили в Кронштадт».

— Что сталось с вашими товарищами?

«За ними ушли бойцы береговой обороны. Нашли их или нет, я не знаю, так как отбыл в госпиталь».

Работник штаба велел Боронину расписаться на каждой страничке и спрятал мой блокнот в свою сумку.

Ночью, кроме кроншлотских разведчиков, еще высаживалось несколько групп из Кронштадта и Ленинграда. И всех их постигла неудача. Противник, боясь нападения, чуть ли не через каждые пятьдесят метров выставил в секретах пулеметчиков и ракетчиков с автоматами. Гитлеровцы были бдительны, не смыкали глаз всю ночь.

Надо было придумать что-то необычное, чего противник не мог предвидеть. Поступило несколько предложений, но лишь одно попытались осуществить. Позже, призвав на помощь воображение, я написал об этой операции рассказ.

МОРЖ УПЛЫВАЕТ В РАЗВЕДКУ

В строевой и хозяйственной команде островка политруком был старый ленинградец Николай Бочкарев. Работал он с рассвета дотемна, а когда в бухточке скапливалось много катеров, то и ночью поднимал людей на аврал и сам становился в баталерке к весам.

Спал политрук меньше других, но всегда имел бодрый и даже какой-то лучезарный вид. Этому, конечно, немало способствовали утренние купания. В любую погоду Бочкарев в одних трусах, накинув на плечи только полотенце

и шинель, спускался по каменистому откосу к морю, оставляя одежду на валуне, и не спеша входил в воду, окунался и плыл. Ни ветер, ни град, ни стужа не могли остановить его. Поплавав в ледяной воде, он на берегу спокойно растирал полотенцем тело до красноты, на несколько минут забегал в свою каюту в домике у поста наблюдения и выходил завтракать в хорошо отутюженных брюках, опрятном кителе и ботинках, надраенных до зеркального блеска.

Его купания не нравились строевику Грушкову. Однажды в кают-компании он при всех сказал политруку:

— Баловством занимаетесь во время войны. А вдруг простудитесь или ревматизм, что тогда? Подумают — нарочно плавал. За это и в трибунал угодить можно. Так что советую прекратить плаванье и не соблазнять других.

— Вы что — всерьез? — спросил удивленный Бочкарев. — Плаванье на флоте не запрещено.

И политрук продолжал купаться по утрам.

Когда понадобились разведчики, Грушков вспомнил о нем и как бы невзначай спросил у начальника штаба:

— А почему бы вам не послать в Петергоф Бочкарева? Довольно ему холодной водой баловаться, пусть на деле покажет свою закалку.

— Верно, — обрадовался начштаба. — Вплавь можно незаметно проникнуть. Спасибо, что подсказали. Пришлите мне Бочкарева.

Политрука разыскали в кубрике. Он проводил беседу. Пришлось прервать занятие и пойти к начальству. В штабе Бочкареву объяснили, какие трудности надо преодолеть, и предложили до наступления темноты продумать план ночной разведки.

Вернувшись в свою тесную комнату, политрук расстегнул воротник кителя и, потирая ладонью лысину, принялся вслух рассуждать:

— Что я им придумаю? Ишь хитрецы: «Надеемся на смышленность питерца». А вы знаете, что питерец никогда подобными делами не занимался? Слесарил себе в механосборочном, заседал в партийном бюро да баловался зимним купанием в клубной секции «моржей».

Бочкарева не пугал риск предстоящей разведки. Но

хотелось задание не провалить и оставить хоть какой-нибудь шанс на спасение.

За его окном топтался рыжеватый пушистый голубь, круглый, как шар, с розовым клювом и розовыми ножками. Он склонил голову набок. Глаз его был в золотистых кружочках. Рыжий в полдень прилетал сюда поживиться крошками. Он и сегодня ждал гостинца.

— Эх, брат, позабыл я про тебя, ничего не захватил, — сожалея, сказал политрук. — Что, голодновато становится? Нечего клевать? Боюсь, что скоро тебя с Сизухой ощиплют и в общий котел отправят.

Бочкарев порылся в тумбочке и, найдя обломок печенья, высунул руку за форточку и стал крошить его на подоконник.

Видя, как голубь жадно хватает крошки, он подумал: «А ведь ты, Рыжик, можешь мне пригодиться! Рацию с радистом не надо брать, и связь будет надежней. Ты верен своей Сизухе, обязательно в гнездо вернешься. Выходит, я зря ругал старшину Кургапкина».

Голуби на островке никому не мешали. Они жили на чердаке главного здания и кормились у камбуза. Правда, их недолюбливал санинструктор и называл «грязной птицей». Но и он только грозился перестрелять голубей, а сам ждал решительных действий от других.

Голуби были довольно неопрятными и шумными птицами. Они не вили гнезда, а лепили его из своего помета. Пачкали подоконники и часто дрались. За малейшую провинность Рыжик устраивал выволочку своей Сизухе: свирепо клевал подругу и так трепал за хохол, что она от изнеможения валилась с ног. Но Рыжик долго сердиться не мог, он был отходчив: тут же начинал, надув шею и развернув хвост, вертеться мелким бесом, ворковать, раскланиваться. . .

Голуби развлекали моряков на этом клочке земли, окруженном водой. Больше всех голубями занимался старшина Кургапкин.

«А ведь Кургапкин на гражданке где-то под Петергофом жил, — вспомнил политрук. — Пляжи и парк ему знакомы. Может, мы вдвоем управимся?»

Мысль, возникшая неожиданно, толкнула Бочкарева на решительные действия. Он разыскал старшину Кургапкина, исполнявшего обязанности киномеханика.

— Вы, как мне помнится, просились на сухопутный фронт?

— Так точно.

— Командование удовлетворяет вашу просьбу: сегодня ночью пойдете со мной на разведку.

Часа через два Бочкарев доложил командованию, как он намерен действовать в разведке. Начштаба одобрил использование легких водолазных костюмов с кислородными масками и голубей, но тут же поинтересовался:

— А они дадутся кому-нибудь помимо Кургапкина?

— Кок Савушкин их подкармливает. Голуби из рук у него клюют.

— Добро, — удовлетворенно сказал начштаба, видя, что у политрука все продумано до мелочей. — Только есть ли смысл всю операцию без единого звука проводить? Усложните поиск. Лучше, после того как вы укроетесь в кустах, шумнуть, — устроить демонстрацию неудачной высадки. Авось наши покажутся у залива или дадут знать о себе каким-нибудь другим образом.

Условясь о световых сигналах, начштаба приказал разведчикам готовиться к выходу в залив.

Сборы были недолгими. Старшина Кургапкин посадил Рыжика в небольшую круглую корзину с крышкой, которая до половины входила в спасательный круг и могла держаться на воде.

Надев теплое егерское белье, свитера, разведчики натянули на себя непромокаемые противоипритные костюмы, добытые у начхима, спрятали в резиновые кисеты электрические фонарики, стекла которых были оклеены черной бумагой, пропускающей лишь тоненький лучик света, и выкурили по последней папиросе.

На траверз Старого Петергофа их доставила «каэмка» с заглушенными моторами.

В заливе было темно. В небе, затянутом облаками, не просматривалась ни одна звездочка. С северо-запада дул холодный ветер, вздымавший небольшую волну. Южный берег по всей длине то и дело освещался блеклым светом ракет: стоило ракете погаснуть в одном месте, как в другом взлетала новая.

Катерники спустили на воду надувную десантную

шлюпку, усадили в нее разведчиков, подали им голубя и пожелали счастливого плаванья.

Кургапкин оттолкнулся от «каэмки», а Бочкарев начал грести широколопастными короткими веслами. Ветер, дувший разведчикам в спину, помогал двигаться с хорошей скоростью.

— Минут через пятнадцать будем у Рыбачьей пристаньки, — определил старшина. — Там камыш, он нас прикроет. А в Ленинграде сейчас воздушный налет, — вдруг добавил он.

С залива хорошо был виден затемненный город и розовое пятно зарева над ним. Где-то на Васильевском острове горели дома и отблески пламени отражались на облаках. А над Выборгской стороной в темном небе вспыхивали яркие звезды и гасли.

«Зенитчики отбиваются», — подумал политрук.

Неожиданно по заливу скользнул прожекторный луч. Разведчики прижались к холодному днищу лодки. Они не поднимали голов до тех пор, пока не погас свет. В заливе стало темней.

— Не снесло ли нас ветром? — спросил политрук.

— Есть малость, — ответил старшина. — Надо чуть левей. Дайте я погребу.

Вскоре они остановились. Дальше двигаться в лодке было рискованно.

Бочкарев поставил корзинку с голубем в спасательный круг и шепнул:

— Приготовиться. Будем стравлять воздух.

Натянув на себя маски, они включили кислородные приборы. Аппараты действовали хорошо: дышалось легко. Затем разведчики открыли клапаны резиновой лодки. Воздух, испуская слабое шипение, начал выходить, а лодка, теряя плавучесть, постепенно опускалась на дно.

Минуты через три разведчики ощутили ногами твердый грунт. Вода скрыла их из виду. Осторожно передвигаясь вперед, они потащили за собой почти затонувшую лодку и спасательный круг с голубем.

На отмели, где вода была по грудь, они остановились, сняли маски и стали прислушиваться. Кругом было тихо.

Бочкарев вытащил из резинового кисета электрический фонарик и, держа его так, чтобы свет был виден

только с моря, несколько раз щелкнул выключателем. Это означало: «Дошли благополучно».

Из парка вырвался яркий луч света. Пронизав тьму, он принялся шарить по заливу и сразу же наткнулся на буруны морских охотников, мчавшихся к петергофской пристани и к Монплезиру.

Из парка ударила пушка, затарахтели пулеметы. Замелькали огни.

Разведчики, оставив в воде под камнем резиновую лодку, выползли к прибрежным валунам, спрятали в камышах корзину с голубем и стали наблюдать за суетой на берегу. Они видели, как пулеметы роями выпускали в море светящихся жуков, как из дотов цепочкой вылетали снаряды и вычерчивали огненные пунктиры. Но на опушках парка и на пляжах, освещаемых ракетами, никто не показывался.

Бочкарев вглядывался в каждый куст и валун. Одно место ему показалось подозрительным. Он дождался взлета новой ракеты и в ее мертвящем, словно лунном свете рассмотрел окопчик с навесом из камыша и бледное лицо человека в каске, лежащего за пулеметом.

Политрук толкнул старшину и показал рукой, куда надо глядеть.

Когда очередная ракета осветила берег, они оба убедились, что в окопчике сидят два гитлеровца.

— Давайте их снимем, пока идет стрельба, — приникнув к уху политрука, шепнул старшина.

— Заходи слева, я справа. Нападем одновременно.

Взяв в зубы ножи, прижимаясь к земле, они поползли меж валунов.

Перестрелка с катерами продолжалась.

«Молодец начштаба, — подумал политрук. — Вовремя катера стали изображать высадку десанта».

Всякий раз, как взлетали ракеты, разведчики прижимались к камням и лежали неподвижно. Желтоватые противоипритные костюмы были хорошей маскировкой на песке.

Приблизясь с разных сторон к окопчику, разведчики одновременно поднялись и, как только взлетела очередная ракета, навалились на гитлеровцев. Нападение было столь неожиданным, что один пулеметчик даже не шелох-

нулся, а другой, повернувшись на спину, хотел было позвать на помощь, но старшина, схватив горсть сырого песку, забил им раскрытый рот фашиста.

Покончив с гитлеровцами, разведчики набросили на себя их маскировочные плащ-палатки и смело прошли в кустарник. От холода или волнения старшину трясло.

В первые минуты среди деревьев трудно было что-либо разглядеть. От света ракет и взрывов тени меняли места, переплетались, делались то длинными, то короткими. Вдруг справа послышался всплеск. Какой-то человек упал с косогора в канаву, поднялся и опять свалился в воду. Он никак не мог подняться.

Свет ракеты осветил его. «В бушлате... свой», — обрадовался Бочкарев.

Они ползком подобрались к человеку, помогли ему выбраться из канавы и осветили тоненьким лучиком электрического фонарика. Это был худощавый краснофлотец, совсем еще мальчик. Лицо его горело от жара.

«Ранен, бредовое состояние», — понял политрук. Он взвалил краснофлотца на спину и отнес в окопчик.

С помощью старшины Бочкарев разжал краснофлотцу зубы и дал ему глотнуть шнапсу из фляги, найденной у убитого гитлеровца.

Краснофлотец вскоре пришел в себя и что-то пробормотал. Политрук наклонился к нему и спросил:

— Откуда ты? Где ваш батальон?

Краснофлотец отвечал невнятно. Бочкарев с трудом разобрал, что командир убит еще при высадке, что всюду танки... Нужны гранаты и пушки.

— Наши залегли, — едва шевеля запекшимися губами, бормотал раненый. — Радиста убили, я дополз один... Дайте красную ракету...

— Что же нам теперь делать? — шепотом спросил старшина у политрука.

— Его надо в госпиталь. Иди накачивай лодку.

Старшина, решив, что на этом их разведка и кончится, поспешил выполнять приказание. Когда он вернулся из камышей к окопчику, то увидел, как политрук заканчивает перевязывать краснофлотца.

Они вдвоем перенесли раненого в лодку и укрыли немецкой шинелью. Усадив старшину за весла, Бочкарев сказал:

— Как отойдешь подальше, просигналь фонариком, подберут.

— А вы как же? — недоумевая, спросил Кургапкин.

— Вплавь доберусь, не беспокойся. Я еще поищу наших.

Сказав это, Бочкарев протащил лодку к чистой воде, а там шепнул:

— Если осветят — не шевелитесь.

Убедившись, что лодка благополучно удаляется, политрук подобрал корзину с голубем и поспешил скрыться в кустарнике.

Дозорные катера, всю ночь дрейфовавшие на траверзе Старого Петергофа, подобрали резиновую лодку со старшиной и раненым матросом, впавшим в беспамятство.

Утром прилетел Рыжик и принес коротенькое донесение: «От десанта осталась небольшая группа. Нет патронов и еды».

«Все же молодец наш морж! — с гордостью думали мы. — Сумел одолеть все преграды и прислать донесение». Никто, конечно, не надеялся, что политрук вернется из разведки.

И вдруг глубокой ночью разбудили звонки громкого боя. Тревогу поднял часовой, стоявший на каменистом берегу у зенитного пулемета. Боец увидел, как у самого маяка из воды поднялся человек и, спотыкаясь, чуть ли не на четвереньках стал приближаться. Дав сигнал тревоги, часовой заорал:

— Стой! .. Стой, стрелять буду!

— Сколько можно в одного человека стрелять! По голосу часовой узнал Бочкарева.

— Прошу прощения, — смущенно пробормотал он и тут же радостно прокричал: — Отбой тревоги! Полный порядок... Товарищ политрук с разведки вернулся!

Матроса не удивило, что политрук Бочкарев в такую стужу стоит в одних трусах.

Узнав о появлении Бочкарева, я кинулся в санчасть. Там наш врач и фельдшер в четыре руки растирали покрасневшее тело политрука какой-то мазью, пахнувшей скипидаром. Бочкарев громко стонал и охал, словно парился на верхнем полке в бане, трудно было понять: больно ему или приятно?

Когда Бочкарев несколько согрелся, я спросил:

— Что-нибудь узнали? Как там наши?

— Плохо им, — ответил он, — но дрались. Никто не вышел с поднятыми руками, не сдался. Два дня не подпускали к себе фрицев. И танки не могли взять. А ведь у ребят не хватало ни гранат, ни патронов. Приходилось в бою добывать.

— Почему же они не выходили на берег?

— По многим причинам. Командиру полковнику Ворожилову пуля в сердце угодила в самом начале высадки. Командование на себя взял комиссар Петрухин. Десантники, кроме пристани, с ходу захватили Монплезир, Эрмитаж и Марли. Если бы они остались во дворцах, то получили бы подкрепление и боезапасы. Но им было предписано выйти к аэродрому. Они и пошли пробиваться. Захватили Шахматную гору, с боем приблизились к Большому дворцу, в Верхний сад и... попали в танковую засаду. Танки — полукольцом, простреливают каждый метр. С голыми руками на них не пойдешь. И назад дорогу отрезали: автоматчики с тыла по Нижнему парку обошли...

Я наткнулся на ребят, окопавшихся в развалинах Воронихинской колоннады. К концу ночи прямо на них выполз. Они меня за немца приняли: «Хенде хох!» — требуют, а я по-русски: «Не стреляйте, свой... политрук с Кроншлота». У мичмана, который был у них за старшего, еще юмора хватило спросить: «А кто там у вас начальником канители?» — «Грищенко», — отвечаю. «Верно, — соглашается он. — Подползай, только не вздумай стрелять, гранату брошу!»

Подползаю. А у них в живых четыре человека. И у всех ранение. Ребята голодные, измученные. А у меня, кроме шнапса, ничего с собой. Выпили они по глотку и говорят: «Пока совсем не рассвело, собери с мертвых оружие. Мы уже ползать не в силах».

Пополз я, два автомата подобрал, сумку патронами набил. А с едой плохо, только в мешке убитого краснофлотца банку консервов и два сухаря нашел.

Возвращаюсь, а ребята, видимо, понадеялись на меня, спят. Бодрствовать больше не смогли. Кто где лежал, так и ткнулся носом.

Стал я их охранять. Как покажутся фрицы — даю короткую очередь и отползаю за другой камень.

Утром радио загорланило на русском языке: «Рус, если хочешь жить, сдавайся. Подними руки на голову и выходи. В плену накормят». Но никто конечно не вышел.

В полдень, увидев, что гитлеровцы скапливаются у Золотой горы, я растолкал ребят. Они ополоснули лица водой из канавы, разделили на всех банку консервов, съели по полсухаря и залегли в круговую оборону. Атакующих встретили так, что во второй раз им не захотелось наступать. Но мы трех человек потеряли. Остались в живых я и старшина.

Гитлеровцы, понадеявшись, что мы сами выдохнемся и выйдем сдаваться, больше серьезных атак не предпринимали. Как только наступили сумерки, я зову старшину: «Давай пробираться к морю». А он не хочет: «Иди один, мне не доплыть». — «Так у нас не делается, говорю. Я тебя по воде вдоль берега дотащу к нашим».

Поползли мы. У Вольера в перестрелку попали. Вскрикнул мой старшина и не встает. Смотрю — разрывной пулей висок размозжило. Дальше пополз один. В воду у камышей, как черепаха, на животе вполз. Добрался до глубины, хотел маску надеть, но не пришлось: кислородный прибор пулями повредило.

Пошел я по горло в воде вдоль берега. Добрался до таких мест, где до Кроншлота ближе было. Сбросил с себя мешавшую одежду и поплыл.

Одно могу сказать — наши балтийцы великое дело сделали. Гитлеровцы за эти дни поняли, с какими людьми им придется драться. Страх заставит их зарыться в землю. Вот увидите...

Политрук раскраснелся, он говорил с нами так, словно выступал на большом митинге.

— Товарищи, прекратите... — потребовал врач. — У него жар, нужен покой.

Несмотря на морскую закалку, политрук заболел двухсторонним воспалением легких. Его сообщение о десантниках в официальные донесения не попало. «Мало ли чего человек наговорит в бредовом состоянии». Но я поверил Бочкареву. Такое в бредовом состоянии не придумаешь.

Сегодня в Нижнем парке стрельба затихла.

БОЕВЫЕ БУДНИ

10 октября. Густо посыпался снег. Он покрыл толстым слоем землю, выбелил палубы и надстройки катеров, прибрежные камни. На один час в Кроншлот пришла зима. Но к обеду она отступила. Опять вернулась осень, на деревьях еще держится листва.

Какой-то шальной «юнкерс» утром сбросил на наш островок «пятисотку». Бомба угодила прямо в середину затона и разорвалась, облепив грязью берег и катера, стоявшие у пристани, смела с борта краснофлотца. Это вторая бомба, упавшая на Кроншлот. Семнадцать дней самолеты противника не трогали нас.

— Да за что вас бомбить? — как бы недоумевая, спрашивают на кораблях. — Вы противнику не помеха.

Моряки шутят зло. Но они в какой-то степени правы. В нашем разросшемся хозяйстве еще много неполадок. Вся беда в том, что в одно соединение собраны корабли и люди разных ОВРов. Большие и маленькие начальники еще не присмотрелись друг к другу, действуют как в плохо сыгранной футбольной команде. Оперативные дежурные, послав в дозоры тихоходные тральщики, нередко

забывают подбросить им горючее и продукты. Добывай откуда хочешь. А охраняемый участок покинуть нельзя, — взыщут строго. Если рация вышла из строя — беда: о малом сторожевике могут и не вспомнить.

На днях я побывал на ТЩ-67. Это бывший буксирный пароход. Комиссар на корабле — старый комсомолец. У него мощный боцманский голос, борцовская фигура, а на голове — копна жестких, чуть рыжеватых волос. В первые дни войны его назначили в замполиты на судно, которое по мобилизационному плану должно было стать тральщиком.

На призывном пункте он познакомился со своим командиром — лейтенантом запаса Чирковым, прежде плававшим на катерах. Вместе они получили обмундирование и отправились в Свирицу.

Увидев у речной пристани свой корабль, Соловьев сильно огорчился, но не показал вида, что расстроен. Зато Чирков закрыл рукой глаза и простонал:

— Ну и подсунули же нам кораблик! На такой калоше стыдно на люди показаться.

Но выбора не было. Пришлось принимать грязное чудовище. Это был сильно захламленный чумазый буксирный пароходишко, таскавший по Ладоге и Свири груженые баржи. К тому же он оказался экспериментальным, нестандартным экземпляром «Ижорца». Буксир со стапелей сошел уродцем, имеющим задранный нос и дифферент на корму. При легком ветре по его палубе гуляла вода, а в свежую погоду по корме перекатывались волны.

«Ижорец» отправили в Шлиссельбург. На заводе его вооружили 45-миллиметровой пушкой, станковым пулеметом и чуть изменили фальшборт на корме. С этой поры буксир получил военный флаг и стал называться ТЩ-67.

По штату тихоходному тральщику полагалась команда в тридцать один человек. Куда деть людей? Ведь прежде на буксире размещалось только четырнадцать речников.

В первую очередь пришлось взяться за очистку трюмов и подсобных помещений. Грязь выносили корзинами и ведрами. Все стены и палубы выскребли, продраили, вымыли каустиком и заново покрасили. Койки в кубриках поставили в три яруса. Они оказались такими узкими, что свисали края пробкового матраца. И все же двум че-

ловекам негде было преклонить голову. Радист спал скрючившись в рубке, а кок — под шлюпкой на палубе.

Кадровых военных моряков оказалось всего шесть человек, остальные — речники и пожилые рабочие Шлиссельбургского завода.

Трудно было в первое время с необученными людьми. Рулевые прежде водили свои буксиры только по вешкам или береговым ориентирам. Они никогда не имели дела с компасом. В Финском заливе оба рулевых растерялись: во время первого перехода из Невы в Кронштадт сошли с фарватера и заблудились, не могли найти пирса. Не повезло и с сигнальщиком. Он пришел на корабль в фасонистой мичманке и назвался командиром отделения сигнальщиков, но потом выяснилось, что он представления не имел, как надо действовать ратьером и семафорить флажками. Во время его работы с мостков соседних тральщиков обычно кричали: «Уберите мельницу! Не понимаем его... какую-то чушь порет!»

Когда Соловьев взял в оборот сигнальщика, то выяснилось, что прежде он плавал коком, а при увольнении из флота уговорил писаря произвести его в сигнальщики.

Пришлось почти весь состав переучивать. На своем месте были только механики: они знали машины «Ижорца» и умели их ремонтировать.

ТЩ-67 очищал фарватеры от мин, переправлял войска, вытаскивал из зон обстрела железные баржи с бомбами, буксировал подбитые корабли, спасал тонущих, отбиваясь от самолетов и катеров противника.

В последний раз он почти три недели бессменно нес ночной дозор у южной оконечности острова Гогланд. А там мин, как клецок в супе, и финны с немцами норовят новых набросать. Не раз приходилось отгонять ночные гидросамолеты, отмечать буйками опасные места, а утром тралить.

В течение восемнадцати дней воду, еду и уголь бывшие речники добывали сами. Вместо отдыха одна часть матросов днем отправлялась в лес по грибы и ягоды, а другая — к затонувшему у берега транспорту. В трюмах транспорта остались уголь, консервы, мешки с подмокшей мукой и крупами. Их выуживали крюками. Пресную воду добывали из колодца на берегу и, став цепочкой, ведрами передавали на корабль. А когда Чирков по ра-

дио запросил смену, то вызвал у оперативного гнев. «Не занимайте эфир пустыми разговорами, — ответил он. — Ждите приказа».

ТЩ-67 вновь уходит на острова, имея десятисуточный запас горючего и пищи. Надо этих работяг взять под особое наблюдение.

12 октября. Ко мне в редакцию пришел невысокий бледнолицый, почти мальчишеского вида светловолосый лейтенант. Назвавшись Александром Твороговым, он сказал:

— Я с погибшего МО-203. Может, вас заинтересует то, что было с нами?

И он рассказал о пережитой ночи. Вечером я закрылся в своей комнате и, чтобы не забыть, набросал очерк.

В ДАЛЬНЕМ ДОЗОРЕ

Уже темнело, а двум морским охотникам путь предстоял не близкий. Из базы они должны были пройти миль тридцать, выбраться на передовую линию морского фронта и всю ночь оберегать проходы среди минных полей.

На мостике МО-203 стояли в шлемах и капковых бушлатах командир катера лейтенант Власов и его молодой помощник — лейтенант Творогов, исполнявший обязанности штурмана, и сигнальщик Чередниченко.

Ветер бил в лицо, обдавал холодной водой.

Вскоре стало так темно, что катер, шедший впереди, потерялся. Пришлось идти вслепую, строго по курсу.

Вот уже пройден один поворот, второй, третий. Творогов решил доложить, что через пять минут выйдут на участок дозора. И вдруг он ощутил резкий толчок. Лейтенант невольно присел и зажмурился, а когда открыл глаза после взрыва, то увидел падающий на него огромный столб воды, пронизанный фиолетово-желтым пламенем. Творогов инстинктивно вобрал голову в плечи и ухватился за поручни.

Катер накренился на левый борт. На миг стало тихо, а затем послышалась громкая пальба крупнокалиберного пулемета.

«Почему стреляют без команды? — не мог понять лейтенант. — Ну конечно, пулемет все время был на «товсь», наверное что-нибудь нажало на гашетку».

Оживший пулемет, точно решив самостоятельно отбиваться от невидимого врага, продолжал выпускать в ночь длинную струю зеленых и красных трассирующих пуль. И некому было его остановить. Вся корма от левого крыла мостика до правой пулеметной тумбы оказалась оторванной.

Лейтенант ощупал себя, посмотрел по сторонам. Откуда-то с моря донесся голос командира. Трудно было понять, что он кричит. Творогов лишь уловил обрывок фразы: «. . .Задраить горловины! . .»

Для спасения катера и людей надо было немедля действовать. А Творогову не верилось, что катер подорвался и тонет. Но, увидев одного из краснофлотцев, готового прыгнуть за борт, он вдруг понял: все обязанности командира теперь лежат на нем. Лейтенант приложил руки рупором ко рту и крикнул:

— В воду не бросаться! Всем на правый борт!

Властность его голоса почувствовал и краснофлотец. Он по привычке вытянулся и машинально ответил:

— Есть не бросаться!

На носу катера начали собираться оставшиеся люди. Лейтенант, сойдя с мостика, пересчитал их и приказал задраить переборки и горловины.

Командир катера лейтенант Власов от сильного толчка при взрыве вылетел за борт. На миг он потерял сознание, но холодная вода быстро привела его в чувство.

Капковый бушлат хорошо держал лейтенанта на поверхности. Власов ухватился за плавающий вблизи спасательный круг. Думая, что на катере некому распорядиться, он из воды стал отдавать приказания.

Волной и ветром его относило от катера. Недалеко бился в воде моторист Мельников.

— Держись! — крикнул Власов и поспешил на помощь краснофлотцу.

Он дал мотористу ухватиться за спасательный круг и сам поплыл рядом.

— Товарищ лейтенант, далеко ли до берега? — спросил Мельников.

— Берег не спасение, — ответил тот. — На южной стороне немцы, на северной — финны. Нас обязательно подберут, — твердо прибавил он, хотя катер скрылся из виду.

«К подорвавшемуся катеру должен подойти головной, он, конечно, слышал взрыв, — думал Власов. — Но как дать знать, что мы здесь находимся?»

Бурки давно слетели с его ног. Но что-то тянуло вниз. Лейтенант пощупал рукой. «Пистолет! — обрадовался он. — Надо оставить только два патрона на всякий случай...» И он одной рукой стал высвобождать из намокшей кобуры пистолет.

На поврежденном катере из машинного отделения на верхнюю палубу выбрались двое старшин. Там, оказывается, вспыхнул пожар. Они потушили его. Но одному из них обожгло лицо и руки. Старшины были одеты в легкие хлопчатобумажные комбинезоны, которые насквозь промокли. Творогов молча сбросил с себя капковый бушлат и отдал его мотористу с обожженным лицом.

— Товарищ лейтенант, — сказал другой старшина, — я плохо плаваю, долго не продержусь.

На катере остался только один пробковый круг, все остальное унесло в море. Творогов отдал этот последний круг продрогшему старшине и, сняв с себя меховую телогрейку, накинул ему на плечи.

— Товарищ лейтенант, а как же вы?

— Ничего... обойдусь.

Крен катера становился угрожающим. Где же головной? Он ведь слышал взрыв?

— Разрешите выстрелить из пушки, — попросил комендор.

Творогов был против стрельбы, он не хотел привлекать внимание противника. Чтобы уменьшить крен, лейтенант приказал всем лечь по правому борту. Люди послушно выполнили его требование.

Один из механиков спросил:

— Где мы находимся?

Лейтенант спокойным голосом объяснил и добавил:

— Если к нам подойдет противник, — живыми не сдадимся! Пушки и пулеметы у нас действуют.

— Есть еще и гранаты, — добавил комсорг.

Катер раскачивался на черной воде и все больше и больше кренился.

Минуты тянулись необычайно долго. Лейтенант не выдержал тягостного молчания и приказал сигнальщику:

— Товарищ Помялов, достаньте из ходовой рубки ракеты.

Помялов исчез. Через несколько минут он вернулся и передал лейтенанту две ракеты и ракетницу.

Творогов выстрелил. Желтый шарик медленно покатился ввысь, оставляя за собой светлую дорожку, и рассыпался золотым дождем.

Лейтенант выпустил еще ракету. Наконец вдалеке показывается маленькая точка.

— Наши идут! — обрадовались краснофлотцы.

Головной катер приближался невыносимо медленно. Шторм и темнота мешали ему подойти вплотную.

Творогов крикнул командиру головного охотника, чтобы тот подходил лагом и с правого борта, иначе поврежденный катер перевернется. И вдруг набежавшая волна бросила головной катер. Он ткнулся форштевнем в правую скулу изувеченного катера.

От удара крен еще больше увеличился. Катер почти лег на борт. Уже ясно был виден его киль.

Творогов приказал товарищам ухватиться за леера и повиснуть на борту, чтобы удержать катер подольше хотя бы в этом положении.

На головном катере надумали подать швартовы. Но шторм усиливался. Швартовы скоро лопнули.

Творогов принял рискованное решение: «Надо бросаться за борт, пусть вылавливают по одному».

Командир головного катера согласился с ним.

— Давайте первого!

— Первым прыгает краснофлотец Помялов! — объявляет экипажу Творогов.

Помялов, с трудом удерживая равновесие, молча попрощался со всеми и прыгнул в откатывающуюся волну. Она подхватила его, обволокла пеной и унесла.

Все напряженно следили за тем, как Помялов боролся

с морем. Через несколько минут с головного катера донеслось:

— Выловлен! Давайте второго!

Вторым поднялся плечистый и рослый командир отделения рулевых старшина Панфилов.

— До встречи, товарищи! Прощай, катер!

Потеряв равновесие, он плашмя упал между волнами. Его накрыл тяжелый вал, бросил на борт, и... рулевой пропал, больше не показывался.

— Внимание! — сдавленным голосом произнес Творогов. — Третьим прыгает воентехник Фадеев!..

Один за другим люди покидали тонущий катер. На борту остались только Творогов и комсорг Чередниченко. Раньше, чем прыгнуть, Чередниченко пробрался в радиорубку: не заперт ли там радист? Потом постучал в кубрик: не отзовется ли кто?

— Мною проверены радиорубка и кубрики, — доложил он лейтенанту. — Людей не осталось.

— В воду! — поторопил его лейтенант.

На опустевшем обломке катера остается один Творогов. Прощаясь с кораблем, он последний раз прошел в штурманскую рубку и, стоя по пояс в воде, начал вспоминать: что еще нужно сделать?

«Снять и разорвать карту. Вот так! Здесь папка с секретными документами. Сжечь?.. Спички подмокли. Надо утопить. Где же взять балласт?..» Он привязал покрепче к папке мраморную подставку чернильного прибора и бросил за борт.

Ходить по палубе уже было трудно, лейтенант пополз, цепко держась за снасти, выступы, леерные стойки, еще раз проверил все помещения. И только после этого, сложив руки рупором, прокричал:

— Оставляю катер последним!

— Прыга-ай! — донеслось в ответ.

Творогов снял высокие морские сапоги и соскользнул за борт.

Сначала ему плылось легко. Но дрейфующий катер не приближался, а, подгоняемый ветром, уходил в сторону. Творогов потерял дыхание. Налетевшая волна перекатилась через голову. Лейтенант глотнул соленой воды и чуть не захлебнулся.

— На катере!.. Вас относит, подходите ближе-е! — стал взывать Творогов.

На морском охотнике, видимо, услышали его, катер стал приближаться.

До него уже осталось не более трех метров. Рядом шлепнулся спасательный круг, привязанный к бросательному концу. Но сил больше не было. Творогов отдал их в борьбе с волнами. Руки и ноги не слушались его. В отчаянии лейтенант сделал последнее усилие. Вот он уже у самого спасательного круга, надо лишь ухватиться. Творогов вытянул руку и... ушел под воду.

«Конец», — решил Творогов, но, вспомнив мать, ее скорбные глаза, жену Нину, у которой скоро должен появиться ребенок, он приказал себе: «Борись, нельзя умирать!» Затем принялся работать плечами, головой, всем корпусом... Он стремительно вылетел на поверхность моря у спасательного круга, просунул в него руку и связал пальцы в крепкий замок.

Его так и вытащили на катер вместе с кругом. И с трудом разжали руки.

Он лежал на палубе, не в силах встать на ноги. Неожиданно с моря раздался выстрел, за ним другой, третий... Творогов поднял голову.

— Это Власов из пистолета, — определил он. — Спасите!

Лейтенант с трудом поднялся на колени, и в этот момент увидел, как катер перевернулся вверх килем и медленно ушел в пучину.

Творогов заплакал. Плакать, когда гибнет родной корабль, моряку не стыдно. Терять корабль почти так же тяжело, как терять любимую жену или детей.

Не вытирая слез, лейтенант доплелся до люка и спустился в кубрик. Там краснофлотцы помогли ему стянуть мокрые брюки, фуфайку и белье. Воентехник Фадеев накинул на его плечи шинель и дал выпить спирту. Спирт теплом растекся внутри, но твердый ком, образовавшийся в горле, долго не размягчался.

13 октября. В свою комнату мне приходится подниматься по крутой деревянной лестнице, похожей на корабельный трап. Комната неуютна, поэтому в ней я бываю редко. Спать прихожу только во втором часу ночи.

Единственное окно в комнате наглухо завешено байковым одеялом. Перед сном я приподнимаю его нижний край и закрепляю булавкой. Пусть утром, когда не работает движок, будет хоть немного светлей. Зажигать коптилку не хочется, от нее неприятный запах копоти.

Просыпаюсь обычно в шестом часу от сотрясающего стены грохота артиллерии или от голоса диктора, читающего сводку Совинформбюро. Сводку я слушаю внимательно. Она определяет настроение на весь день.

Сегодня весьма неприятные вести: наши войска покинули Орел и Брянск.

В передовой «Правды» говорится о смертельной опасности, нависшей над Москвой.

14 октября. Задул норд-ост. Вихри кружат сухой мелкий снег. Холодно. Ветер разгуливает по коридорам нашего домишки, свистит в щелях окон, гремит жестью на крыше.

Я затопил круглую печь. Огонь гудит, сотрясая дверцу. Сухие еловые поленья потрескивают. Приятно в такой день сидеть у огня, имея над головой крышу. А каково тем, кто в открытом окопе? Впрочем, вьюга донимает не только наших бойцов, достается и фрицам.

Сегодня нет ни стрельбы, ни воздушных тревог. Я бы мог спокойно редактировать заметки, собранные на кораблях, но гложет тревога. Наши войска отходят к Москве, они покинули Вязьму. Чего доброго, гитлеровцы скоро подберутся и к стенам столицы. Не потому ли они притихли у Невы, что концентрируют силы на главном направлении?

Получил письмо от жены, написанное ровно месяц назад из Гаврилова-Яма. Эвакуированные женщины взволнованы первыми бомбежками Ленинграда. Жена ежедневно ждет телеграмм. А их не берут, телеграф перегружен военными депешами.

Уезжая из Ленинграда, женщины были уверены, что скоро вернутся домой, и не захватили зимней одежды. Как они перезимуют без нее? Гаврилов-Ям уже начали бомбить. Эвакуированных опять погрузят в вагоны и отправят в глубь страны. Куда же теперь писать письма?

НА МИННОМ ПОЛЕ

В октябре 1941 года в открытое море ходили только наши подводные лодки. Они плавали не под водой, а в чертовой ухе, насыщенной минами.

Что же об этих походах можно найти в иностранных источниках? Я заглянул в книгу Ю. Ровера «Опыт боевого использования советских подводных лодок во второй мировой войне». Автор явно нам не сочувствует, но вот что он написал:

«Даже перемена мест швартовки подводных лодок на Неве или переходы с ленинградских судоверфей в Кронштадт были уже значительной боевой операцией, поскольку немецкая армия с берега залива могла обстреливать Морской канал, ведущий в Ленинград. Переходы из Кронштадта в передовую базу флота — остров Лавенсаари — также были во многих местах опасны из-за собственных старых минных полей, новых финских и немецких минных заграждений. У острова Лавенсаари подводные лодки вынуждены были следовать через минное поле «Зееигель», которое было особенно насыщено минами, затем надлежало обойти стороной минное поле, расположенное севернее мыса Юминда-Нина, и наконец пройти минное заграждение «Насхорн».

В 1943 году, в дополнение к немецким и финским минам, была поставлена противолодочная сеть между Таллином и Поркала-Удом».

Другой военный историк, Юрг Майстер, тоже сообщает любопытнейшие факты:

«5-й флотилией тральщиков были поставлены большие минные поля, простиравшиеся от южной оконечности Аландских островов до литовско-латвийской границы, и защитные заграждения перед портами Мемель, Пиллау и Кольберг. Эти заграждения «Вартбург» были совершенно не нужны, так как советские подводные лодки никогда не заходили так далеко на юг. Более того, эти минные поля затрудняли действия немцев и были причиной гибели 10 немецких торговых судов и 2 военных кораблей еще в 1941 году.

И это не все: по настоянию немцев шведы в пределах своих собственных территориальных вод в дополнение к немецким поставили свое минное поле, на котором подо-

рвались и затонули три немецких минных заградителя. Между тем русские не потеряли ни одного корабля на всех этих минных полях, на сооружение которых было затрачено столько средств».

Финны неохотно ставили мины, стеснявшие свободу действий собственных кораблей, но гитлеровцы заставили их поставить минные поля «Капитола», «Куоламаньярви», а позже — «Вальярви» и «Муолаа».

После захвата эстонского побережья, в августе 1941 года, немецкие корабли поставили добавочные заграждения «Юминда» и «Кобра».

А всего в Финском заливе и Балтийском море было девятнадцать густонасыщенных минных полей.

15 октября. После ухода флота из Таллина подводным лодкам беда. Их под конвоем в ночное время проводят из Ленинграда в Кронштадт, а из Кронштадта — к островам. Там они день отстаиваются в укрытии, а на вторую ночь уходят дальше — в просторы Балтийского моря. Это самая трудная часть перехода.

12 октября за быстроходными тральщиками шли в надводном положении «малютки» и «щуки», охраняемые катерами. МО-311 шел справа от подводной лодки на таком расстоянии, чтобы рулевой видел силуэт «щуки». На траверзе острова Мохни катер словно наткнулся на огненную стену. От сильного толчка в форштевень все, кто был на мостике, полетели вниз. Остался только рулевой Семенов, державшийся за штурвал. Краснофлотцу показалось, что в нос катера попал откуда-то прилетевший снаряд. Чувствуя, что катер закружило в образовавшейся воронке, он поставил рукоятку машинного телеграфа на «стоп» и стал вглядываться: куда же подевались его товарищи?

Глухой взрыв со слабой вспышкой не вызвал тревоги у командира конвоя. В эту ночь не раз в караванах тральщиков рвались минные защитники. Не снижая хода, корабли уходили все дальше и дальше.

На подорвавшемся катере рулевой с трудом разглядел командира, лежавшего на палубе. Он спустился вниз и поднял лейтенанта. Тот был оглушен падением, так как ударился лицом о крышку люка. Пробормотав что-то не-

внятное, лейтенант Боков сделал два шага и, потеряв сознание, повалился на палубу.

Хорошо, что на борту были командир звена старший лейтенант Бочанов и военком дивизиона старший политрук Жамкочьян. Выскочив из кормового люка, они не понимали, что произошло. Приказав сыграть аварийную тревогу, Бочанов поднялся на мостик и отсюда увидел, что нос МО начисто оторван.

Началась борьба за живучесть катера. Под напором волн могла рухнуть передняя переборка машинного отделения, в которое просачивалась вода. За нее и взялись в первую очередь: конопатили щели, подтащили щиты, подпорки и клинья. Одновременно начала работать помпа.

Очнувшись, командир катера прошел в радиорубку. Там светилась аварийная лампочка. Радист Фарафонов, увидев кровь на лице лейтенанта, отдал ему свой носовой платок и спросил:

— Сколько еще продержимся на плаву?

Он был уверен, что катер тонет, но не покидал своего поста, так как надеялся связаться с ушедшим вперед конвоем.

— Не беспокойся, еще поплаваем, — ответил Боков. — Как у тебя связь?

— Неважно. Видно, что-то с антенной.

Фарафонов вышел на палубу и во тьме разглядел витки антенны на перебитой рее. Вместе с командиром он распутал антенну, натянул ее и закрепил. Вернувшись в рубку, Фарафонов принялся отстукивать свои позывные. Но ему никто не отвечал.

«Может, не понимают», — подумал радист. Руки у него дрожали. Чтобы успокоиться, он сделал несколько глубоких вдохов и вновь взялся стучать ключом.

Катерники, крепившие внизу переборки, с опаской поглядывали на прибывавшую воду. Помпа не успевала ее откачивать. К ним на помощь спустился военком.

— А ну запустим вторую помпу! — предложил он и сам стал откачивать воду.

Механикам удалось запустить два мотора. Катер задрожал, как живое существо. Это взбодрило моряков. Решили задним ходом выбраться на фарватер и там дождаться возвращения конвоя.

Определившись по звездам, командир звена высчитал, куда и на какое расстояние ветром могло снести дрейфующий катер, затем поднялся на мостик и осторожно кормой вперед повел подбитое судно.

До фарватера они добирались долго — больше часа. Помпы не успевали откачивать воду. Она все прибывала и прибывала.

Во мгле наблюдатели вдруг увидели смутный силуэт большого корабля. Решив, что это вражеский миноносец, Бочанов сыграл тревогу и обратился ко всем:

— А ну, братцы, не подкачать! Живыми не сдадимся.

Краснофлотцы и старшины заняли свои боевые места и приготовились встретить огнем во много раз сильнейшего противника.

Но тревога была напрасной. Краешек луны, выглянувший из-под облаков, осветил свои тральщики, возвращавшиеся на Гогланд. Бочанов принялся кричать в мегафон и сигналить ручным фонариком.

Тральщики прошли мимо, но потом один из них замедлил ход, вернулся к подбитому катеру и забрал пострадавших.

18 октября. Вечером вместе с политотдельцами я смотрел старый кинофильм «Большая жизнь». Какой обаятельный актер Алейников! Смотришь на недавнюю нашу жизнь и невольно думаешь: «Сколько мы перенесли всего, только начали мало-мальски жить по-человечески — и опять все летит к чертям!»

Война идет в Донбассе, в Крыму. Взорван Днепрострой. Вновь вылезли из воды камни днепровских порогов. Гитлер стремится отбросить нас к лучине!

В Москве патриоты целыми семьями уходят на фронт.

МЫ ПОКИДАЕМ ОСТРОВА

23 октября. Вчера гитлеровцы заняли последний остров Моондзундского архипелага. Гарнизоны Эзеля и Даго, оставшиеся в глубоком тылу после ухода нашего флота из Таллина, героически сражались почти два месяца.

Из политдонесения я узнал, что ленинградский писа-

тель-маринист Всеволод Вальде в самые тяжелые дни вел в газете островов сатирический отдел «Прямой наводкой». Его стихи и чуть грубоватые юмористические миниатюры вызывали в окопах хохот. А позже, когда стало очень трудно, взял винтовку и ушел к бойцам передовой линии обороны.

Я хорошо знал этого спокойного и немногословного моряка, попыхивающего трубкой. Вместе с ним мы добровольно пришли на флот и отправились в Таллин. При мне его назначили на Даго, и мы распрощались с ним в политуправлении. Жив ли Всеволод? Удалось ли ему перебраться на Ханко? Впрочем, и на Ханко не спасение. Пока держались Эзель, Даго и Осмуссар, все вместе они представляли грозную силу и контролировали вход в Финский залив. Теперь ханковцы остались одни.

После войны стало известно, что для захвата островов Моондзундского архипелага гитлеровцам пришлось собрать солидные силы. Была даже совместно с финнами разработана операция «Северный ветер». Для ее проведения в море вышло двадцать три корабля. Два финских броненосца — «Ильмаринен» и «Вейнемайнен», немецкий минный заградитель «Бруммер», девять сторожевых кораблей, финские ледоколы «Екархи» и «Тармо» и другие вспомогательные суда. Они должны были высадить десант на остров Даго, в районе мыса Ристна, но не дошли до него, потому что в двадцати двух милях юго-западнее Уте броненосец «Ильмаринен» вдруг подорвался на мине.

Получив пробоину в кормовой части, корабль мгновенно опрокинулся и в течение нескольких минут затонул. Спасти удалось только сто тридцать три человека, остальные двести семьдесят человек погибли.

Потрясенные финны, боясь новых потерь, приказали своим кораблям вернуться.

Юрг Майстер об этом походе написал:

«Операция «Северный ветер» была одной из самых бессмысленных, она лишь вызвала потери и усилила в финнах отрицательное отношение к чересчур сложным комбинациям».

Опасаясь, что русская эскадра Балтийского флота попытается помочь гарнизону Даго, а затем — прорваться

на запад, гитлеровцы в конце сентября создали свой Балтийский флот под командованием вице-адмирала Цилиакса. В него вошли крупные боевые корабли, такие же как «Тирпиц», «Нюрнберг», «Адмирал Шеер», «Кельн», и эскадренные миноносцы. Но, как известно, морской бой не состоялся.

ПРОРЫВ НА ХАНКО

24 октября. Есть приказ Ставки снять наши войска с Ханко, Бьеркского архипелага и всех островов, кроме Лавенсаари, и переправить в Ленинград для концентрации сил. Морской фронт суживается.

К разведывательному походу на Ханко готовятся три быстроходных тральщика и восемь катеров МО. Их загружают снарядами, бензином, табаком, подарками. На каждый тральщик по семьдесят тонн. Сумеют ли они пройти через минные поля?

25 октября. Чудеса творятся на этом свете. Уже не гитлеровцы, а мы пошли в наступление. Наши тральщики и катера участвуют в высадке десанта на левый берег Невы.

На захваченном плацдарме идет непрерывный и ожесточенный бой. Даже линкор «Октябрьская революция» из канала бьет по берегу главным калибром.

Наши катера продолжают подбрасывать войска на левый берег Невы. Потери большие. Гитлеровцам удалось сконцентрировать огонь на этом «пятачке» и отбить наше наступление. Но кровь пролита не зря. Дивизии противника, которые могли быть переброшены под Москву, скованы активными действиями Ленинградского фронта.

28 октября. Наши тральщики, ушедшие на Ханко, вернулись с батальоном автоматчиков. Но командирам досталось, они не выполнили главной задачи: не проверили фарватер тралами.

Как это было, я узнал у военкома БТЩ-118 Ивана Клычкова.

— Наш тральщик был загружен авиационным бензи-

ном, поэтому мы шли концевыми, — сказал он. — За ночь добрались до Сескара. День отстояли в укрытии острова, а как только стемнело — пошли дальше.

У Гогланда встретили однотипные тральщики нашего дивизиона «Патрон» и 217-й. Им поручено было проводить нас в самом опасном месте. Так как оба они были без груза, то вышли в голову, чтобы первыми прощупывать путь на минном поле. Это невеселое занятие. Я знаю, что такое ждать удара рогатого дьявола. Слух обострен, нервы напряжены.

Все, даже кому положено отдыхать, в таком переходе стараются быть на верхней палубе, потому что при взрыве из внутренних помещений можешь не выйти. Но так как мы шли концевыми, а на мостике стоять в темноте скучно и холодно, я спустился в каюту погреться и сделать запись в дневник политработы.

Так увлекся писаниной, что не расслышал глухого взрыва и лишь почувствовал, что машина заглохла. В это время за мной прибежал запыхавшийся краснофлотец.

— Капитан-лейтенант, на мостик просят! — сказал он.

Одеваюсь потеплей и поднимаюсь наверх. Командир корабля взволнован.

— Только что впереди подорвался «Патрон», — вполголоса сообщил он. — А мы без хода. Поршень заклинило. Нам нельзя отставать. Подумают, струсили.

Я, не мешкая, — в машинное отделение. Там жарища, механики полуголыми копошатся. Спрашиваю:

— Почему хода нет?

— Перегрев, — отвечает механик. — Шли самым полным... машина раскалилась. Чуть остынет — наладим. Через десять минут пойдем.

Чтобы не сидеть над душой, я поднялся на мостик. Тьма была такой, что мы с командиром ничего не могли разглядеть впереди.

Скоро машина заработала. Обходя БЩ-217, мы видели, как катера вылавливают из воды людей затонувшего «Патрона». «Ух и холодна же сейчас вода!» — подумалось мне. И от одной мысли по коже мурашки заходили.

Головные тральщики оторвались от нас на изрядное расстояние. Чтобы нагнать их, мы шли полным ходом и трала, конечно, не поставили.

Нагнали не скоро, часа через полтора. Дальше двигались вместе три тральщика в кильватер и охотники по бокам. Оказывается, и передние шли без тралов, хотели до рассвета форсированным ходом пройти мимо опасных берегов.

У ханковских минных полей нас встретил сторожевик «Лайна». Финны, видно, не ждали, что кто-нибудь дерзнет пройти по минным полям в эти места, и не погасили своих маяков. Поэтому мы благополучно прошли к Ханко и укрылись за скалы.

Утром пристань стала людной. Ханковцы приходили убедиться: действительно ли к ним пробились корабли из Ленинграда? Радовались бурно: обнимали, качали нас, при этом выкрикивали:

— Теперь мы не одни. Балтийский флот с нами!

Сначала на тральщики хотели погрузить женщин, детей и раненых, но пришел приказ взять на борт батальон хорошо вооруженных пехотинцев.

Мы приняли на борт двести пятьдесят бойцов со всем вооружением, другие корабли примерно столько же. Как только стемнело, двинулись в обратный путь. И опять проскочили опасное место полным ходом.

У Лавенсаари нам навстречу попались свои БТЩ. Увидев, что мы возвращаемся с Ханко невредимыми, да еще с войсками, командиры кораблей выстроили свои команды по бортам и встретили нас приветственным «ура!».

Приятно, когда тебя так встречают.

Конец ночи мы простояли на якоре в Кронштадте. А на рассвете высадили батальон ханковцев в Ораниенбауме. Прямо с кораблей они двинулись в бой.

30 октября. После ужина я на катере отправился в Кронштадт, был в Доме флота. Там видел Всеволода Вишневского и всю писательскую группу, приписанную к политуправлению. Флотские литераторы собираются вместе со штабом покинуть Кронштадт и поселиться в Ленинграде на Васильевском острове.

По неосторожности я сказал, что не понимаю писателей-маринистов, обитающих на суше и появляющихся на

кораблях в роли пассажиров и гостей. Надо иметь конкретное дело, быть участником, а не наблюдателем.

Вишневский вспыхнул и спросил:

— Надеюсь, ко мне это не относится?

И, не дождавшись ответа, горячась, принялся рассказывать, где и когда он плавал и на каких кораблях. Я не рад был, что затеял этот разговор.

Все крупные корабли покидают Кронштадт. Они будут рассредоточены по Неве и станут плавучими артиллерийскими батареями обороны города.

Переезд штаба и политуправления Балтийского флота в Ленинград расстроил некоторых кронштадтцев и вызвал разговоры: «Не к добру начальство удочки сматывает. Видно, зимой нам достанется. По льду к Котлину легче пробраться».

1 ноября. Сегодня мягкий зимний день. Снег влажный, тает.

Все пристани и пирсы в Кронштадте заняты разгружающимися транспортами, баржами, прибывшими с Бьеркского архипелага. По трапам выводят на берег лошадей, выкатывают легкие пушки, повозки. Лебедки и краны вытаскивают из трюмов ящики, бочки, мешки.

Многие из островитян в странной форме: шинели на них серые — солдатские, а брюки и шапки черные — матросские. Лица бледные, небритые — видно, во время перехода сильно качало, многих пошатывает, как после болезни.

Встретил лейтенанта Панцырного. Он рассказал, как проходила эвакуация:

— Прошлой ночью сильно штормило. Мой МО шел в охранении сетьевого заградителя «Азимута». К утру ветер стих. Мне приказали войти в бухту Тиуриссари и связаться с начальством на берегу. Этой бухты я не знал, поэтому сыграл аврал и вошел со всеми предосторожностями и пришвартовался к пристани.

Сойдя на остров, — продолжал Панцырный, — я доложил начальству о прибытии кораблей. Мне сказали, чтобы я на катер никого не брал, на нем-де пойдет командный состав — штабные работники. Надо подготовить каюты и восьмиместный кубрик.

— Есть, — сказал я. — Будет сделано.

Возвращаюсь в бухту, а там уже полно разных судов. К моему катеру швартуются чумазые «ижорцы». Думаю: «зажмут, не выберешься». И пока была узенькая лазейка, я по этой полоске свободной воды выскользнул из тесного окружения и стал в сторонке, почти посреди бухты, на якорь.

Суда подходили к пристани, принимали людей, снаряжение и, не мешкая, уходили из бухты.

Зная, что катеру придется торчать здесь до конца погрузки, я разрешил команде пообедать, а свободным от вахты — отдохнуть.

У самого, после штормовой ночи, глаза тоже слипались. Оставив на мостике помощника, я, не раздеваясь, завалился на койку и минут семьдесят задавал храпака.

Когда меня разбудили, все транспорты, «ижорцы» и буксиры с баржами уже ушли. Бухта опустела, кроме моего МО — ни одного корабля. А войска подходят. Постепенно на берегу скопилось много пехотинцев.

Ночь холодная. Светит луна. Пехотинцы, постукивая сапогами, толпятся на пристани и ждут. Наконец они теряют терпение и кричат:

— Эй, морячки! Чего вы там чикаетесь? Подходите, забирайте нас.

— Мы не вас ждем, — отвечает боцман.

— Как это не нас? А ну, подходи! — закричал кто-то приказным начальническим голосом. — Нечего волыниться!

Тут мне пришлось встрять в разговор и объяснить, что мы в распоряжении командования и самовольничать не можем.

— А мы вас из пулеметов пригласим, — пригрозил тот же решительный голос. — Хотите продержать нас на острове, пока противник огня не откроет?

— Один катер вас не устроит. Мы больше сотни человек не возьмем, — принялся я объяснять пехотинцам. — Надо ждать крупных транспортов.

— Сколько же мы тут будем стоять?

— На берегу начальство, поговорите с ним.

Ведя дипломатические переговоры, я все время поглядывал на горизонт в надежде увидеть корабли. Переговоры, конечно, велись на языке, далеком от дипломати-

ческого. Пехотинцы меня крыли на чем свет стоит. Наконец предъявили ультиматум:

— Эй ты, шапка с капустой! На размышления даем десять минут. А потом пеняй на себя!

Для подкрепления угрозы сухопутчики выкатили на край пристани два «Максима».

Что мне делать? Удрать — рискованно: из пулеметов верхнюю команду побьют. А подойти к берегу еще опасней: хлынут толпой на катер — со всеми потрохами на дно уйдем. Моментик, нужно сказать, не из веселых.

К счастью, сигнальщик приметил в темноте силуэты кораблей, приближавшихся к бухте. Я, конечно, в мегафон оповещаю пехотинцев. Те ликуют, шапки вверх подбрасывают. И никому из них и в голову не пришло извиниться.

В бухту вошли крупные морские буксиры и катера «рыбинцы». Они забрали всех пехотинцев и ушли. А мой катер остался посреди бухты. У меня нет приказа уходить.

«Этак противника дождешься и в плен угодишь. Нет, ждать больше нельзя, — решаю я, — довольно».

Направил катер к берегу, сошел на пристань и бегом к блиндажу начальства. А там никого. Вокруг горы изуродованных повозок, машин. У разбитой походной кухни понурая собака бродит. Позвал ее к себе, не пошла, за своего не признала. Я сложил руки рупором и давай кричать:

— Кто здесь живой? .. Выходи!

Мне только эхо из лесу отозвалось да собака тявкнула.

Подошли помощник и механик катера. «Не надрывайся, — говорят. — Надо караван догнать и узнать, как быть, иначе погибнем. А здесь ходить нельзя, заминировано, наверное».

В это время в бухту заскочила «каэмка».

— Вы чего застряли? — спросил командир «каэмки».

— Начальство ждем.

— Все на штабном ушли. Меня послали подобрать, если кто случайно застрял. Можете уходить.

Включив все три мотора, настигаю головной катер. На мостике рядом с командиром стоит тот штабник, который велел мне ждать. Я к нему с претензией:

— Почему бросили, не предупредили?
— Ах, черт, совсем из головы вылетело, — сознался он. И не извинился.

2 ноября. Катерники, побывавшие на Ханко, тайком показали мне выпущенную на полуострове озорную листовку, похожую на письмо запорожцев турецкому султану. Она написана в ответ на призыв бывшего царского конюшего барона Маннергейма сдаваться в плен. Сочинили ее поэт Михаил Дудин, художник Пророков и сотрудники многотиражки.

В верхней части листовки изображен царь Николай Второй, а в нижней — Гитлер. На обоих рисунках Маннергейм благоговейно лижет голые зады.

Листовка адресуется: «Его величеству прихвостню хвоста ее светлости кобылы императора Николая, сиятельному палачу финского народа, светлейшему обершлюхе берлинского двора, кавалеру бриллиантового, железного и соснового креста — барону фон Маннергейму».

«Тебе шлем мы ответное слово, — писали ханковцы. — Намедни соизволил ты удостоить нас великой чести, пригласив к себе в плен. В своем обращении, вместо обычной брани, ты даже льстиво назвал нас доблестными и героическими защитниками Ханко.

Хитро загнул, старче!..»

Дальше шли не очень цензурные выражения, а после них — предупреждение:

«Сунешься с моря — ответим морем свинца!
Сунешься с земли — взлетишь на воздух!
Сунешься с воздуха — вгоним в землю!»

Подписана листовка 10 октября, то есть в день, когда ханковцы еще не знали, сумеют ли наши корабли пробиться к ним.

ВОЕНКОМ С ДАГО

3 ноября. Меня познакомили с прибывшим на тральщике военкомом артиллеристов острова Даго Павлом Ивановичем Цыгановым. Он невысок, плотен, почти толст. Говорит быстро, отрывисто, не считается с правилами

грамматики. Лицо скуластое, глаза черные, живые. Волосы ежом.

Я попросил его рассказать о своей жизни и обо всем, что он пережил на Даго.

— На военную службу я попал из батраков, был полуграмотным, — признался Цыганов. — Специальность и образование на флоте получил. В Кронштадте впервые обувь по ноге надел и крепкую красивую одежду. Краснофлотская форма меня покорила. Я решил навсегда остаться моряком.

Пять лет плавал сигнальщиком на тральцах. Все старшинские звания получил. Серьезным стал, женился. Послали меня на курсы политработников. Когда их кончил, мне присвоили звание политрука и отправили служить в Эстонию.

В Палдиски я поехал с женой и сыном Юркой, но жить с ними мне не пришлось. Под новый, сороковой год всю нашу береговую батарею переправили на остров Даго. Там на мысе мы должны были построить доты и установить дальнобойные пушки.

Зима. Холод. Сильные ветры. Кругом снег, камни и сосны. Селений поблизости нет, только хутора эстонские. Пришлось жить в палатках. Проснешься, а на волосах иней.

Мерзлую землю долбить нечем — лом да лопата. Ни валенок, ни шуб. Даже рукавиц брезентовых не хватило. А мороз сорок градусов. На тачках колеса не вертятся.

Мы ни одного дня не пропустили, рыли траншеи, цементом заливали. Отогревались у костров и печурок. Хотели свой мыс сделать неприступным.

Когда снег сошел, мы благоустройством занялись. Красный уголок построили, кинокартины крутили. К нам со всех хуторов эстонцы на велосипедах съезжались. Фильмы мы им показывали, но к батерее близко не подпускали.

Потом меня перевели на мыс Тахкун. Там стотридцатки устанавливали. У меня зимний опыт был, да и командира батареи хорошего прислали — старшего лейтенанта Галанина. Умный, спокойный. Знал, как строить, как пушки ставить и как из них стрелять.

Здесь близко поселок был. Я вызвал жену с Юркой и поселил у эстонки. Обедать и ужинать домой забегал.

Построили мы крепкие, непробойные доты. Но пушки еще на времянках стояли, когда началась война.

Вечером я с самодеятельностью в городишко Керло отправился. Но долго веселиться не пришлось: объявили тревогу. Мы все вернулись на батарею и были в готовности номер два. Но если бы в эту ночь напала на нас авиация, то одной бомбы хватило бы, чтобы вывести из строя батарею. Доты стояли пустыми.

Утром нам боезапаса подбросили. Думаем: «К чему бы? Учения, видно, будут».

В двенадцать дня забежал домой пообедать. Включил приемник, слышу: Гитлер напал! Мне аж жарко стало. Взглянул на жену и говорю:

— Укладывай чемоданы, вам с Юркой уезжать надо.

— Никуда мы без тебя не поедем, — заупрямилась она. — Я войны не боюсь.

А у самой губы трясутся. В глазах слезы.

— Будь умницей, — говорю. — Остров передовой линией морского фронта станет. Снаряды здесь землю перепашут. Вас в доты не укроешь. Уезжай на Волгу и живи там у наших.

Схватил фуражку и, не дослушав радио, бегом на батарею. Там митинг собрал. Решили немедля приступить к работе и не прекращать, пока пушки в дотах не укроем.

Семьдесят часов мы не спали, но пушки на железобетон поставили. Палаточный лагерь снесли и глубокие землянки, блиндажи построили. Склады тоже в землю укрыли. В общем, привели батарею в полную боевую готовность.

Второго числа буксир достали, чтобы семьи на материк перебросить. Жены плакали, некоторых не оторвать было от мужей. Но все уехали. Сразу у нас на сердце отлегло: хоть их бомбить не будут.

Зажили мы холостяцкой боевой жизнью. В первые дни тревожила только авиация. Но бомбы большого вреда не причиняли, лишь песок разбрасывали да воронки оставляли. А война все разгоралась. Немцы Латвию заняли, Таллин окружили. Пробовали на нас с моря нападать, но обожглись: пушки точно били, с двух-трех выстрелов корабль накрывали.

Очень мне нравился наш старший лейтенант. В бою спокоен, голоса не меняет. Молодец! И командиров ору-

дий хладнокровию научил. А для артиллериста это наипервейшее дело. Не суетись — будешь стрелять без промаха. И мне при таком командире легче моральный дух поддерживать. Когда флот ушел из Таллина, бойцы не унывали, хотя понимали, что остались в глубоком тылу противника.

Островное командование, конечно, сделало ошибку, приказав войскам Эзеля отходить и закрепляться на полуострове Сырве. Лучше было бы с полным вооружением к нам переправиться, собрать на Даго крепкий кулак и обороняться: не подпускать ни с материка, ни с моря. Нам бы ханковцы и осмусаарцы помогли. Они же крепко держались, их никто не сумел взять. А мы разрознили силы. Некоторые батареи на Эзеле в одиночку дрались. К нам пробились несколько бойцов, рассказывали, как авиация головы поднять не давала, на бреющем обстреливала и мелкие бомбы сбрасывала.

Расправившись с эзельцами, гитлеровцы неделю готовились, а 12 октября с разных сторон ринулись на нас. Нашей батарее пришлось вести огонь по москитной флотилии, которая с Вормсисаари и других островов к Ристне устремилась. Мотоботы вразброд идут. Целая армада! Галанин возьмет на прицел суденышко с десантниками и как бы про себя говорит: «Пошлем штучку на примерку».

Удивительно, до чего точно бил. Видишь, всплеснуло около мотобота, а вторым выстрелом — в щепки разнесло. Мы изрядно потрепали флотилию десантников. Ни одному мотоботу не удалось пробиться к нам.

Но не всюду оборона на острове оказалась прочной. В восточной части немцы нащупали слабое место. Ночью высадились на Даго.

О продвижении противника мы узнавали от бойцов, пробиравшихся к нам. Сначала приплелись вконец измученные люди сорок второй батареи. Они с боем прорвали кольцо окружения и, слыша, что мы еще сражаемся, решили присоединиться к нам.

Бойцов привел старший лейтенант Китаев. Все они очень устали, были голодны, прямо валились с ног. Мы их накормили обедом и устроили отдыхать в укрытии.

Немцы все подбрасывали новые подкрепления. Восемнадцатого им удалось прорвать линию обороны мыса

Тахкун. Они начали заходить с фланга, чтобы отрезать нас от пристани. Мы получаем приказ: «Снарядов не жалеть. Стрелять до последнего».

Открываем ураганный огонь и всю ночь без отдыха бьем по гитлеровцам.

От беспрестанного огня орудия раскалились. К стволам нельзя подойти близко. В дотах жара, дышать нечем. А комендоры не жаловались. Работали полуголыми. От копоти черными как черти стали и одним только интересовались: «Куда стреляем? Корректируют ли наш огонь?»

Старший лейтенант Галанин не любил стрелять по площади. У него в трех местах корректировщики сидели. И сам в перископ наблюдал. Он уже двое суток не спал, на ногах стоять не мог: то почти на перископе висит, то опустится на колени, спиной в стенку упрется и командует. Все расчеты в уме делал. Телефонисты его с полуслова понимали.

Подающие механизмы нагрузки не выдержали: стали выходить из строя. Артиллеристы перешли на ручную подачу. В расчете первой стотридцатки Степанов устали не знал. Здоровенный парнюга! Тяжелые снаряды играючи принимал и с ходу заталкивал. Я у него спрашиваю:

— Устал?

Он черный, как негр, только зубами блеснул.

— Нет, — говорит. — Пусть фрицы и не надеются, сил у меня хватит.

А ребята из расчета смеются:

— Наш Степанов может так снаряд подать, что он без пороха из ствола вылетит.

В общем, не унывали, никто сдаваться не думал.

Днем немцы принялись из минометов по нашей батарее бить. Воют мины противно, разрываются, словно кашляют. Во все стороны осколки разбрасывают. Но у нас все в укрытии. Никто не пострадал.

Потом авиацию напустили. Мы от нее из пулеметов отбивались. Раз даже по «мессершмиттам», летевшим с моря, из пушек залп дали.

Больше с моря они уже не налетали, но бомбили нас долго, носа не давали высунуть. А улетали — мы опять за свое: из всех пушек огонь открывали. Выдержали и самую тяжелую бомбежку.

Девятнадцатого ночью у нас боезапас к концу подошел, только по снаряду на пушку осталось.

Забили мы стволы прибрежным песком, протянули от спусковых механизмов длинные тросы, вышли из дотов и в узкой траншее залегли.

Галанин скомандовать не может: слезы его душат. А ведь какой крепкий человек был! Нервы не выдержали. Я вместо него скомандовал:

— Залп!

Дернули комендоры за тросы и — последний раз грохнули наши пушки, озарив небо и лес оранжевым пламенем. Залп был раскатистым, потому что разворотило все стволы. Пушки непригодными стали.

Начальство нам приказало отходить к маяку. Пообещало, что там будут ждать мотоботы.

Мы собрались у КП. Подсчитали — все пятьдесят человек налицо.

Разобрали мы ручное оружие, сумки от противогазов патронами заполнили, гранатами увешались и, выдвинув вперед разведку, пошли к маяку.

Маяк не светился. Он был давно погашен. Но мы точно вышли к крайней полоске полуострова. Смотрим — море пустынно, никаких посудин. Даже лодок не видно.

Уже третий час ночи. Вокруг стрельба, ракеты взлетают. Какие-то бойцы бегут. Видят, что мы в морской форме, спрашивают: «Где тут на пароходы грузятся?» — «Не знаем, говорим, сами ищем».

Час ждем, два. Мотоботов нет. Скоро светать начнет. Летчики увидят нас — истребят. Без зениток их не отгонишь.

Я предложил вернуться на свою батарею, залечь в траншеи и отбиваться. Все-таки не зря погибнем. Но командир так устал, что никуда идти не пожелал. Уселся под сосну, закрыл глаза и спит.

Оказывается, если человек сильно спать хочет, то на все ему наплевать, даже плен и смерть не пугают. Я принялся тормошить Галанина, а он уже ничего не чувствует, словно обмер или сознание потерял: глаза крепко сомкнуты, побледнел, от толчков всхрапывает.

На востоке полоска высветилась. Ко мне младший сержант Копцов подходит.

— Товарищ военком, здесь дольше оставаться нельзя. Отпустите меня с десятью бойцами, — партизанить будем.

— А вы уверены в ребятах? Сумеют партизанскую жизнь выдержать?

— Уверен. Мы третий год вместе служим, как братья стали.

Ну что ж, думаю, пусть идут и воюют. Такие крепыши, если обозлишь, многих фрицев истребят. Не скоро их поймаешь и обезвредишь.

— Идите, говорю, партизаньте. Но дисциплину и морское братство не забывайте.

— Будьте спокойны, не подведем, — отвечает. — Все уже обговорено.

Поцеловал я младшего сержанта и говорю:

— Уходите потихоньку, чтобы другим души не бередить.

Осталось нас сорок человек. Светать начало. Вот-вот фрицы огонь по отряду откроют, а нам отвечать нечем. Гранаты далеко не полетят.

Галанина не растормошить. Единолично принимаю решение вернуться на батарею. Оставляю на берегу двух связных, приказываю уложить старшего лейтенанта на плащ-палатку и по очереди нести.

Вернулись мы на батарею, круговую оборону заняли, два зенитных пулемета в укрытии установили. Ждем налета авиации, а на душе нехорошо: «Неужели нас бросили на острове и никакие корабли не подойдут?» Тошно воевать с такой мыслью.

Вдруг связной прибегает. Голос радостный:

— Мотоботы в море показались... К маяку подходят.

Я давай Галанина будить. Думаю — поспал и хватит. А его так разморило, что глаза открыть не может. Ни ноги, ни руки не подчиняются:

— Уходите, — говорит, — я здесь останусь. Не возитесь со мной.

Но разве бросишь товарища. Мы его на руки подхватили — и бегом к морю.

Подходим к маяку и видим: мотоботы вдали стоят, к берегу приблизиться не могут. Обмелело вокруг, из воды камни торчат.

У нас два топора были и тесак. Мы давай в лесу сухостой валить и плоты на берегу вязать.

Наша работа привлекла к себе внимание бойцов, отбившихся от своих частей. Окружили, не дают плоты на воду спустить, отталкивают краснофлотцев, торопятся вскочить первыми.

Пришлось вытащить пистолет и стеной выставить вооруженных краснофлотцев. Только после этого удалось плоты на воду поставить.

Заняли мы четыре мотобота и двинулись в море. Прошли мили три, видим, с норда два «лаптя» — финские гидросамолеты летят. Притаились мы, а они снизились и — давай из пулеметов поливать.

Пули зажигательные, деревянные мотоботы задымились. Раненые кричат... Пламя показалось. А летчики совсем обнаглели. Один снизился так, что на вираже чуть крылом мачту не зацепил. Мы стали из пистолетов и винтовок отбиваться...

Когда улетели «лапти», моряки загасили пламя и принялись дыры затыкать. На четырех мотоботах шесть убитых насчитали и восемнадцать раненых.

— Через час новые прилетят и все расчехвостят, — сказал мичман — командир мотоботчиков. — Глупо в светлое время без зениток в море болтаться, верная смерть. К берегу лучше вернуться, пока моторы работают. Темноты дождемся.

Я не стал возражать. Не гибнуть же так бесславно в море.

Вернулись мы уже не к маяку, а в небольшую, но глубокую бухту. Мотоботы, ставшие за мыском, ветвями замаскировали.

Мой командир живым оказался. Он на мотоботе спал и во время налета не проснулся. Зато отдохнул. Опять принялся командовать и о бойцах заботиться, не только о своих, но и о приблудных. Откуда-то их больше сотни набежало. Все на мотоботы просятся.

Выставив боевое охранение, мы перевязали раненых, похоронили убитых. Когда начало темнеть, без суеты стали размещать бойцов. На каждый мотобот устроили по семьдесят человек.

Мотоботы вышли в море перегруженными. Галанин был на переднем, а я на замыкающем. У нас пулеметной

пулей разбило компас, поэтому мы старались не упускать из виду впереди идущих.

Огней не зажигали. В море становилось все темней и темней. Подул ветер. Начало качать. Слышу — в трюме вода с плеском перекатывается. Где-то течь. Спускаюсь вниз, пробую поднять бойцов, а многих из них укачало. Им свет немил, ничего слушать не хотят.

Внизу душно. Выбрался я наверх, вглядываюсь во тьму и среди волн мотоботов не вижу.

— Куда они делись? — спрашиваю.

— Отстали мы от них, — ответил старшина, стоявший за штурвалом. — У нас скорость снизилась...

— Час от часу не легче! Куда же мы теперь идем?

— Стараюсь по звездам старое направление держать, — отвечает мотоботчик. — Да что-то мало их сегодня. Облака закрывают.

Остались мы в разбушевавшемся море одни. Куда идем — не знаем. Вокруг пена, брызги, ветер свистит. Нигде проблеска не видно. Худо без компаса ночью в море. А тут мне докладывают: помпа из строя выбыла. Обозлился я. Аврал объявил. Всех, кто мог двигаться, заставил с ведрами в трюм спуститься и цепочку образовать.

Принялись бойцы воду вычерпывать, по цепочке передавать и за борт выплескивать. А вода не убывает. Уже в моторном отделении из-под настила выступила, к мотору подбирается.

Спустился я к механику. У него перегретый мотор то и дело глохнет. Вода с борта на борт перекатывается. Шипит от прикосновения к горячему металлу, паром все обволакивает. «Не взорваться бы нам», — подумал я и велел мотор заглушить. Пусть остынет.

Стало тихо внизу. Только слышно, как воду черпают да за борт выплескивают.

Пришел я на мостик и стал рядом со старшиной.

Нас по воле ветра гнало. В глазах пена да черные провалы, лицо брызгами обдавало...

Вдруг примечаю впереди странный бурун. Словно прибойная полоса белеет. Течение какое-то появилось. Подхватило наше суденышко и потянуло прямо на бурун.

— Все наверх! — кричу. — Держаться крепче!

Мотобот на мель вынесло. Днище за грунт цепляется.

Суденышко трясется, словно телега на булыжной мостовой.

Люди снизу на верхнюю палубу повыскакивали.

Вдруг стоп: мотобот между двух больших камней застрял. От толчка я упал. И другие на ногах не удержались. Палуба накренилась, и через нее пошли волны перекатываться, людей смывать...

Меня к накрененному борту поволокло. Я за крышку люка уцепился, но чувствую — не удержусь: пальцы опухли, плохо сгибаются. Рядом, гляжу, краснофлотец Титов в кнехт уперся. Я попросил:

— Держи за ворот!

Он парень ловкий: вцепился в мой воротник и продержал до тех пор, пока я для ног опору нашел.

Суденышко от напора воды стонет, трещит... Вот-вот развалится.

Думаю: «Людей надо спасать, на камни высаживать». Я приказал Титову взять конец троса и тянуть его к большой плоской скале, торчавшей справа.

Краснофлотец не струсил: обвязался тросом и прыгнул в бушующий перекат. Он выполнил приказание: добрался до скалы, вскарабкался на нее и закрепил трос.

По этому тросу стал я переправлять людей с борта на скалу. Нашлись самоотверженные смельчаки, которые, держась за трос, на крякушках переносили раненых.

Скала оказалась большой — прямо каменный островок с замшелыми расселинами. Подсчитал я всех собравшихся, — пятерых не хватает. Их, видно, в первый момент в море унесло.

На островке укрыться некуда: ветер продувает со всех сторон. А у нас половина мокрых и полуголых. Их лихорадит, зубы от озноба стучат.

Мотобот уже трещал вовсю. Я попросил раздетых краснофлотцев еще раз пробраться к нему и раздобыть матрацы, одеяла и все, что осталось из одежды. Ребята, правда, матюгнулись, но выполнили мою просьбу: побывали на мотоботе и, держась за трос, переправили одеяла, матрацы, старые ватники и белье. Заодно захватили оставшиеся патроны и винтовки.

Раненых мы уложили на матрацы и укрыли одеялами. Потом вытащили из воды какую-то корягу, собрали ще-

пок, посыпали их порохом, добытым из патронов, и развели костер. В первую очередь дали обогреться тем, кто долго в воде был.

Неожиданно раздался тягучий треск. Наш мотобот течением и волнами на части разодрало. Морякам удалось забагрить лишь обломок привального бруса да несколько досок. Порубив их на дрова, бойцы поддерживали костер и обогревались как могли. Я стою один на краю скалы и думаю: «Куда нас принесло? Не Финляндия ли это? Что дальше делать? На чем выберемся из шхер?»

— Катер в море! — вдруг закричал кто-то из бойцов.

А я вижу — катер не наш.

— Разобрать оружие! — приказываю. — Будем отбиваться.

На счастье, финны не заметили нас. Вскоре катер исчез с горизонта.

В полдень наблюдатели заметили проходивший вдали МО. Я приказал дать залп из винтовок. Катерники услышали стрельбу. Стали приближаться, нацелив на нас пушку и пулеметы.

Я велел сигнальщику просемафорить: «Мы с Даго. Есть раненые. Просим помощи».

На МО поняли нас и запросили: «Какие глубины? Можем ли подойти?»

Я, конечно, ответил, что кругом отмель, подойти навряд ли удастся.

Командир МО прислал шлюпку с двумя старшинами. Те отыскали удобный проход к камням, торчавшим из воды на краю отмели. От нас к камням можно было добраться только через перекат. Шлюпку здесь бы опрокинуло. Пришлось вновь натягивать трос и канат, который доставили катерники, и раненых переносить на крякушках.

Второе переселение прошло живей. Холодная вода уже не страшила.

— Теперь-то мы спасены, — радовались бойцы. — Согреемся.

МО оказался сторожевиком ханковцев. Если бы мы не дали залпа, наблюдатель не приметил бы нас за буруном.

Катерники накормили нас и всех мокрых пустили су-

шиться в моторные отсеки. Остальных разместили в кубриках и кают-компании. В общем, поступили по-братски.

А вот что сталось с мотоботом, на котором был Галанин, — узнать не удалось. Видно, погиб.

4 ноября. Кроншлот имеет два маяка. Один темно-красный, обшитый железом, стоит у затона на узкой полоске земли. Другой — белый, высится на отмели за главным зданием. Несмотря на то, что в море давно погашены навигационные огни, эти маяки время от времени по ночам посылают лучи света в темное море.

Так было и сегодня. Один из маяков засветился, дав возможность определиться кораблям, возвращавшимся с Ханко.

С далекого полуострова пришли два миноносца, минный заградитель, пять быстроходных тральщиков и пять охотников. Они доставили более четырех тысяч ханковцев и два дивизиона полевой артиллерии с боезапасом.

Финны в этот раз приметили, что на Ханко пробились русские корабли. Они обстреляли их с берега и погасили маяки.

На обратном пути в параванах и тралах кораблей взорвалось шестнадцать мин. Командира дивизиона тральщиков Лихолетова, который был на носу «Гака», так ударило снизу в пятки, что он не может ходить.

Ночь на 7 ноября. Наступает двадцать четвертая годовщина Октябрьской революции. Какой это прежде был торжественный праздник в нашем городе! Огнями сиял Невский. На Неве стояли корабли, обвешанные гирляндами электрических лампочек. Набережные становились шумными и многолюдными. Сейчас город утопает во мгле и никто не ликует в нем.

Говорят, что вчера гитлеровцы сбросили на Ленинград листовки: «Ленинградские бабешки, ждите большой бомбежки». И они напали на разные районы города. Из Кроншлота мы видели, как вспыхивали и гасли в синем небе зенитные разрывы.

Кронштадт приготовил гостинец гитлеровцам. Ровно

в полночь корабли, стоявшие на рейде, и форты открыли ураганный огонь по берегу, занятому оккупантами. Стреляли все пушки. Ожил даже подбитый «Марат», сидящий на грунте невдалеке от Петровского парка. Его дальнобойные пушки так грохнули, что в моей комнате со звоном вылетело из окна стекло. Тяжелые снаряды, словно вагонетки со взрывчаткой, с визгом и воем проносились над нашими головами и разрывались где-то далеко за Петергофом. Огонь корректировался нашими разведчиками, так что посыльные Балтийского флота находили гитлеровцев и выковыривали их на поверхность из самых глубоких нор.

У нас на Кроншлоте вывешены разноцветные праздничные флаги и на обед выдан портвейн — по четверти стакана на брата.

Бухту затянуло льдом. На улице пурга, ветер. Из Ханко только что прошли на Ленинград миноносец «Суровый» и четыре тральщика. На Неве они высадят еще тысячу двести ханковцев. Вернулись не все корабли, ходившие на далекий полуостров. Миноносец «Сметливый» подорвался на мине.

Тральщик «Гафель» и охотники подобрали из воды более четырехсот бойцов и вернулись на Ханко.

Кому тепло и веселье на праздник, а кому ледяное купанье и ожидание нового перехода по минным полям.

7 ноября. Сегодня на Красной площади в Москве состоялся традиционный парад войск. Это здорово! Гитлеровцы раструбили на весь мир, что они уже входят в Москву, а Москва не желает нарушать традиций и устраивает парады.

По радио передали речь Сталина. Всего, что он говорил, мы не расслышали, слишком много помех в эфире, но смысл речи уловили: фашисты грозятся истребить непокорных советских людей, мы вызов принимаем. Пощады не будет, станем уничтожать оккупантов где только возможно.

В этой войне решит все не только техника, но и нервы.

Сегодня вернулся из госпиталя печатник Архипов. Рука у него уже действует.

В ШТОРМОВОМ МОРЕ

9 ноября. Пришла зима. Метет поземка. По заливу плывут льдины. Вода темно-серебристого цвета. Небо серое, мутное.

В окно мне видны ворота кроншлотского затона, вышка наблюдательного поста, сигнальщик в белом полушубке. За вышкой — край замерзающего залива, корабли у стенки, здание штаба у Итальянского пруда. Правее — Петровский парк. На грунте сидит покалеченный «Марат», вернее две трети его, носовой части нет. Вспыхивают яркие огни автогена. После праздничной стрельбы на линкоре разошлись швы. Автогенщики их сваривают.

На берегу груда рваного, покореженного железа и стали — это остатки носовой части корабля, вытащенные из воды.

Кронштадт опоясывается траншеями береговой обороны. Вокруг всего острова строятся доты, дзоты, устанавливаются пушки. Я вижу, как в Петровском парке бойцы в зимних ушанках и серых ватниках долбят мерзлую землю, таскают бревна, цемент, двутавровое железо, листы броняжки.

Когда корабли уйдут зимовать в Ленинград и залив замерзнет, гитлеровцы, конечно, попытаются захватить Котлин по льду. Кроншлот будет препятствием на их пути. Ему может здорово достаться. Мне приказано сворачивать типографию и готовиться к переезду в Кронштадт, на старое место. Мое «войско» недовольно. Здесь, в глубине каземата, они обжились и привыкли к жизни без бомбежек. Но делать нечего, надо разбирать «американку».

10 ноября. Почти все наши сторожевики, спасательные суда и тральщики в море. Некому раздавать отпечатанную газету.

Сегодня уходит на Ханко новый отряд. У меня возникла мысль: не попытаться ли с пачками свежей газеты сходить на Гогланд?

Я пошел к начальнику политотдела и доложил:

— Отпечатанный тираж некуда девать, все корабли в море.

— А вы переправьте с кем-нибудь газету на Гогланд, — посоветовал Ильин.

— Кто же там ее распределит? Разрешите мне самому пойти, — попросил я. — Пока типографию не перебросят в Кронштадт, мне тут абсолютно нечего делать.

Начпо кряхтел и покашливал, он не решался без комиссара отпустить редактора. А Радун был на Гогланде. Я пустил в ход хитрость:

— Там я наберу свежего материала и согласую с комиссаром, как его подать в газете.

Этот довод Ильину показался более веским. Ему нравилось, когда я согласовывал материал с комиссаром.

— Ладно, отправляйтесь, — сказал он. — Только не более трех суток. Пятнадцатого должна выйти газета.

11 ноября. Я устроился на МО-409. Командиром на этом катере лейтенант Федоров. Он мне разрешил занять его тесную каютку. Во время похода он всю ночь будет стоять на мостике.

В два часа ночи тральщики вывели нас за кромку льда.

В нашем отряде четыре тральщика, эсминец «Стойкий», минный заградитель «Урал», госпитальный транспорт «Жданов», лидер «Ленинград» и пять катеров МО.

Крупные корабли двинулись в путь строем кильватер, а наши катера шли по бокам.

Ночь выдалась тихой, морозной. Светила луна. Море едва колыхалось.

Я часа два стоял на мостике, потом отправился спать.

Корабли шли всю ночь и утром очутились около Гогланда. Это довольно солидный, поросший лесом остров.

Эскадра стала на якорь, а катера МО несут охрану.

Я высадился на берег. Радун, увидев меня, похвалил:

— Молодец редактор! Хорошо, что сам газету привез. Политработникам нужно оморячиваться. Хочешь на Ханко сходить?

— Я с этой целью и прибыл сюда.

— Тогда отправляйся с этим же конвоем. Вернешься с первой оказией.

Раздав газеты комиссарам отрядов и дивизионов, я вернулся на МО-409.

12 ноября. Синоптики предупреждали о перемене погоды, но командир отряда, который находится на эсминце «Стойкий», недоверчиво отнесся к сообщению. В восемнадцать часов он поднял сигнал «сниматься с якоря». Корабли, построившись в походный ордер, легли курсом на Ханко.

Погода начала портиться катастрофически: через час на море уже бушевал шторм в семь баллов, а через два — видимость ухудшилась до такой степени, что даже с близкого расстояния трудно было различить впереди идущие корабли.

Флагман зажег кильватерные огни, но и это не помогло, вскоре отряд вынужден был застопорить ход, так как пропали во мгле тральщики. Двигаться дальше без тралов командир отряда не осмелился.

Катер наш так мотало, что командир эсминца сжалился и приказал стать к нему на бакштов. Лейтенант Федоров, конечно, обрадовался, но и на бакштове стоять было трудно — дергало зверски и заливало.

Ветер усилился. В полночь получили приказание командира звена, находившегося на борту МО-402, взять и его на бакштов. От тяжести двух катеров канат оборвался. Пришлось уступить место МО-402, так как у него в запасе был стальной трос. Но и стальной трос ие выдержал двойной нагрузки: лопнул как нитка. Мы чуть не столкнулись, едва разошлись. Пришлось коротать ночь в подвижном дозоре.

Не знаю, как я выжил в эту ночь. Все кругом грохотало, стонало, завывало. Вода летела снизу и сверху, застывала на одежде ледяной коркой. Отдыхать никто, конечно, не мог. На койке можно было удержаться только привязанным. Душу и кишки выворачивало.

Лишь в седьмом часу утра мы получили приказание флагмана: передать БТЩ-211, чтобы он вышел в голову эскадры и лег курсом на Гогланд.

Предельно измотанными мы возвратились назад. Штаб совершил явную ошибку, выпустив корабли в неблагоприятную погоду в открытое море. Больше всех досталось, конечно, катерникам.

Трюмы нашего МО полны воды. Форпик затопило, катер миль десять клевал носом. Хорошо, что в тесной бухте

Гогланда рядом оказалось спасательное судно. Его мощные насосы быстро откачали воду.

Чуть живым и насквозь промокшим я сошел на берег и с трудом добрался до землянки комендантской команды. Здесь переоделся в сухое и повалился спать.

Во сне мерещилось, что и нары подо мной кренятся, как палуба в бурю.

13 ноября. В полдень ветер изменил направление и начал утихать. Но синоптики хорошей погоды не обещали. Радун, узнав, в каком виде я вернулся, запретил идти в новый поход.

— Не хочу терять редактора, — сказал он. — На Ханко пойдешь в следующий раз.

Так что мне не пришлось быть свидетелем событий этой трагической ночи. Все, что происходило в море, я узнал от командиров МО, которые ничего от меня не утаили.

В сумерки корабли снялись с якорей и вновь двинулись в путь в прежнем порядке. Большой участок залива прошли спокойно. Взрывы раздались только когда начали форсировать обширное минное поле «Юминда», перегородившее залив.

Первая мина взорвалась в трале БТЩ, никому не причинив вреда. Второй взрыв произошел через полтора часа в параване лидера «Ленинград». Вмятина в левом борту и сотрясение заставили корабль снизить ход. Передние корабли — три тральщика, миноносец «Стойкий» и минзаг «Урал» — продолжали идти прежней скоростью. Через некоторое время они скрылись в темноте. С поврежденным лидером остался транспорт «Жданов» и три катера МО.

Лейтенант Федоров в вахтенном журнале записал:

«Ленинград» и «Жданов» застопорили машины. Лидер парит. Он получил повреждение от мины, взорвавшейся в параване. Мы охраняем остановившиеся корабли. Видимость хорошая.

03.00. Меня и командира МО-306 старшего лейтенанта Карповича пригласили на борт лидера. Мы поднялись по

штормтрапу. Капитан третьего ранга сказал, что дальше лидер двигаться не может, в левом машинном отделении пробоина и вышли из строя гирокомпас и лаг, вынужден вернуться на Гогланд. Так как нет тральщиков, впереди пойдет транспорт «Жданов». Мне и Карповичу приказано идти в охранении.

04.00. Развернулись. «Жданов» и «Ленинград» легли курсом на Гогланд.

04.50. Сигнальщик доложил: «Справа по борту вижу плавающую мину». Я успел отвернуть и разойтись с ней.

05.00. Идем по минному полю. Глухой взрыв у транспорта «Жданов». Корабль кренится на левый борт. Взрывом у него разворотило бак. Я пошел на сближение. До транспорта осталось около ста метров, когда впередсмотрящий доложил: «По носу мина».

— Я дал полный назад, — отложив вахтенный журнал, стал рассказывать Федоров, — и тут услышал предупреждение смотрящего на корме: «В пятнадцати метрах мина». Пришлось отработать вперед и застопорить моторы, потому что слева плавала еще одна мина. К этой мине приближался МО-402. Громким голосом я предупредил старшего лейтенанта Власова, тот успел остановить катер в каких-нибудь трех метрах от мины.

Что было потом, я узнал от старшего лейтенанта Власова:

— Выбравшись из опасного места, мы по носу обошли тонущий транспорт и принялись спасать людей. Всего подобрали четырнадцать человек. Пассажиров на «Жданове» не было. Он шел пустым. Вскоре транспорт стал резко крениться на правый борт, с грохотом опрокинулся и, показав киль, ушел под воду. Командир «Ленинграда» приказал мне догнать ушедшие корабли и передать, что лидер находится в бедственном положении: без тральщиков не сможет уйти с минного поля. К этому времени поднялся ветер. Чтобы догнать отряд, я дал максимальный ход...

Зря старший лейтенант спешил, рискуя подорваться на всплывших минах. Командир «Ленинграда», не осмотревшись как следует, начал бить тревогу, хотя положение корабля не было столь бедственным, как ему казалось. По радио он сообщил флагману: «Самостоятельно идти не могу. Нуждаюсь в помощи». И командир отряда,

боясь потерять лидера, принял решение всем идти на помощь «Ленинграду». Достаточно же было послать пару тральщиков, а остальным двигаться дальше.

В этом походе участвовал БТЩ-118. На Гогланде я встретил военкома Клычкова. Старший политрук со злостью сказал:

— Прошли мы самые опасные минные поля, добрались почти до Наргена, осталась меньшая часть пути... И вдруг на́ — поворачивай назад. Что за чертовщина? Какой умник распорядился? Но приказ есть приказ. Пришлось вытащить трал, развернуться и чапать обратно. Операция сорвана. Теперь жди хорошей погоды. Опять штормить начало.

Холод сегодня такой, что брызги застывают на лету.

14 ноября. Отрядом уже командует новый человек — капитан второго ранга Нарыков. Вчера он собрал командиров кораблей — участников похода. Узнав, каково состояние механизмов, он предупредил:

— В третьей попытке нельзя повторять ошибок двух предыдущих. Только вперед! Ни в коем случае не возвращаться.

Он не предполагал, что этот переход будет самым тяжелым. Вот что записал лейтенант Федоров:

«18.30. Эскадра легла курсом на вест. Впереди четыре БТЩ, два миноносца, «Суровый» и «Гордый», две подлодки — Л-2 и «малютка», минный заградитель «Урал» и шесть МО. Мое место у левого борта миноносца «Гордый». С погодой не везет: опять сильный ветер и волнение. Видимость плохая.

14 ноября. 00.30. Начали форсировать минное поле.

00.35. Первый взрыв. Столб огня и воды. В эскадре повреждений нет, идем той же скоростью.

00.37. Второй взрыв в параване.

00.41. Третий взрыв у БТЩ по корме.

00.50. Подорвался МО. Вверх взлетает его боезапас. Столб цветных огней держится минуты три. Почти одновременно взорвалась мина у тральщика «Верп», за ней другая. Спасение людей берет на себя МО-402. Мы идем дальше.

01.01. Взрыв мины у миноносца «Суровый». Корабль запарил и остановился. Я продолжал движение в охранении «Гордого».

01.30. Получил приказание с «Сурового» подойти к его правому борту. Отряд продолжает движение.

01.35. Ко мне на борт с миноносца «Суровый» пересел командир отряда капитан второго ранга Нарыков. От него получил приказ догнать ушедшие корабли.

01.39. Лег на курс 288°, по которому ушел отряд.

01.57. Отряда не обнаружил. Получил приказание повернуть обратно и найти «Сурового».

О дальнейшем рассказал старший лейтенант Власов, пришедший вместе с Федоровым:

— На минном поле остались только мы, миноносец «Суровый» и подводная лодка Л-2. Начал подбирать людей с «Верпа». Они плавали в дымящейся воде. Вытаскивать было трудно: все окоченели, сами ухватиться за спасательный круг не могли. «Суровый» приказал мне подойти к его левому борту. Даю ход. Впередсмотрящий докладывает: «По носу мины». Делаю разворот вправо. Опять впереди мина и какой-то буек. Невероятное скопление всплывших мин. Обхожу «Сурового» с кормы. Вдруг раздались два взрыва около Л-2. На катер полетели осколки. С миноносца передали приказание: подойти к Л-2 и снять раненых. Из воды виднелась только рубка подводной лодки. Люди толпились на мостике. Мой сигнальщик заметил всплывшие мины. С подводной лодки тоже предупредили: «Не подходите! С левого борта мины!» Я спрашиваю у подводников: «Есть ли у вас ход?» — «Есть», — отвечают. «Подходите к «Суровому», — посоветовал я и сам отправился к миноносцу. В темноте не заметил, как краснофлотцы с палубы «Сурового» футштоками отталкивали от борта мину, проводя ее за корму. Застопорить хода не смог, по инерции понесло бы прямо на футштоки. Выход единственный: полный вперед, право на борт. Так и делаю. При повороте стукаюсь кормой о шлюпку, спущенную с миноносца, и разбиваю ее в щепы. Но все облегченно вздыхают — мина обойдена...

Лейтенант Федоров только в третьем часу разыскал оставленные на минном поле миноносец и подводную лодку. Вот что он запомнил:

— Подошли к «Суровому». Командир миноносца в рупор доложил командиру отряда Нарыкову о серьезных повреждениях в корпусе и пожаре в кочегарке. Ликвидировать пожар можно только затоплением кочегарки. Своим ходом миноносец идти не может, а на буксире вести некому. Нарыков приказал подготовить миноносец к затоплению, а мне велел очистить корму от глубинных бомб и боезапасов, чтобы облегчить катер. Я должен был взять людей с миноносца. Но сколько мы их возьмем вдвоем с Власовым? Куда денутся остальные? Я приказал боцману Огурцову сколоть лед с палубы. Нарост был толстым — пять-шесть сантиметров. Первым пошел снимать людей с миноносца МО-402. По пути он захватил четырех человек с Л-2. На катер Власова село человек семьдесят. В это время сигнальщик доложил, что с правого борта показались два неизвестных корабля. На миноносце сразу же сыграли боевую тревогу. Но это были наши БТЩ. Нарыков приказал передать светофором на тральщики, чтобы они немедленно подошли и сняли с миноносца людей.

— Один из тральщиков подошел к миноносцу и начал принимать людей. У меня на катере собралось 130 человек, — вновь вступил в разговор Власов. — Катер так сел, что привальный брус оказался под водой. Боясь перевернуться, подошел ко второму тральщику и попросил принять от меня хотя бы часть людей. Командир БТЩ не возражал. Но не успел я пересадить и сорока человек, как раздалась команда, чтобы все отошли от миноносца. Тральщик дал ход, я тоже не стал задерживаться.

— Издали мы смотрели на красавца Балтики, и сердце болело, — признался Федоров. — «Суровый» словно лебедь покачивается на черных волнах. Этот корабль мог бы еще воевать, а пришлось его губить. Невольно хотелось крикнуть: «Не взрывайте, пусть в бою погибнет!» Но мы молчали... От первого взрыва «Суровый» лишь вздрогнул и слегка накренился. Не желал тонуть. Через две минуты второй взрыв. «Суровый», словно живое существо, вздохнул последний раз и начал погружаться. Вскоре воды Балтики сомкнулись над ним...

Корабли, спасавшие людей, опять вынуждены были повернуть к Гогланду. На траверз Таллина удалось

выйти только эсминцу «Гордый», минному заградителю «Урал», двум МО и тральщику.

Об их судьбе я узнал от Радуна. Его потрясла гибель военкома «Гордого» батальонного комиссара Сахно и командира — капитана третьего ранга Ефета.

В четвертом часу ночи «Гордый» по какой-то причине сошел с протраленной полосы, уклонился влево и вскоре наткнулся на мину. Она сработала у него в параване. Была сыграна аварийная тревога. Повреждение оказалось небольшим, его можно было устранить на ходу. Но эсминцу не повезло — через несколько минут у того же левого борта раздался второй, более мощный взрыв.

Корабль подбросило, он зарылся носом в волны и остановился. Машины не действовали.

На мостик прибежал механик и доложил командиру, что в районе четвертого орудия огромная пробоина. Заделать ее невозможно. А с кормы и носа докладывали о всплывших минах, которые ветром несло на корабль. Капитан третьего ранга Ефет приказал выставить по борту матросов с шестами и отводить мины за корму. Затем, взяв мегафон, крикнул командиру приближающегося минзага:

— На «Урале»! Проходите стороной. Не приближайтесь, здесь мины. Пришлите катера МО. Пусть заберут людей!

Своим офицерам Ефет скомандовал:

— Спустить шлюпки. Произвести посадку людей. Мы с комиссаром уходим последними.

Один из МО, подойдя к борту «Гордого», снял семьдесят два человека. Шлюпки тоже были заполнены людьми. К эсминцу подошел второй МО. Едва на катер успели перебраться несколько матросов, как раздался новый взрыв...

Последняя мина нанесла смертельную рану. Миноносец вздыбился и стал медленно погружаться в воду.

Катерники слышали, как военком Сахно запел «Интернационал». Офицеры и матросы, оставшиеся на эсминце, подхватили гимн. Их голоса были громкими. Катерники сняли шапки. Кто-то с высоко задранного носа «Гордого» надрывным голосом крикнул:

— Прощайте, товарищи!

И эсминец скрылся под волнами в семи милях севернее острова Найсаар.

Подобрав плававших людей, катера помчались догонять ушедшие вперед корабли.

К Ханко пришли лишь БТЩ-215, «Урал» и два МО.

16 ноября. Я вернулся в Кроншлот на посыльном катере. Шторм не унимается, залив весь в барашках.

Первым делом я, конечно, набросился на центральные газеты, которых накопилась целая пачка.

Англичане и американцы обещают нам открыть второй фронт. Сталин назвал Черчиля «старым боевым конем», тот тоже не пожалел комплиментов. Рузвельт желает личных контактов. Похоже, что у нас налаживаются взаимоотношения с союзниками.

Гитлер в эти дни выступал по радио, уверил, что он не хотел войны, вступил в нее, опасаясь нападения, и жаловался на осеннее бездорожье, мешающее наступать.

Сводка последних известий спокойная. Говорится о незначительных стычках. За весь день сбито четыре немецких и два наших самолета. Явное затишье на фронтах.

После отбоя тревоги я поспешил на свежий воздух.

Над отмелью светился наш маяк. Воздух чист и прозрачен. Небо покрыто яркими звездами. И не оттого ли, что после душного каземата легко дышалось, на душе вдруг стало радостно, точно уже наступил перелом в войне и близилась победа.

Кроншлотские матросы и командиры тешат себя приятными выдумками, рассказывают о морских пехотинцах, которые по ночам пробираются в немецкие траншеи и опустошают их, о похитителях генералов, о «катюше» — сверхмощном миномете, который одним залпом истребляет целый полк противника и мгновенно исчезает. Что легенда, что правда — не поймешь.

17 ноября. Ночью из Ленинграда на тральщике прибыл Власов. Он измучен и голоден. Говорит, что гитлеровцы ночью и днем обстреливают город.

Во многих домах нет света и воды. Уголь кончается,

дрова не завезены. Но хуже всего с едой. Нормы трижды снижены, но и этих продуктов не выдают. Некоторые на день получают только сто пятьдесят граммов хлеба.

От его рассказов испортилось настроение, спать уже не хотелось. А тут еще обстрел начался: снаряды летят через Кроншлот и взрываются в Кронштадте.

18 ноября. Недавно прекратилась навигация на Ладоге. Баржи вмерзли в лед. Это была опасная, но единственная дорога, по которой шли все грузы в осажденный город. Сейчас в Ленинград можно попасть только по воздуху.

Голод надвинулся и на Кронштадт. Здесь еще недавно были большие запасы муки, мяса, рыбы, жиров, квашеной капусты. Но пришлось поделиться с Ленинградом: по ночам на буксирах и транспортах вывозятся мешки с мукой, бочки с рыбой и жирами, туши свинины. Склады и холодильники почти опустели.

У нас тоже паек сильно урезан. На весь день получаем триста граммов хлеба, а на обед — мутный супчик да две-три ложки каши. Детские порции. Картофеля давно не видели. Особо сильно страдают от недоедания здоровяки комендоры, которых подбирают на флот по росту и могучим бицепсам. Пустые супчики им только желудки растравляют, вызывают еще большее желание съесть что-нибудь поосновательнее.

На Кроншлоте зенитчики поймали бродячую собаку, развели костер в камнях, на шомполах нажарили шашлыков и съели. За это им влетело от Ильина.

19 ноября. Двенадцать командиров и краснофлотцев наших тральщиков награждены орденами. Эти люди каждый день рискуют жизнью. Тральщики идут по минным полям впереди всех кораблей. Они взлетают на воздух первыми.

Среди награжденных командир отряда тральщиков капитан третьего ранга Лихолетов и военком Корнилов. В двух последних переходах они совсем не спали. Мины рвались в тралах, в параванах и под кораблями. Лихолетов бессменно стоял на мостике, обдаваемый брызга-

ми, а когда становилось невмоготу — согревался водкой. Сейчас командир и военком охают от ревматических болей в суставах. Кроме того, у Лихолетова воспаление седалищного нерва, а он шутит:

— Не пойму, чего бы болеть седалищному нерву? Ведь ни разу за весь путь не присел.

У Лихолетова на груди орден Боевого Красного Знамени за участие в боях на стороне республиканской Испании. Он храбрый и бравый моряк.

Военком Корнилов небольшого роста. У него опухшее, болезненно желтое лицо и сильно поредевшая шевелюра. Полковой комиссар умеет постоять за себя и за своих людей. Когда его обвиняют в том, что в походах на кораблях мало проводится бесед и лекций, Корнилов не оправдывается, он вежливо приглашает:

— Сходите с нами в поход и покажите, как надо привлечь внимание слушателей, когда они сидят навострив уши и ждут: не послышится ли стук мины о днище. У меня что-то не получается. Видно, таланта нет.

На тральщиках больше, чем на других кораблях, моряков торгового флота. Это люди пожилые, вволю хлебнувшие морской скитальческой жизни. Здоровье не ахти какое, да и нервы подрасшатались в переходах по минным полям. Им бы надо отоспаться, отдохнуть, но обстановка не позволяет. Надо опять идти на Ханко, нельзя же оставлять ослабленный гарнизон зимовать в далеком тылу противника.

Экипажам тральщиков говорят:

— Сходите последний раз на Ханко — будете отдыхать всю зиму.

НЕВЕЗУЧИЕ

Есть люди, о которых говорят, что они невезучие, с ними опасно плавать — обязательно что-либо случится.

В отряде траления застрял в резерве старший политрук. Кто-то из его приятелей в шутку пустил слух, что стоит Никифорову появиться на тральщике, как корабль в скором времени взлетает на воздух. Некоторые это восприняли всерьез. Командиры тральщиков, услышав, что

к ним хотят прислать Никифорова, бегут к военкому отряда Корнилову и просят:

— Выручи, пожалуйста. Пусть пришлют любого другого, только не Никифорова. Сразу дух команды подорвете. Он невезучий.

— Ну что с ними делать? — спросил как-то у меня Корнилов. — Не должен я поддерживать суеверных. И в то же время понимаю командиров. Такое назначение определенно вызовет уныние среди матросов, в поход пойдут как обреченные. А комиссары у нас для другой цели — должны поднимать боевой дух.

— А вы пустите слух, что он везучий, — посоветовал я. — Ведь другие в этих же обстоятельствах гибли, а он остался жив.

Мой путь однажды пересекся с путем Никифорова. Он был замполитом на тральщике «Бугель», который в памятное для меня туманное утро прямо под носом «Полярной звезды» затралил немецкую мину и уничтожил. Если бы «Бугель» не сумел ее подцепить, то от «матки» подводных лодок остались бы одни щепки да клочья. Наши трюмы были начинены торпедами. Тральщик нас спас, но сам через несколько недель подорвался.

Об этом случае Никифоров рассказывал посмеиваясь:

— Я прошел на корму выкурить папиросу. Затянулся раза два, и вдруг так толкнуло в ноги, что я взлетел выше брызг, взметнувшихся от взрыва, перекувырнулся и в воду вошел головой. Всплываю — вокруг темно. Надо мной не то крыша, не то какое-то помещение. Что за чертовщина? Барахтаюсь. Вдруг вижу — светится щель. Я к ней. Голова пролезает, а туловище не очень. Пришлось продираться в дыру с острыми, рваными краями. Все брюки на себе разодрал. Едва вырвался из железных когтей, как попал в образовавшуюся воронку: закружило и на такую глубину затянуло, что я рывками гребу, гребу, а конца нет... У меня уж и в висках стучит, грудь распирает... Вот-вот разорвет или глотну воды. Сознание стал терять... И тут меня вынесло на поверхность...

Кругом плеск, стоны, крики, а я отдышаться не могу. Подплывает ко мне начхим и кричит: «Василий Никифорович, вы что — ранены?» А я и сам не знаю. Ощупал

ноги — целы, только на бедре саднит. Вдруг в боку кольнуло. «Ну, думаю, беда — кишки вывалились». Хватаюсь за живот, а он упругий, мышцы смог напружинить. Потрогал лицо — нос и подбородок на месте. На радостях подобрал я два буя и поплыл с ними спасать тонущих...

Его, оказывается, накрыло кормой, так как корабль от взрыва переломился пополам. Хорошо, что в днище оказалась рваная дыра. Никифоров через нее и выбрался наружу. Спасти удалось только половину команды. Все, кто был в нижних отсеках, погибли.

— Не верьте травилам, что тринадцатое число, да еще в понедельник, несчастливое. Суеверная чепуха! — уверял, посмеиваясь, Никифоров. — У меня все перемены и несчастья связаны с другим числом: двадцать четвертого марта я пришел на «Бугель», двадцать четвертого августа тонул на нем, из госпиталя выписали двадцать четвертого сентября, а на «Патроне» подорвался двадцать четвертого октября. Для меня это число памятное, только не могу установить — везучее оно или наоборот.

Второй раз Никифоров тонул в такой холод, что люди через десять-пятнадцать минут плаванья в холодной воде превращались в мертвые поплавки. Они не шли на дно только потому, что на поверхности их держали капковые бушлаты. Никифоров был выловлен последним. От холода так свело челюсти, что он не мог вымолвить слова. Пришлось черенком ложки разжимать рот, чтобы вылить в него стакан водки.

Переодевшись в сухое, Никифоров завалился спать. Утром он встал с койки таким, словно и не плавал в ледяном месиве и не превращался в сосульку. Даже головной боли он не почувствовал, лишь лихорадка обметала губы.

Здоровяку Никифорову, конечно, везет. После всех передряг старший политрук краснощек, бодр, не жалуется ни на расстройство нервной системы, ни на бессонницу. И смеется громче других, чем коробит слух моряков, оставшихся без кораблей.

— Ему бы не смеяться, а всплакнуть надо, — сказал один из них. — Это все отзовется, пусть не радуется.

Но Никифоров не унывает. Он получает назначение

на лучший тральщик отряда — БТЩ-205. Как его встретят на корабле?

Самое важиое, что он жив, не утерял боевого духа и полои энергии.

Вот другому балтийцу — капитаи-лейтенанту Дьякову — потрясающе не везет.

Я уже писал в дневиике, как спасся он и его товарищи с торпедированной подводной лодки М-94.

Нового корабля Дьякову не дали, а послали служить старпомом иа «эску» — более крупную подводиую лодку. На этой «эске» дела не ладились, за какие-то нарушения командир и военком получили по выговору. Наказание их расстроило, а позже заставило пойти иа ненужный риск.

Перед самой годовщииой Октябрьской революции «эска» получила приказ выйти иа позицию. И тут, словно нарочно, у механика корабля флюсом раздуло щеку, а командира — капитана третьего раига Рогачевского — свалил грипп. У обоих поднялась температура. О происшествии следовало бы доложить командованию, но ие решились. «Нужно же так, чтоб сразу оба заболели! Еще подумают — струсили или хотим праздник дома встретить».

— Все же на два-три дия следовало бы задержаться, — настаивал старпом Дьяков.

— Нет, нет, у меня грипп всегда затяжиой, — недели две держится, — ие прииимал возражеиий командир. — Как-иибудь перемаюсь.

За весь переход Рогачевский ни разу не вышел на мостик и механик отлеживался на койке, измученный зубной болью. Дьякову пришлось работать за троих. Хорошо, что ои был опытиым человеком.

Когда пришли на позицию, разыгрался шторм небывалой силы. Трудио было ходить под перископом: подводную лодку раскачивало, вдавливало волиами и выбрасывало иа поверхность.

Пришлось волей-неволей уйти на глубину и лечь на грунт. Но и на дне моря ие было покоя, «эску» встряхивало, ворочало, подбрасывало.

На подводном корабле без кислорода долго ие продержишься. Прошел деиь, два... дышать стало трудно.

Да и определиться требовалось — корабль течением могло снести с курса.

В ночь на 7 ноября Рогачевский почувствовал облегчение. Температура почти пришла в норму. Он пригласил к себе старпома и сказал:

— Разбудите меня на рассвете, в шесть. Надо всплывать, а то люди едва шевелятся. Да и на поиск пора.

Ровно в шесть утра Дьяков разбудил капитана третьего ранга, но тот с трудом поднял голову.

— Мутит, — пожаловался Рогачевский. — Неважно себя чувствую, часок еще полежу.

Но, видно, ему было не до сна. К семи часам он оделся по-штормовому, прошел в боевую рубку и слабым голосом отдал команду:

— По местам стоять... к всплытию!

Подводный корабль оторвался от грунта и медленно всплыл.

Шторм не унимался. Тяжелые волны набросились на высунувшуюся из воды «эску». Они с грохотом разбивались о рубку и бурно перекатывались через надстройку. Все же Рогачевский приказал отдраить верхний рубочный люк.

Дьяков, как положено в таких случаях старпому, занял свое место в центральном отсеке. Он видел, как в люке один за другим скрылись командир, штурман и два вахтенных матроса. В это время тяжелая волна с такой силой обрушилась на подводную лодку, что вниз полетел сигнальщик, не успевший выбраться наружу, и «эска» стала проваливаться...

В центральный отсек водопадом хлынула холодная морская вода. Стоя уже почти по колено в ней, Дьяков услышал тревожный голос:

— Проваливаемся... Четыре... шесть метров.

— Задраить верхний рубочный люк! — закричал старпом. — Продуть главный балласт аварийным!

Другого решения в такой момент не примешь. Старшины и матросы не мешкая выполнили приказание. Подводная лодка быстро выровнялась и по-прежнему стала покачиваться на поверхности бушующего моря.

«Как там наверху наши? — в тревоге подумал старпом. — Сумели ли удержаться?» Несмотря на то что все

действовали согласованно и молниеносно, прошло все же не менее двух-трех минут.

Дьяков сам поднялся по трапу, отдраил верхний рубочный люк и высунулся из него по пояс.

На море еще держалась мгла. Вокруг ходили, приплясывая, водяные горы с белыми вершинами. Набрав полные легкие воздуху, старпом принялся кричать:

— Товарищ капитан третьего ранга! Рогачевский! Штурман Милованов!

Ему никто не откликнулся. «Смыло», — ужаснувшись, подумал Дьяков. Но он еще надеялся, что товарищи удержались и ждут помощи. Цепко хватаясь за поручни, он пробрался на мостик.

Тяжелые валы продолжали накатываться на подводную лодку. Они больно хлестали ледяными брызгами в лицо, обдавали старпома сверху, снизу, норовя сбить с ног и утащить в море.

С трудом удерживаясь на мостике, он стал осматривать корабль. Глаза его уже привыкли ко мгле. Старпом разглядел пушку, часть палубы. Людей нигде не было. Дьяков вновь принялся звать товарищей. Но ему воем и грохотом отвечало море.

Сорвав голос, старпом спустился в центральный отсек и доложил военкому о случившемся. Тот растерялся, предложил первое, что пришло на ум:

— Они, наверное, еще плавают. Давай поднимемся наверх, привяжемся и включим прожектор. Может, увидим их где-нибудь в волнах.

— Я тоже об этом думал. Но на позиции запрещается зажигать огни. Погубим и себя и корабль, — сказал Дьяков. — Да и вряд ли их найдем. Лодка пробыла под водой более трех минут. Если бы они удержались на мостике, то захлебнулись. А если сразу смыло, то их не быстро найдешь. Нас снесло с того места и ветром и течением. А в такой холодной воде долго не продержишься... прошло уже больше двадцати минут. Они окоченели.

— Но как же без командира и штурмана? — спросил военком.

— Придется мне за всех, — ответил старпом. — Попали мы в передрягу! Ведь просил командира: «Доложи по начальству. Полежишь в госпитале, обождем несколько

дней». Нет, заупрямился, точно сам на смерть просился. А теперь и поиска не ведем, и людей погубили. . .

Сетования облегчения не принесли. Старпом и комиссар понимали, что бессмысленно в такую волну ходить под перископом, и они решили отлежаться на грунте, пока море не успокоится.

Хриплым голосом Дьяков стал подавать команды. Подводная лодка медленно погрузилась на пятидесятиметровую глубину и наткнулась на крупные камни. Здесь хоть было и тише, но «эску» то поднимало волнением, то опускало так, что она скрипела, стонала и содрогалась. Вдруг что-то в корме треснуло.

«Неужели винт сломался? — подумал Дьяков. — Тогда совсем беда — домой не дойдем».

Он немного продул цистерны и стал искать новое место. Наконец нашел гладкое дно на шестидесятиметровой глубине. Сюда достигали лишь слабые отголоски шторма.

Море несколько успокоилось лишь к утру следующего дня. Подводники всплыли и обнаружили, что один винт у них сломан. Немедля связались по радио со штабом и доложили о случившемся. Из Ленинграда пришел короткий приказ: «Взять курс на Кронштадт». И больше ни слова.

Домой возвращались, запустив только один двигатель. Чудом прошли опасные воды и лишь на траверзе Петергофа, когда казалось, что уже попали домой, внезапно обстреляла немецкая артиллерия. К счастью, ни одним осколком корабль не тронуло.

Обычно подводников, возвращавшихся с позиций, в Ленинграде принимали торжественно: играл оркестр, выходило приветствовать начальство. А едва двигавшуюся «эску» никто не встретил. Это был дурной признак.

Пришвартовавшись к плавбазе «Смольный», стоявшей на Неве около площади Декабристов, Дьяков поспешил с докладом к начальству.

В салоне у командира бригады подводных лодок почему-то были собраны командиры дивизионов. Старпома они встретили холодно, без обычных шуток и рукопожатий.

— Докладывайте, как потеряли командира? — хмуро сказал комбриг и даже не предложил снять реглан.

Стоя перед товарищами-подводниками как на суде, Дьяков осипшим голосом стал подробно рассказывать о случившемся в штормовом море.

Не дослушав его до конца, военком бригады вдруг поднялся и начал натягивать на себя шинель. Он, оказывается, спешил на военный совет, там ждали донесения о злополучной «эске».

— Каково будет наше резюме? — спросил он у комбрига.

— Доложи, что не все меры для спасения были приняты, — ответил тот, не глядя на старпома «эски».

Комиссар, козырнув, вышел. А потрясенный Дьяков, и прежде не отличавшийся ораторскими способностями, сумел лишь шепотом спросить:

— Почему не все? С чего вы взяли?

Комбриг не удостоил его ответом. Но один из капитанов третьего ранга строго заметил:

— Надо было поискать, хотя бы для очистки совести. У нас принято: погибай, а товарища выручай.

— Неправильно говорите, — возразил ему другой. — Подводник в первую очередь должен думать о выполнении приказа. Войны без жертв не бывает. Я так полагаю, что старпом не имел права покидать пост в центральном отсеке. На розыски надо было послать другого. А если бы и Дьякова волной смыло? Значит, корабль погибай без командира?

Они спорили, возражая один другому, словно находились на теоретических занятиях и разбирали казуистическую задачу. Но вряд ли кто из них захотел бы очутиться в положении старпома. И все же по словам комдивов получалось, что если не в том, то в чем-то другом капитан-лейтенант виноват.

— Тогда отдайте меня под суд! — наконец не выдержав, потребовал Дьяков.

Но и под суд отдавать старпома не было оснований: он умышленно не нарушил ни устава, ни инструкций. Можно было только посочувствовать ему.

Сочувствия, конечно, никто не высказал.

Я видел сильно изменившегося, словно пришибленного беспощадностью товарищеских суждений капитан-лейтенанта. Подводник стал не в меру обидчивым и подозрительным. Рассказав мне эту историю, он насторо-

жился и ждал: не найду ли я какой-нибудь ошибки в его действиях?

Трудно человеку жить, когда его несправедливо в чем-то обвиняют, а он неспособен убедить, доказать, что чист перед своей совестью. Всякий другой, очутись в положении Дьякова, навряд ли действовал бы смелей и успешней. Его бы надо успокоить, поощрить, но в такую трудную пору не до сантиментов. Война нас огрубила.

ХОЛОДНО И ГОЛОДНО

20 ноября. Пришла зима. Что она несет нам? В Ленинграде уже начался голод, люди умирают от истощения.

Голод ощущаем и мы, так как получаем на день триста граммов хлеба. Даже не верится, что еще недавно на флоте хлеб выдавался не порциями, а вволю — сколько кто съест.

У нас, у военных, есть приварок: два раза в день получаем хотя и жидкий, но суп, да еще на второе две-три ложки каши или черных макарон с маслом. А как существуют ленинградцы? Им выдают только по сто двадцать пять граммов черного хлеба и больше ничего.

За офицерами и старшинами, у которых семьи остались в Ленинграде, приходится следить, чтобы они съедали свои порции, иначе выйдут из строя. Они ведь прячут хлеб, масло, макароны, сахар и тайком передают семьям. Эти мизерные порции навряд ли помогут голодающим, но понять отцов и мужей можно. Они готовы жертвовать собой, чтобы не видеть страданий близких.

21 ноября. Немцы не могут угомониться, они обстреливают голодающих, разрушают дома, чтобы оставить людей без крова и тепла.

Сегодня по тяжелым батареям вели огонь миноносцы и линкор «Марат». От залпов его главного калибра сотрясается наш домишко.

Когда наблюдаешь стрельбу линкора с Кронштота, то вначале видишь яркую вспышку, потом желтоватое, почти оранжевое облако газов и лишь затем в уши уда-

ряет грохот. Снаряды проносятся над нами и так далеко улетают на сушу, что разрывов мы не слышим.

На Кронштадт и Кроншлот надвигается промозглый туман. На заливе стоит лед с синими проплешинами чистой воды. Хорошо, что у меня есть дрова. Сейчас натоплю печку и станет тепло.

22 ноября. С Гогланда вернулся инструктор нашего политотдела старший политрук Филиппов. Он плавал на катерах и на тральщиках, не пробившихся на Ханко. Хлебнул такой походной жизни, что в корне изменил свое мнение о людях малых кораблей, а плавающих на тральщиках считает героями.

— Их можно сравнить только с летчиками, сознательно идущими на таран, — говорит он. — И положение летчика предпочтительней: он может хорошо разглядеть цель и выбирает момент удара. Тральщик же, который волочит за собой трал, идет своим корпусом на невидимую мину. Удар неожиданный. Тут на парашюте не спасешься. Корабль подбрасывает и разламывает. Люди сразу попадают в ледяную воду. Они барахтаются, спешат отплыть подальше от тонущего корабля, чтобы не затянуло в воронку. А рядом корабль звучно вбирает в себя воду. Он сопит и чавкает. Страшные это звуки! После этого похода что-то изменилось во мне. Словно я с того света вернулся и на все имею другую мерку.

27 ноября. Почти все корабли уйдут зимовать в Ленинград. Когда замерзнет залив, к Кронштадту можно будет подобраться по льду. Поэтому усиливается круговая оборона. Уже были две ночные тревоги: учимся отражать нападение лыжников. Неужели нам предстоит воевать на льду?

Политотдел и штаб ОВРа перебираются в западные казармы Кронштадта. Мне приказано в течение суток, пока залив не замерз, на рейдовом катере переправить типографию в старое помещение у Петровского парка, а самому поселиться с политотдельцами.

Мое «войско» научилось быстро разбирать «американку» и упаковываться. До обеда мы успели перебази-

роваться на Котлин. Теперь мои девушки и парни жить будут в кубриках с матросами и старшинами базы.

Я с политотдельцами поселился в старой двухэтажной казарме, построенной из хорошо обожженного темно-красного кирпича больше ста лет назад. Над входом в казарму снаряд разворотил стенку. Дыру уже заделали, но розовыми кирпичами отметина выделяется, как свежезажившая рана.

Все инструкторы нашего политотдела поселены в сводчатом зале. В нем прежде размещалась рота курсантов. Высокая круглая печь не может обогреть обширное помещение. Приходится спать в теплом белье, под двумя одеялами. Здесь же находится машинистка, секретарь начальника политотдела и дежурные, поэтому в казарме круглые сутки — суета. Посетители приходят днем и ночью. Не сон, а какой-то полубред. А днем работать негде. Рядом говор, топот ног, треск машинки.

30 ноября. Ходят слухи, что немцы захватили Тихвин. Тогда мы — в двойном кольце. Если гитлеровцы соединятся с маннергеймовцами, Ленинград со всей страной будет связан только самолетами. А воздушной дорогой армию, флот и население большого города не накормишь. Да и где достать столько самолетов и горючего?

Сегодня, когда я шел в типографию, в воздухе разорвался шрапнельный снаряд. Шрапнелины пробарабанили по железу мостика. Удивительно, что ни одна не зацепила меня.

Многотиражка учебного отряда «Кузница» уже имеет потери: тяжело ранен редактор. Ждут нового.

5 декабря. Нет электрического света. Работаем, как в прошлом веке, при стеариновых свечах и коптилках.

Мои парни совсем обессилели: им приходится вручную печатать газету. А при скудном питании много не наработаешь. После каждых двадцати экземпляров они отдыхают.

Я узнал, что интенданты на чердаке базы нашли несколько мешков сухарей, припрятанных коками для кваса. Оба кока при налете авиации были ранены, об их

припасах никто не знал. Несколько килограммов сухарей могли бы поддержать моих печатников. Я пошел к начальнику базы с просьбой дать хотя бы небольшую долю найденного, но он, прищурив глаза с белесыми ресницами, спросил:

— А колбаски и сыру не хотите?

— Не откажусь, — ответил я.

— А я откажу, — отрезал он. — Никаких мешков мы не нашли. Кто-то выдумал чепуху и всех всполошил.

Мне показалось, что в глазах Белозерова мелькнул волчий огонек лютой ненависти, но он прикинулся добряком, готовым ради меня пойти на преступление.

— Ладно, редактор, рискну, — отпущу тебе килограмма два, — пообещал он. — Только об этом никому. Голову мне оторвут.

Редакцию устроили и два килограмма сухарей. Но не отдашь же их одному печатнику, пришлось часть разделить среди девушек. Сегодня у них был особый день: они стали настоящими воинами военно-морских сил. Происходило это так. Клецко выстроил мое «войско» в типографии, скомандовал «смирно» и доложил:

— Товарищ старший политрук, личный состав газеты «Балтиец» построен для принятия присяги Справцевой, Белоусовой, Логачевой.

Девушки по этому случаю надели парадные форменки: тельняшки, синие фланельки с голубыми воротниками, черные юбки, матросские ремни с ярко надраенными пряжками, черные береты со звездочками и кирзовые сапоги. Став строгими, они по одной выходили из строя, взволнованными голосами читали торжественные слова присяги, отпечатанные на меловой бумаге, и подписывали листки. Мы, вытянувшись по стойке «смирно», выслушивали их. А за стеной бухала артиллерия и где-то близко разрывались снаряды.

В грозный час девушки присягнули Родине.

6 декабря. Еще лежа на койке, я услышал, как в морозном воздухе загудели барражирующие самолеты. «Кого они охраняют? Видно, пришли корабли с Ханко», — решил я.

Я быстро оделся и побежал к Усть-Рогатке.

Петровский парк был заполнен ханковцами в ватниках и мятых шинелях. Все они были небритые, так как несколько дней провели на корабле, да еще в штормовую погоду.

В походе им всем досталось. Ощутив под ногами твердую землю Кронштадта, они готовы плясать от радости.

Часть ханковцев останется на Котлине, а часть будет переправлена на Ораниенбаумский «пятачок».

Пехотинцы о переходе ничего не могут рассказать. Знают лишь по слухам, что какие-то корабли не дошли, потонули в пути.

7 декабря. Меня и двух инструкторов политотдела комиссар дивизиона катеров МО пригласил на обед. Мы, конечно, не отказались, так как знали, что катерники на Ханко запаслись продуктами.

Вышли за час до обеда. На улице морозно, пощипывает носы. Мех на наших кожаных шапках со спущенными наушниками заиндевел. Мы шли прижимаясь к стенкам домов, потому что начался обстрел. Снаряды рвались в разных частях Кронштадта.

У пирса подплава стояли тральщики, сторожевики и катера. Мы разыскали спасательное судно, на котором должна была состояться встреча, но в кают-компанию не попали. Дежурный доложил, что командир и комиссар дивизиона катеров вызваны в штаб соединения.

Возвращаться не солоно хлебавши не хотелось. Мои спутники, чтобы не остаться без обеда, поспешили на тральщики. Там их накормят. Я же решил заглянуть на МО-210 к Панцырному.

Лейтенант вышел на верхнюю палубу в сером свитере, кожаных штанах и валенках. Увидев меня, обрадовался.

— Прошу в кают-компанию, — пригласил Панцырный. — Вовремя пришли. Сегодня мы шикуем: обед с пирожками и компотом!

Гостеприимный хозяин усадил меня за стол в крошечной кают-компании и велел коку подавать все, что у него есть.

Вскоре появился дымящийся бульон с корешками и полная миска пирожков с рисом.

— Я никого не обижу? — взяв поджаристый пирожок, спросил я у Панцырного. — Они ведь у вас по счету?

— Сегодня без счета. На Ханко мои хлопцы мешок крупчатки добыли и ящик консервов. Потом еще принесли какие-то запаянные цинковые ящики. В одном сушеный картофель оказался, в другом — морковь, в третьем — лук. Этак островитянам овощи впрок заготовляли. Интенданты хотели утопить, но мы не дали, растащили по катерам. Благо груз не тяжелый.

На таком обеде я давно не бывал. Мы досыта наелись бульона с пирожками и жареного картофеля с консервированным мясом. Стакан яблочного компота я уже с трудом одолел.

Панцырный, взглянув на мои осоловевшие от сытости глаза, предложил отдохнуть в кают-компании. Но я, боясь, что нам могут помешать, вытащил блокнот и попросил:

— Пока мы одни, выкладывай быстрей: что было при переходе? И поподробней, пожалуйста.

Наше дыхание и горячие блюда обеда вызвали в каюте нечто похожее на дождь. На холодном подволоке пар конденсировался, превращался в крупные капли, которые то и дело падали на стол. Прикрывая блокнот рукой, я старался записать все, что говорил Панцырный.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕХОД С ХАНКО

Катерникам Панцырного вдруг выпала двухнедельная передышка. Да не где-нибудь, а на далеком, окруженном врагами полуострове! Другим бы жизнь на ежедневно обстреливаемом Ханко показалась сущим адом, а катерники блаженствовали — чувствовали себя на отдыхе. Даже поправились, так как еды здесь было вволю.

Прибыв на полуостров со спасенными с миноносца людьми, они отстаивались под нависшей скалой и ждали прибытия очередного каравана. А корабли не шли, потому что шторм не унимался.

Однажды утром у входа в бухту появилась сорванная с якоря блуждающая мина. Ветром гнало ее к кораблям, укрывшимся от непогоды. Рогатая гостья, войдя в бухту, могла вызвать панику и натворить немало бед.

Первым мину заметил наблюдатель Панцырного, поэтому лейтенанту было приказано уничтожить ее.

Расстрелять мину из пушки не удалось: она дрейфовала, приплясывая на волнах, вне сектора обстрела. Запускать моторы, сниматься с якоря и разворачиваться в тесной бухте не хотелось. Панцырный решил расстрелять мину из винтовок.

Высадившись со старшиной Жаворонковым на скалистый берег, они вдвоем перебежали к тому месту, куда, по их предположениям, могло пригнать мину, залегли в камнях и стали ждать.

Мина, то поднимаясь на волнах, то опускаясь в провалы, приближалась. Катерники хорошо разглядели ее. Она была не круглой, а цилиндрической, сильно поржавленной. Обросла ракушками и водорослями. Пять колпачков-взрывателей торчали черными рожками. Донное чудовище, видно, было заброшено в эти воды еще в первую мировую войну. Сейчас оно всплыло, чтобы участвовать в новом сражении.

Лейтенант, велев старшине лечь за солидный валун, прицелился с упора в один из колпачков мины и, выстрелив, прижался к земле. Он ждал оглушительного взрыва, но мина молчала.

Прошла одна минута... другая... Лейтенант поднял голову и увидел, что мина спокойно покачивается на волнах, хотя у нее осталось только четыре рожка, пятый был сбит.

— А ну, старшина, — сказал он Жаворонкову, — дай-ка ей по другому рогу. Может, у тебя треснет.

Старшина не зря считался отличным стрелком. С первого же выстрела он сбил колпачок, а мина лишь лениво колыхнулась и продолжала молчать.

Что же с ней делать? Катерники поднялись и, прыгая с камня на камень, приблизились шагов на тридцать, чтобы лучше разглядеть мину. И в этот момент ее подхватила накатная волна, вознесла на гребень и... швырнула на камни отмели.

Лейтенант и старшина повалились, стремясь вжаться в мокрую землю. Минуты три они не поднимали голов, ожидая взрыва.

Взрыву, видно, помешал преклонный возраст мины, даже вмятина в боку не расшевелила ее. Похожая на

замшелое морское чудовище, она лежала среди отполированных волнами камней, и водоросли на ней шевелились.

Пришлось вызвать минеров. Специалисты пригляделись к незваной гостье и определили:

— Русская, гальвано-ударная, допотопного образца. Своих старушка, видно, не трогает. Она на германцев поставлена, но надоело столько лет без дела на дне болтаться, вот и всплыла.

Минеры приладили к мине взрывпатрон и, попросив всех отойти подальше, подожгли бикфордов шнур. Через две минуты старушка показала свой нрав: так рявкнула, что всколыхнулся воздух и затряслась земля. Вверх на сотню метров полетели камни, а на берегу образовалась глубокая яма, которая не сразу наполнилась водой. Если бы мина взорвалась, когда ее выбросило на берег, то от лейтенанта и старшины немного бы осталось.

Потом потекли довольно спокойные дни, хотя шторм не унимался. Катерников лишь изредка посылали в дозор, а все остальное время они отстаивались под скалой. Бухту финны обстреливали, но снаряды пролетали над катером и рвались в стороне.

Когда шторм несколько стих, стали прибывать корабли, благополучно прошедшие по двум фарватерам через минные поля. У МО-210 вновь началась кочевая и опасная жизнь. Он ходил в море встречать караваны. Охранял их на рейде, нес дозорную службу под артиллерийским обстрелом.

Прибывшие корабли в этот раз должны были забрать всех ханковцев. Погрузка длилась несколько суток. Людей удалось разместить, а часть имущества, боеприпасов и провианта некуда было деть. Корабли и так оказались перегруженными до предела. Решили лишнее утопить. Не оставлять же противнику машины, повозки, боеприпасы и провиант! Таково безумие войны — сознательно уничтожались продукты, которые могли продлить жизнь многим блокадникам.

С болью в сердце смотрели моряки, как интенданты «списывают» в море добро, и каждый старался найти на корабле еще какой-нибудь закоулок, куда можно что-нибудь легкое затолкать — сушеный лук, картофель, галеты, кукурузные хлопья, толокно.

Катерники заполнили продуктами рундуки в кубриках, форпики и ахтерпики, свободные проходы. «Если придется в море спасать людей, лишнее сбросим за борт», — решили они.

На рейд корабли выходили глубоко осевшими. Сперва Ханко покинули тихоходы, затем стали готовиться в путь корабли с мощными машинами.

Катер Панцырного получил приказание идти в охранении теплохода «Иосиф Сталин». В трюмах этого океанского красавца были погружены снаряды и мука.

В каютах размещались раненые. Их было много — целый госпиталь.

Поздно вечером эскадра снялась с якорей. МО-210 занял свое место в походном строю в пятидесяти метрах от левого борта теплохода.

Вдали виднелся опустевший городок. По его заминированным улицам бродили только оставленные кошки. Дома, деревья, столбы и скалы от наклеенных листовок и писем Маннергейму стали пестрыми. Все, что имело хоть какую-нибудь ценность, — изрублено, поломано, уничтожено. На полуострове остались лишь команды саперов и подрывников. Они будут догонять эскадру на торпедных и пограничных катерах.

Погода выдалась неблагоприятной для похода. Волнение усиливалось. Резкий ветер дул в корму. Он как бы подгонял корабли быстрей пройти опасные места.

Луна то пряталась за клубящиеся беспокойные облака, то выглядывала на несколько минут, чтобы посеребрить черные силуэты кораблей.

Эскадра, развив хорошую скорость, к двум часам ночи вышла к большому минному полю, перегораживающему самую узкую часть Финского залива. И здесь почти на траверзе Таллина раздались первые взрывы.

Чтобы запись была предельно точной, я заглянул в черновые записи Панцырного, сделанные им карандашом. Блокнотные листки подмокли, цифры и слова расплылись. Как я ни всматривался — ничего разглядеть не мог. Попросил Панцырного расшифровать сокращения. Он согласился, но сам задумывался над каждой строчкой.

— Понимаете, сильно качало и окатывало. Перчатки намокли. Пальцы застыли... с трудом держал карандаш, — оправдывался лейтенант. — Пошло уже третье

декабря. Ровно в два часа десять минут раздался взрыв по левому борту теплохода. Взрыв сильный, подбросило даже наш катер, хотя мы шли стороной метрах в шестидесяти. Но теплоход двигался с прежней скоростью. «Значит, машины не повредило», — подумал я. Через десять минут новый взрыв, уже по правому борту. У теплохода заклинило руль. Вижу — разворачивается прямо на меня, словно уступая путь позади идущим. Я тоже отошел влево. Жду, что будет дальше. Слышу, загремела якорь-цепь теплохода.

Миноносец «Славный» обошел нас справа и вскоре застопорил ход. Остановился и концевой тральщик. А корабли, которые были впереди нас, продолжали двигаться. Вскоре они скрылись.

В половине третьего я записал, что ветер усилился до семи баллов. Видимость еще больше ухудшилась. Якорь теплохода, наверно, оторвался. Корабль развернуло почти на обратный курс и ветром сносило на зюйд-ост.

Я все время находился по левому борту, нес охранение. Взрывы, конечно, привлекли внимание противника. С берега принялись стрелять дальнобойные пушки, стремясь нащупать нас. Снаряды рвались с недолетом.

Ровно в три часа под кормой теплохода раздался новый взрыв. Пассажиры, требуя, чтобы их сняли с подбитого судна, принялись палить в воздух из автоматов и винтовок трассирующими пулями. Они не понимали, что помогают артиллеристам противника пристреляться.

Два быстроходных тральщика протралили на минном поле коридор к миноносцу. «Славный» задним ходом стал подходить к теплоходу. Он почти приблизился вплотную, осталось только подать буксирный конец... и в эту минуту в теплоход угодил крупнокалиберный снаряд. На полубаке во все стороны полетели красные и зеленые огни.

Миноносец, опасаясь нового попадания, быстро отошел на старое место и бросил якорь.

К «Славному» попытался было подойти один из вернувшихся МО, но командир миноносца, приняв его за торпедный катер противника, приказал открыть огонь.

С первого же залпа катер был накрыт. Он разлетел-

ся в щепки. Тральщик подобрал только двенадцать человек из всей команды.

Теплоход с сильным дифферентом на нос продолжал дрейфовать на минном поле. Его полубак был на уровне моря. Волны перекатывались по палубе. Стало ясно: таким притопленным миноносец не сможет его буксировать. Надо спасать людей. Я решил приблизиться.

Вокруг теплохода сновали тральщики и катера. Они, как и я, подходили к нему, пытаясь снять людей. Но делать это было трудно. Стоило подойти к борту, как обезумевшие пассажиры сверху сыпались на палубу. За одну минуту у меня очутилось человек сорок. Пришлось отойти.

В темноте я наткнулся на какие-то плавающие обломки, за которые держались люди. Даю приказание: «Подобрать тонущих!»

Вытаскивать полуживых людей из воды в штормовую погоду очень трудно. На обледенелой палубе ноги скользят. Катер то вздымается вверх, то летит вниз. Но мои ребята наловчились крюками подцеплять за одежду плавающих и, уловив момент, втягивать на катер.

Мы спасли еще человек десять, разместили их в кубриках и в машинном отсеке, где было жарко.

Тут ко мне приблизился МО-106. Капитан третьего ранга Капралов в мегафон спросил, сколько мы подобрали. Узнав, что мне некуда девать спасенных, он приказал идти к миноносцу.

Первым к «Славному» подошел МО-106. Но пришвартоваться к борту не смог. Волной катер поднимало выше палубы миноносца. Единственное, что можно было сделать, это подойти с кормы на бакштов. Капралов так и сделал. Он подал конец на корму миноносца и подтянулся. Но сгрузить всех людей не успел, катер бросило волной на миноносец. Затрещал форштевень.

Больше Капралов не пытался подходить к миноносцу.

— Скоро будет светать, — крикнул он мне. — Ты тут с таким перегрузом бесполезен. Пойдешь в охранении «Славного». В случае артобстрела прикроешь дымзавесой.

В семь часов двадцать пять минут «Славный» снялся с якоря и лег курсом на Гогланд. Я занял свое место по

левому борту. Пошли малым ходом, у миноносца что-то неладное было с машиной.

Ветер повернул, стал дуть с норд-оста. Волна встречная. Катер заливало. Он оброс льдом и сосульками. Время от времени я приказывал скалывать лед.

Вся одежда на мне промокла, стал похож на деда-мороза. Кругом посветлело. В далекой дымке виднелись башни Таллина.

В девять часов двадцать четыре минуты нас принялась обстреливать крупнокалиберная артиллерия с финского берега. Я прикрыл «Славного» такой дымзавесой, что сам не смог его разглядеть. Обстрел прекратился. Но как только дымзавесу развеяло, опять начали возникать белые столбы разрывов по курсу. Противник никак не мог приспособиться к скорости миноносца.

Механики «Славного» сумели на ходу исправить повреждения, и машины заработали, как им полагалось. Я едва поспевал идти впереди и тянуть за собой хвост густого дыма. Снаряды рвались близко, но ни один не угодил в нас.

По пути мы встретили миноносец «Свирепый», мощный буксир и спасательное судно. Они спешили на помощь к покинутому теплоходу.

«Не поздно ли их выслали?» — подумалось мне. Шторм не унимался. В просвете среди рваных облаков показалось тусклое солнце. Обледеневшие корабли засверкали как бриллиантовые. Красота была зловещей.

К Гогланду мы подошли в темноте. В бухту не войти. Огромные водяные валы с пушечным грохотом и ревом разбивались о волнорез. Ветер дул в корму. Нас бросало из стороны в сторону. Катер подхватило высокой накатной волной и боком внесло в проход бухты.

Здесь первым долгом мы высадили укачавшихся пассажиров. Шторм и морская болезнь сильно измотали ханковцев. Они едва брели, держась друг за дружку.

Мои ребята тоже устали, но у них хватило сил произвести приборку в помещениях. Только после того, как была наведена чистота, мы повалились на койки.

На другой день вернулся ходивший на поиски миноносец «Свирепый». Он, конечно, не нашел покинутый на минном поле теплоход. Куда тот делся — никто не знал, так как рация теплохода перестала действовать.

Доложив о себе лишь командиру дивизиона, я никому больше не показывался. Может быть, поэтому в течение двух суток о нашем существовании забыли. Мы как следует отоспались и подготовились к новому переходу.

Шестого декабря я получил приказ сопровождать в Кронштадт миноносец «Свирепый». Все корабли и войска в течение двух дней должны были покинуть Гогланд.

От Гогланда эскадра шла по чистой воде. За островом Лавенсаари — встретило сало, затем корабли вошли в сплошной лед и стали проламывать дорогу.

Деревянный МО для этого дела не приспособлен. Командир миноносца просигналил, чтобы я перешел в кильватер ему. Я так и сделал, но от этого не стало легче: льдины за кормой миноносца смыкались и так сдавливали катер, что он трещал.

Я попросил взять катер на буксир и подтянуть как можно ближе к корме.

На буксире идти было спокойней. Но длилось это недолго. В торосах «Свирепому» приходилось оставлять мой катер на месте, а самому с разгона проламывать лед. В такие минуты катер попадал в ледяные тиски. Он так кряхтел и трещал, что, казалось, вот-вот будет расплющен в лепешку.

Во льдах корабли продвигались черепашьей скоростью. В шестом часу утра катер дрогнул от удара и я услышал треск проламываемых досок. В левый борт ткнулась огромная льдина и поволокла катер в сторону.

Я сыграл аварийную тревогу. Механик обнаружил пробоины в машинном отделении и в районе бензобака. Пришлось создать крен на правый борт и на ходу заводить пластырь.

У Шепелевского маяка нас встретил ледокол. Он помог дотащиться до Кронштадта. Что будет дальше — не знаю. Говорят, будто катера вытащат на берег, а нас поселят в казармы. Значит, отплавались. Чего доброго, в пехоту отправят.

— А не хочется на сушу? — спросил я.

— Нет, с детства мечтал плавать.

— А ты из каких мест?

— Город Николаев, столица корабелов.

Я больше трех месяцев знаком с Валентином Панцырным, но ни разу у нас не было разговоров о личной жизни. Он украинец, но чисто говорит по-русски, так как много читает. Каюта у него завалена художественной литературой. К писателям лейтенант относится с необыкновенным уважением. Может быть, поэтому он так откровенен со мной.

Панцырный очень скромен в быту: он не курит, не пьет. В свободные минуты сидит уткнувшись в книгу. Вместо папирос получает конфеты.

— Я однолюб, — признался он мне. — Моя жинка такая, что после нее на других смотреть не захочешь. Ей двадцать один год, медичка. Но любит петь и выступать на сцене. Пошла работать в поликлинику кинофабрики. Чего доброго, актрисой сделается. Тогда я пропал, какойнибудь знаменитый приглянется.

— Лучше тебя она навряд ли найдет, — без лести сказал я ему.

Панцырный атлетически сложен, строен и по-мужскому красив. Таких обаятельных парней не часто встретишь.

На этом наш разговор прервался. Вбежавший в кают-компанию дежурный старшина доложил:

— На пирсе командир дивизиона и комиссар. С ними еще какие-то. . . к нам идут.

— Надо встречать гостей, — поднимаясь, со вздохом сказал лейтенант. — Не люблю, когда на катере начальство застревает. И я не хозяин, и матросам покоя нет. Командир дивизиона с Гогланда с нами обеспечивающим шел, теперь благополучное возвращение празднует. Не боевой катер, а ресторан «Поплавок».

С командиром дивизиона капитан-лейтенантом Клиентовым и комиссаром Молодцовым пришли пропагандист нашего политотдела Васильев, командир второго дивизиона Бочан и береговой служака, занимающийся кадрами, капитан третьего ранга Грушин.

Клиентов, который уже был на взводе, увидев меня, воскликнул:

— Добро! Банкет с представителем прессы. Панцырный, давай сюда кока. И вытаскивай канистру. Сейчас приготовим коньяк «Три косточки».

Лейтенант ушел и вскоре вернулся с коком и двадца-

тилитровой канистрой, наполненной техническим спиртом, раздобытым на Ханко.

— Никак не могу понять интендантское начальство, — сказал Клиентов. — Ведь сами пьют, а спирт портят. Заливают его черт знает какой гадостью, будто не знают, что русскому человеку все это нипочем. Он и с керосином пить будет. Принеси две миски, — приказал он коку. — И сообрази закусон на шестерых.

Когда кок принес две эмалированные миски, Клиентов одну из них наполнил спиртом, остро пахнувшим бензином, и поджег.

— Первым делом надо удалить бензин, — с видом знатока сообщил он нам. — У бензина пламя белое, у спирта синее. Улавливай оттенок.

Капитан-лейтенант выждал, когда в миске исчезли белые язычки пламени и появились голубые, затем он накрыл горящий спирт пустой миской и загасил его. Сняв ложечкой, а затем ваткой плававшие на поверхности жирные пятна, Клиентов объявил:

— Коньяк готов к употреблению.

Он разбавил приготовленный спирт водой и это мутное, почти молочного цвета питье разлил по жестяным кружкам.

Я понюхал, в нос ударил запах жженой галоши. Меня передернуло от отвращения. Это вызвало смех. А бывалый выпивоха Грушин посоветовал:

— Перед употреблением зажимайте нос, тогда проходит, как ликер.

Мы чокнулись и залпом выпили содержимое кружек. Спирт, несмотря на свой отвратительный запах, приятным теплом разлился внутри, а скоро ударил и в голову. За обильной едой развязались языки. В тесной кают-компании стало дымно и шумно.

Налив вновь разбавленного спирта, Клиентов признался:

— Если бы предстоял еще один такой поход, я, наверное бы, не выдержал. Невозможно слышать, когда кричит тонущий человек.

Он осушил свою кружку и, уставясь осоловелым взглядом в меня, спросил:

— Что — думаете слабонервный пьяница, не способный пойти в новый поход? Ошибаетесь! Пойду как ми-

ленький, и других поведу, пусть только прикажут. Ни при каких обстоятельствах приказ нельзя нарушать, мы люди военные. А напряженные нервы надо разряжать спиртным. Я это и делаю. Учуяли?

— Вполне. Я вас не осуждаю, наоборот — удивляюсь.

Панцырный не пил спирта. Я заметил, как его кружку подменил кок. Матросы любили своего командира и помогали ему оставаться таким, каким он хотел быть.

Мы просидели на катере допоздна и ушли не очень пьяными, потому что хороша была закуска. На прощание катерники подарили нам по банке шпрот и пригласили через день на пироги. Они договорились с какой-то кронштадтской старушкой, она будет им печь.

Панцырный не провожал нас. Он как-то незаметно исчез из накуренной кают-компании, а когда я заглянул в его крошечную каюту, то увидел, что он сидит на койке и с увлечением читает книгу.

8 декабря. Война охватывает весь мир. Япония напала на базу американского флота в Тихом океане. Был налет и на английскую крепость Сингапур.

9 декабря. Пирогов нам не удалось отведать. На кораблях, вернувшихся с Ханко, прошла проверка. Все неучтенные продукты, вывезенные самодеятельно, изъяты. Катерники, отдавшие муку, консервы, рис и сушеные овощи, садятся на блокадный паек береговиков. После обильной и сытной походной пищи они тяжело переносят недоедание. Облазали все закоулки на катере в поисках — не осталось ли чего из ханковских продуктов? Ведь их запихивали в каждую свободную щелку. Нашли только пачку галет и несколько банок с витаминами.

Ленинград, говорят, получил отдушину: действует проложенная по льду Ладожского озера дорога. Машины по ней везут в Ленинград снаряды, горючее, продукты и вывозят за кольцо блокады гражданское население.

10 декабря. Еще не все наши корабли вернулись с островов. Многие из них попали в тяжелое положение во

льдах. Вчера я видел комиссара ТЩ-67 политрука Соловьева. Он едва волочит ноги, так как со всей командой «ижорца» проделал пеший переход по торосам. Я записал его рассказ.

В ТОРОСАХ

Нашему дредноуту не повезло. Все время целыми из всех передряг уходили, а вот во льдах попались.

Послали нас на Лавенсаари баржу с имуществом островитян отбуксировать. Пришли на остров, смотрим — уголь кончается. Где его взять? Хорошо, что у островитян кое-что в бункере осталось. Мы тонны три мелочи наскребли, на саночках в мешках этот уголь на свой «ижорец» переправили. Пресной воды ведрами в баки натаскали. В общем, кое-как заправились на обратный путь.

Залив уже затянуло льдом. Но лед оказался не очень крепким. Наш тралец его с разгону проламывал. Пятнадцать метров вперед, десять назад. Так всю ночь. Чапали тем же ходом и следующий день. Измучились.

На траверзе Толбухина маяка, в трех милях южнее фарватера крепко застряли в торосистом льду. К нам на помощь стал пробиваться ледокол «Октябрь». Но он был маломощным, приближался черепашьим шагом.

В это время «костыль» в воздухе появился. Покружил на высоте и улетел.

«Октябрь» пробился к нам, когда начало смеркаться, но тут два бомбардировщика «Ю-88» с тем же «костылем» появились. Мы, конечно, огонь из пушки и винтовок открыли.

«Костыль» спикировал на «Октябрь» и весь расчет у пушки перебил.

Бомбардировщики, уже без опасений, принялись нас бомбить.

Одна «двухсотка», упав на лед, закружилась волчком и по инерции заскользила к нам. Я показал на нее командиру. Он втянул голову в воротник полушубка и смотрел на нее как загипнотизированный. К счастью, в этой бомбе взрыватель не сработал. Она подкатилась почти к борту. Но другие бомбы сделали свое дело: одна уто-

пила баржу, другая пробила палубу «Октября» и взорвалась внутри корабля. На ледоколе начался пожар. Не успел я послать на спасение боцманскую команду, как две бомбы проломили лед рядом с нашим тральцом. Взрывом корабль подбросило и засыпало осколками льда. Но он не сразу утонул, а сперва повис на привальном брусе. Подпоркой нам были сомкнувшиеся торосы.

Взрывом сдвинуло с мест машины и котлы. Двух машинистов и механика обварило паром. Мы их с трудом выволокли наверх.

Корабль стал медленно крениться. Швы у него разошлись, в щели хлынула вода. Командир приказал вынести раненых на лед.

Нам удалось сбросить за борт одеяла, несколько шинелей, компас, фонарь и все, что было в провизионке. И тут услышали новую команду: «Всем покинуть корабль, сойти на лед!»

Наш тралец зачмокал, засопел, черпая бортом воду, и через три минуты затонул. Вместе с пузырьками наверх всплыли срез бочки, шлюпка, пробитая самолетом, и два деревянных трапа.

Мы выловили из майны несколько человек с затонувшего «Октября», дали им сухую одежду и стали думать, что делать дальше. Оставаться на льду было рискованно. Радиопередатчика не было, а без него как сообщишь, что мы сидим на льду? Решили идти пешком к Кронштадту.

Все имущество и раненых мы уложили на трапы, впряглись в них, как в сани, и поволокли по льду. Впереди с компасом и фонарем шел командир, а мы на некотором расстоянии от него. Он просматривал, нет ли впереди майн.

По гладкому льду трапы скользили хорошо, почти тянуть не приходилось. А на торосах беда: то один, то другой застревал. От толчков обваренные вскрикивали и просили: «Полегче, братцы, полегче, и так терпежа нет». Приходилось всей командой поднимать трап на руки и переносить на гладкое место.

Измучились мы так, что ноги не держали. То и дело кто-нибудь валился на лед и говорил: «Я чуток отдохну и догоню вас». Известно, как такой измученный человек догонит. Уснет и вмерзнет в лед.

Я, конечно, не позволил лежать. Даже прикрикивал на некоторых и в спину толкал. Простые уговоры уже не действовали. Для взбадривания лгать приходилось: «Уже недалеко, скоро дойдем». А тащиться нужно было больше двадцати километров.

Машинист Лобза в трещину провалился. Полные ботинки воды набрал, а сразу не вылил. Ноги у него обледенели, стали разъезжаться, ступить не может. Я помог ему содрать жесткие, словно жестяные ботинки и отдал свои меховые рукавицы. Лобза приладил их на ноги, подвязал бинтами и шагал как в тапочках. И матросы с ледокола, потерявшие ботинки, шагали окутав ноги тряпками.

Со стороны мы, наверное, походили на цыган, переживших бедствие. Брели, спотыкаясь, упавших поднимали и укладывали на трапы. Только к утру добрались до форта Южный. Там нас сначала встретили окриком: «Стой, стрелять будем!» А потом напоили горячим чаем, перевязали раненых и всех уложили спать в теплом помещении на сухих матрацах.

Так что остались мы без корабля. Будем теперь служить на другом. А может, в морскую пехоту спишут.

* * *

Буржуазные историки, прежде всего западногерманские, разумеется, выискивают разные причины, почему немцы были остановлены под Ленинградом и не сумели ворваться в город. Одни это объясняют тем, что Гитлер приказал перебросить некоторые танковые части с Ленинградского фронта под Москву, другие ссылаются на бездорожье, третьи и вовсе несут околесицу: немцы, видите ли, не стали входить в город, так как была опасность погибнуть под руинами. Но и среди буржуазных историков находятся люди, которые сумели понять главную причину. Генерал Курт Типпельскирх в книге «История второй мировой войны» по-своему откровенно написал:

«Немецкие войска дошли до южных предместий города, однако ввиду упорнейшего сопротивления обороняющихся войск, усиленных фанатичными ленинградскими рабочими, ожидаемого успеха не было».

Не сумев захватить город Ленина с ходу, штурмом, гитлеровцы решили сломить сопротивление ленинградцев длительной блокадой. В «Истории Великой Отечественной войны» опубликован документ оперативного отдела немецкого генерального штаба. В нем было расписано, как произойдет расправа с непокорными ленинградцами.

«...Сначала мы блокируем Ленинград (герметически) и разрушаем город, если возможно, артиллерией и авиацией... Когда террор и голод сделают свое дело, откроем отдельные ворота и выпустим безоружных людей... Остатки «гарнизона крепости» останутся там на зиму. Весной мы проникнем в город... вывезем все, что осталось живое, в глубь России или возьмем в плен, сравняем Ленинград с землей и передадим район севернее Невы Финляндии».

Вот что нам было уготовано! Но Гитлера и этот средневековый людоедский план не устраивал. Он приказал капитуляции не принимать, в город не входить, а сравнять его с землей издали.

Позже, на Нюрнбергском процессе, выискивая оправдание, военный преступник Иодль так объяснял причину появления чудовищного приказа:

«Верховный главнокомандующий группы армий «Север» под Ленинградом фельдмаршал фон Лееб сообщал нам, что он будет абсолютно не в состоянии обеспечить питание и снабжение миллионов ленинградцев, если они попадут в его руки, поскольку положение со снабжением его собственной группы армий стало в то время катастрофическим. Это была первая причина. Однако незадолго до того русские армии оставили Киев, и едва только мы заняли город, как в нем начались один за другим взрывы чудовищной силы. Большая часть внутреннего города сгорела, пятьдесят тысяч человек остались без крова, немецкие солдаты понесли значительные потери, поскольку подрывались большие массы взрывчатых веществ... Приказ преследовал только одну цель — оградить немецкие войска от таких катастроф, ибо в Харькове и Киеве взлетали на воздух целые штабы...»

По его словам, это и породило директиву гитлеровского командования от 7 октября 1941 года. В ней говорилось, что беженцев из Ленинграда следует отгонять огнем, если только они приблизятся к немецким пози-

циям, но всякое бегство «отдельных лиц» на восток, через небольшие бреши в блокаде, должно поощряться, поскольку оно может лишь усугубить хаос в восточной России. И дальше объяснялось, как обстрелами и бомбардировками надо разрушить город.

Юрг Майстер, который выдает себя за объективного историка, потому что он-де уроженец не Германии, а Швейцарии, так оценил ханковскую операцию:

«Русские части под командованием генерала Кабанова проявили во время обороны Ханко, а также при организации проведения конвоев совершенно необычную для советских войск инициативу. Вывоз гарнизона был первым тактическим и стратегическим успехом Советского флота».

И тут же этот «объективный» историк пишет:

«Положение Ленинграда было исключительно тяжелым. Численный состав гарнизона был невелик, недоставало продовольствия, горючего и прочих предметов потребления. Правда, из сильно потрепанных дивизий, отступивших из Ревеля и Ханко, были выделены для ленинградского гарнизона подкрепления, а зимой в окопы отправлены даже моряки. Однако и немецкие войска уже не располагали достаточными силами для занятия ослабшего и павшего духом города».

Юрг Майстер и через пятнадцать лет не пожелал заметить, что ленинградцы отнюдь не пали духом, а наоборот — были полны решимости разорвать кольцо блокады и изгнать оккупантов со своей земли.

Мы, кронштадтцы, ни на минуту не сомневались в победе и ради нее готовы были вынести и голод, и холод, и тьму.

БЛОКАДНАЯ ЗИМА

13 декабря 1941 года. Репродуктор у нас включен круглые сутки, так как все тревоги объявляются по радио.

Первые утренние известия слушаю сквозь сон. Сегодня они были такими, что я скатился с постели и, заорав «ура», поднял всех на ноги.

Под Москвой разгромлено несколько дивизий гитлеровцев. Наши войска отбили города Рогачев, Истру, Яхрому, Солнечногорск, Ефремов, Михайловск. Окружили Клин. Захвачены большие трофеи. Наступление продолжается.

Мы ждали этой вести, потому что верим в победу. Неужто наступил перелом в войне? Тогда держись, фашисты! Гнать будем отовсюду. Мы найдем в себе силы.

На кораблях, вмерзших в кронштадтский лед, ажиотаж: посыпались рапорты с просьбой отправить на сухопутный фронт. В море сейчас делать нечего, моряки рвутся на сушу, чтобы громить гитлеровцев. Нашим политотдельцам приходится сдерживать пыл, говорить о ремонте кораблей, о весенней кампании.

Мы в своей газете теперь ставим лозунг: «Смерть немецким оккупантам». Новшество, конечно, не моя инициатива, а предложение политуправления флота. Это значит, что надо быть беспощадным к врагу. Впрочем, и без призывов злости с избытком.

15 декабря. В девять часов утра была еще мгла. В небе виднелся бледный серпик луны. Деревья, провода, стены домов покрылись пушистым инеем.

Я побывал на кораблях, узнал, как они готовятся зимовать. Возвращался к себе в казарму в двенадцатом часу. Над заливом появилось стеклянное солнце. Над Петергофом вдруг возникла блекло расцвеченная арка радуги.

Вверху загудели наши истребители. На крыльях отчетливо виднелись красные звезды.

Началась артиллерийская пальба. Трудно было понять, «входящие» или «исходящие» рвались снаряды. В морозном воздухе звуки разносятся далеко.

За обедом я узнал, что наши войска отбили еще два города под Тулой.

16 декабря. Вчера вечером ледокол привел последние корабли с островов. Мы покинули свои базы на Балтике, чтобы сузить фронт. В наших руках остались лишь три острова — Лавенсаари, Сескар, Пенисаари. На Сескаре остался зимовать один из тихоходных тральщиков.

С последними кораблями прибыло и овровское начальство, руководившее на Гогланде спасением кораблей. Командир и комиссар ходят хмурыми. Финны по радио передали, что теплоход «Иосиф Сталин» придрейфовал к одному из островов и немцы на буксире притащили его в Таллин.

17 декабря. Совинформбюро сообщило, что нашими войсками взят город Калинин. Молодцы москвичи!

Сегодня потеплело. С утра шла артиллерийская дуэль с немецкими береговыми батареями.

21 декабря. Удивительная история произошла на стареньком эстонском пароходике, приспособленном для сторожевой службы в заливе. Во время ночной бомбежки пятидесятикилограммовая бомба через трубу влетела в топку. И не взорвалась. Кочегары вытащили ее клещами и не выбросили за борт, а по распоряжению «деда» — механика — оставили остудиться на палубе. К утру она вдруг взорвалась, разворотила всю корму. Видимо, была со взрывателем замедленного действия. Так по глупости скаредного «деда», которому для чего-то понадобилась бомба, выбыл из строя еще один сторожевик.

22 декабря. Полгода идет война. В Ленинграде положение тяжелое. Сто двадцать пять граммов черного хлеба, без круп и мяса, не могут утолить голод. Правда, продукты уже идут, они лежат грудами на той стороне Ладожского озера. Грузовики не успевают их перевозить по льду. В первую очередь надо перебросить патроны, снаряды, бензин и солярку.

Многие ленинградцы уже пухнут от голода. Кто не имел домашних припасов, обессилели, едва волочат ноги. Их поддерживает только надежда, что скоро блокада будет прорвана и по северной железной дороге пойдут поезда.

Вчера Совинформбюро передало, что армия Федюнинского разбила две дивизии и два пехотных полка у Ладожского озера. Хорошо, что существует радио и добрые вести могут порадовать блокадников. А как же в старые времена вести проникали к осажденным?

Ходят слухи, что войска Мерецкова тоже пробиваются к Ленинграду. Скорей бы они освободили хотя бы одну железнодорожную ветку!

Особую ярость в эти дни вызывают подлецы, которые в лихую пору заботятся только о себе и делают карьеру.

Все началось с письма, пришедшего в редакцию многотиражки. Его писал наш овровец, попавший на сухопутный фронт.

«Дорогая редакция, разыщите гада — старшину Ефима Сиванка, который окопался в тылу и шкодит, — просит боец. — Этот прохвост написал моей жене, что я

убит, и напросился рассказать, как все вышло. Когда она назначила ему встречу, он принес водки, консервов и стал приставать с ухаживаниями.

Отыщите кобеля и судите. Нечего ему околачиваться в тылу и соблазнять жен воинов. Пусть-ка повоюет со штрафниками. Боец Иван Хлынов».

— Сиванка я знаю, — сказал Клецко. — Это писарь Ломова. Он по совместительству стал почтальоном.

Я попросил Клецко о письме бойца никому ничего не говорить, так как сам займусь расследованием.

С письмом я пошел к военкому базы. Тот, прочитав жалобу, обозлился:

— Вот как ведут себя любимчики Белозерова! А он еще просил освободить его от политзанятий. Сейчас вызову этого Сиванка.

Но я остановил военкома и спросил:

— А тебя не поразило то, что он с водкой и консервами к женщине пришел? Ведь наши снабженцы говорят, что у них крупинки лишней нет. Откуда писарь добывает продукты?

— Верно, — задумался военком. — У нас излишков нет. Нужно последить.

Он не стал вызывать писаря, а принялся наблюдать за ним. Сиванок, выполнявший обязанности почтальона, имел возможность утром и вечером покидать территорию части. Кроме того, он часто получал командировки в Ленинград. Сумки почтальонной не носил, а ходил с чемоданчиком. Военком приказал часовым проверить его.

Часовой остановил Сиванка, когда тот собирался выйти из части, и потребовал открыть чемоданчик.

— Не открою, — заартачился писарь. — Несу вещи командира базы. Я ему сейчас доложу, что вы безобразничаете.

Он повернулся и кинулся к канцелярии. Часовой забил тревогу. Сиванка задержали и проверили содержимое чемоданчика. В нем оказалось восемь банок консервов.

— Откуда они у тебя? — спросил военком.

Побледневший писарь не знал, что сказать. В ящиках его стола обнаружили еще три банки шпрот и четвертушку головки сыра.

— Мне подарили ханковцы, — вдруг придумал Сиванок.

— Кто?

Но он не мог назвать ни одной фамилии. Писарь заговорил только у следователя.

Оказывается, на той барже, которая прибыла с Транзунда с нашей типографией, были еще ящики консервов, бочонки масла и головки сыра. Сгрузив типографию, снабженцы остальное не заприходовали. Баржу они отбуксировали к своим складам и, завалив дровами, заготовленными на зиму, оставили лишь узкий проход в трюм.

Для маскировки в трюме держали швабры, каустическую соду и зеленое мыло. Доступ к ним имели только кладовщик, писарь и заместитель начальника снабжения. Продукты брали по приказу командира базы и начальника снабжения, и, конечно, не забывали себя. Жрали в три горла, да еще обменивали консервы на водку.

Кроме того, писарь развозил продуктовые подарки нужным людям. Никто из нас в эту тяжелую зиму о повышении званий и не думал, а снабженцы нашили себе на рукава новые серебристые нашивки.

Те, кто преставил их к повышению, нашли оправдание: «Соединение-де разрослось, не годится людей с малыми званиями держать на больших должностях». Теперь все они арестованы и переданы в военный трибунал. Пощады, конечно, не будет.

23 декабря. Впервые в этом месяце я побывал в настоящей, жарко натопленной деревенской баньке. Ее построили бойцы постов наблюдения. Здесь большой котел горячей воды, запасены дубовые веники, а камни в парной накалены так, что выплеснутая из ковша вода словно взрывалась, с треском мгновенно превращалась в облако пара.

Наши отощавшие тела соскучились по теплу и мылу. Мы давно не видели друг друга голышом. Зрелище, нужно сказать, удручающее. У всех политотдельцев животы подтянуло, а под кожей резко выпирали «шпангоуты» —

так в шутку у нас называют ребра. Пропагандист Васильев с грустью заключил:

— Мослы лишь остались! И фаса нет, один профиль.

Мы все, конечно, испытывали небывалое блаженство, истязуя себя вениками и ощущая щекочущее покалывание крови в разомлевшем теле. Мягкий пар обволакивал, обнимал нас, а запахи смолистых бревен, смешанные с ароматом дубовых листьев, пьянили, кружили голову. . .

Но удовольствие, к сожалению, было недолгим. Начался обстрел. Снаряды рвались где-то вблизи на льду. В бане почему-то страшней, чем в казарме. Голышом ты чувствуешь себя беззащитным: боишься обваренным очутиться на снегу.

Мы ополоснули друг друга прохладной водой, насухо вытерлись и стали торопливо одеваться, чтобы покинуть опасное место.

24 декабря. У нас перемены: назначен новый командир ОВРа — бывший флагманский штурман, капитан второго ранга Ладинский. Говорят, что он отменно знает свое дело.

Мы теперь не кронштадтский ОВР, а всего Балтийского флота. В нашем соединении 170 вымпелов! Шестьдесят крупных кораблей и почти все катера МО. Мы не отдадим больше ни одного человека на сухопутный фронт. Весной наши корабли первыми должны открыть навигацию и очистить фарватеры от мин.

Два дня шел снег, дороги раскисли, затрудняли наступление наших войск под Москвой. Сегодня чуть подморозило, продвигаться будет легче.

Для поднятия духа солдат на Восточном фронте по радио выступил Гитлер. Он заверил, что знает о страданиях солдат и надеется на их терпение и строгое выполнение приказов. При этом пообещал применить в войне новое оружие, которое приведет к скорой победе. А неудачи под Москвой объяснил выравниванием фронта, чтобы перейти от маневренной войны к позиционной. О блицкриге уже ни слова! Понял, что молниеносной войны не получилось.

25 декабря. Ночью мы проснулись от грохота и сотрясений. Где-то рядом с казармой бухала «стотридцатка», и ей вторили другие батареи острова. От их пальбы дрожали стены старой казармы и жалко звякали стекла окон.

По сведениям разведки, в сочельник сменялись гитлеровские дивизии на Перешейке и Южном берегу, чтобы рождество отпраздновать в тыловых квартирах. Наши артиллеристы решили на прощание угостить их стальными пирогами со шрапнельной начинкой.

Сегодня «Ленинградская правда» принесла хорошую весть: рабочие вместо 250 граммов хлеба будут получать 350, а служащие — 200. Обещают выдать по карточкам крупы и мяса. Значит, подвоз налаживается.

6 декабря было разрешено выбираться из Ленинграда по льду Ладожского озера. Желающих оказалось много. С одного берега на другой потянулись вереницы людей с нагруженными саночками. Не все они рассчитали свои силы. Многие по пути садились отдыхать и больше не поднимались — замерзали. Пришлось посылать специальные машины подбирать уставших и обмороженных.

Сейчас пешие переходы по льду запрещены. Чтобы вывезти ленинградцев на Большую землю, мобилизованы все городские автобусы.

В осажденный город пришла новая беда: замерзли водопровод и канализация. За водой ленинградцы ходят на Неву.

31 декабря. Наши политотдельцы и «флажки» — флагманские специалисты, пользуясь флотским гостеприимством, умудряются дважды обедать и ужинать. Поедят на корабле и спешат к себе в кают-компанию, чтобы получить хотя бы второе и хлеб. И все равно остаются голодными. Это я испытал на себе. Столь не сытно наше питание.

На флоте радость: черноморские корабли высадили десанты на Крымское побережье. Заняты Керчь и Феодосия. По этому случаю Новый год будем встречать с вином.

1 января 1942 г. 0.50 м. Вечером политотдельцы разошлись по кораблям для собеседований. Я был на сторожевике «Коралл». Военкомом на этом корабле бывший кавалерист Еременко. У него в каюте на переборке накрест висят ярко надраенный клинок и украшенные черным серебром ножны. Про свою шашку он говорит с уважением и уверяет, что чистит ее чаще, чем зубы.

Еременко худощав, черноволос, по-кавалерийски строен. Зимней флотской шапке придал такую форму, что она стала похожей на кубанку. Носит ее чуть набекрень. У него не ботинки, а хромовые сапоги с начищенными до блеска голенищами. Так и ждешь — сейчас звякнут шпоры.

Он сам, а поэтому, видимо, и все его краснофлотцы, рвутся воевать на сушу. Они изучают ручной пулемет, бросают гранаты и ходят на лыжах. Если бы у них был конь, то военком, наверное, научил бы рубиться. Весенняя навигация его не волнует, он уверен, что попадет на сухопутный фронт. Зря его держат на корабле.

В кубрике я провел беседу с краснофлотцами и ужинал с командирами. Когда я уходил с корабля, то видел на льду у трапа детишек и женщин с котелками и бидончиками. Они ждали, когда кок вынесет остатки ужина и кастрюли, с которых можно наскрести пригарков.

Как женщины и ребятишки проникают к кораблям? Ведь в воротах стоят часовые. Видно, они пробираются по льду, далеко обходя часовых. Голод не тетка, чего не предпримешь, чтобы добыть немного супу и каши.

Наша парикмахерша утром работает в штабе и политотделе, а днем ходит по кораблям, стрижет и бреет ради обеда и ужина.

Новый год встречали в кают-компании казармы. Стоя выслушали выступление по радио Михаила Ивановича Калинина. Всесоюзный староста, поздравив советских людей с наступающим Новым годом, сообщил радостную весть: наши войска, разбив шесть корпусов гитлеровцев, взяли Калугу.

Прокричав «ура», мы выпили по полстакана красного вина. Потом завели патефон, ужинали и пили жиденькое пиво, добытое нашим политотдельцем Михайловым — бывшим кронштадтским судьей.

Ровно в 0.30 минут наша соседка «стотридцатка» открыла огонь по берегу, занятому противником. Она заглушила праздничную музыку и напомнила о блокаде.

2 января. В первый день нового года коки напекли пирогов с мясом и рисом. Всем досталось по куску. Проглотили и... остались голодными. А ведь когда-то пирогами наедались до отвала. Да и хлеба маловато. Нам пока ничего не прибавили.

Говорят, что наши лыжники прошли по льду к Гогланду и захватили остров. Потери — шесть человек.

Зря мы бросили остров, взорвав пушки и землянки. Его обязательно нужно вернуть. Гогланд стоит посреди залива. Весной он будет первой линией обороны Ленинграда. В его бухтах укроются наши сторожевые корабли и катера.

Пришел сборник политуправления по обмену опытом политической работы в боевой обстановке. Один из авторов расхвалил нашу многотиражку «Балтиец» за умелую подачу материалов, воспитывающих бесстрашие и мужество. Мое «войско» в честь этой похвалы прокричало «ура». Девушки уже не рвутся на фронт. Они убедились, что их работа необходима флоту.

8 января. Все наше начальство отбыло в Ленинград. Там ремонтируются крупные корабли. В Кронштадте остались заместители. Меня вызывают в Пубалт на совещание редакторов многотиражных газет, а поговорить о транспорте не с кем. Связываюсь по телефону со старшим политруком Семеновым — редактором многотиражки «Огневой щит». Тот посоветовал:

— Приходи к шести утра к четвертой северной казарме. Пойдет грузовая машина с медиками. Только не опоздай. На улице мороз. В заливе еще холодней. В открытой машине замерзнешь.

В казарме остались валенки одного из инструкторов политотдела. Решаю надеть их. Но в Ленинграде погода капризная: сегодня мороз, а завтра — оттепель. В валенках по воде не будешь ходить. Запихиваю в вещевой мешок сапоги.

Печатник принес еще мокрые листы оттисков последнего номера газеты. Я вычитал их, подписал и попросил разбудить меня в пять утра.

Сегодня улягусь спать раньше. Предстоит нелегкий путь.

11 января. Вот я и в Ленинграде. Пишу в теплой и светлой каюте на корабле. Мы добирались из Кронштадта в Ленинград больше десяти часов, и не просто, а с преодолением препятствий и приключениями.

На эвакопункте ко мне и Семенову присоединился политрук Кронфельд, редактировавший многотиражку фортов. Медики не хотели троих брать на свою трехтонку. Шофер уверял, что у машины плохие скаты, ее нельзя перегружать. Но его заставили посадить нас и еще двух женщин.

Мы выкатили на лед первыми. Ночью была метель. Дорогу во многих местах замело так, что машина застревала. Нам приходилось соскакивать на лед и дружно толкать трехтонку. А она буксовала, обдавая нас ошметками снега.

Восемь километров ледовой дороги мы преодолевали часа два. А когда выбрались на берег и миновали контрольный пункт, шофер объявил:

— Дальше машина не пойдет, кончилось масло. Буду ждать, когда его подвезут.

И он стал закрывать одеялами капот грузовика. Зная шоферские уловки, я остался сидеть в кузове. Но мои спутники спрыгнули в снег и стали звать:

— Плюнь. Тут до вокзала недалеко. Поедем в Ленинград поездом.

И я пошел с ними. Когда мы свернули на тропу, ведущую к вокзалу, то увидели, как наша трехтонка газанула и умчалась на приморское шоссе. Подлец шофер обманул нас.

Недалеко от железнодорожного пути мы увидели труп, завернутый в половик. Конечно, заволновались: «Кто такой? Почему труп брошен?»

Две школьницы, проходившие с сумками мимо, сказали:

— Это Водовозов, он третий день валяется.

Нас удивило равнодушие девочек. В Кронштадте убитых и раненых убирали быстро. Значит, они здесь нагляделись такого, чего мы не знаем.

На вокзале нам сказали, что поезда не ходят уже второй день. Нет дров. Ждать бесполезно.

Как же добраться до Ленинграда? Мы вышли на приморское шоссе. Там увидели еще одного мечущегося кронштадтского редактора.

— Машины не останавливаются, — сказал он. — Проносятся мимо. Больше часа голосую.

Тогда мы решили не стесняться: вытащили пистолеты и выстроились на дороге.

Мчавшаяся пятитонка, нагруженная пустыми железными бочками, замедлила ход и остановилась. Из шоферской кабины выскочил капитан.

— Что за безобразие! По какому праву машины останавливаете?

— Нам надо в Ленинград, а по-иному вас не остановишь.

— Никого не беру, у меня скаты плохие.

Но мы не поверили ему, все забрались в кузов и даже втащили к себе двух медичек. Капитан, видя, что с нами ничего не поделаешь, махнул рукой и скрылся в кабине шофера.

Грузовик дернулся и понесся по избитой дороге, бренча бочками.

Чтобы спокойней было ехать, мы все бочки поставили «на попа», а сами сгрудились у кабины. Но и здесь пронизывал колючий холод. Мороз был не менее двадцати градусов. Встречный ветер резал щеки ножами, слеплял веки.

Я повернулся спиной к ветру и увидел перед собой молодую медичку, которая, не снимая с плеч вещевого мешка, лежала грудью на бочке, а руки засунула в рукава. Мороз выбелил ей поднятый воротник шинели, выбившиеся из-под шапки прядки волос, брови и ресницы. Лицо и лоб у нее покраснели от холода, а левая щека и край подбородка начали белеть.

«Обморозится», — подумал я, и посоветовал девушке растереть лицо. Но она так окоченела, что не могла шевелить пальцами.

Мы сняли с нее вещевой мешок и принялись расти-

рать плечи, пальцы, щеку... Делали это старательно, но, видно, не очень умело, потому что девушка принялась отбиваться:

— Хватит... довольно... вы содрали кожу... болит!

И на глазах у нее выступили слезы. Пришлось припугнуть.

— Не плачьте! Слипнутся ресницы, не раскроете глаза.

И медичка мгновенно умолкла, а затем уже сама вытерла платком лицо досуха. Оно у нее пылало.

Пятитонка довезла нас до Каменного острова. Здесь машина сворачивала к складам, укрытым в парке. Мы все сошли на дорогу и отправились дальше пешком.

Первое, что нас потрясло, — это обилие трупов. Потоки саночек и спаренных лыж, на которых, словно мумии, лежали завернутые в простыни либо в портьеры, занавески и ковры ленинградцы, умершие от истощения.

Впрягшись по два-три человека в импровизированные сани, тащили покойников на кладбище подростки и женщины. Мужчины встречались редко. А кто не мог раздобыть лыж или саней, волочили своих родственников в оцинкованных лоханях, в длинных, грубо сколоченных ящиках из фанеры, поставленных на полозья.

Некоторых силы покидали в пути. Они садились на саночки с трупами и понуро отдыхали, а может быть, медленно умирали.

Мы подошли к двум женщинам, закутанным в шерстяные платки, перекрещенные на груди.

— Вам дурно? Чем можем помочь?

На нас уставились непомерно большие, скорбные глаза.

— Вы же не пойдете с нами на кладбище? — с трудом проговорила одна.

— Нет, спешим.

— Тогда обойдемся... дотащим как-нибудь сами.

Двум ремесленникам, везшим в ящике убитую снарядом мать, мы дали по сухарю. Они тут же начали их грызть.

Медичка спросила:

— А отец у вас есть?

— На фронте, — ответил, хмурясь, старший. — В том месяце писал.

— Куда же вы теперь денетесь?

— Перейдем жить на завод. Нам позволили.

Трамвайная линия на Кировском проспекте была погребена под толстым слоем плотно утоптанного снега. Автобусы не ходили. Пешеходы шагали прямо по мостовой. Многие из них тащили за собой детские саночки. Саночки в городе стали главным видом транспорта.

На площади Льва Толстого застряла пятитонка. Издали показалось, что она загружена сеном, прикрытым брезентом, а когда мы подошли ближе, то увидели, что в кузове горой лежат окостенелые на морозе трупы.

Уже было два часа дня. Вдруг начался артиллерийский обстрел. Снаряды с характерным шуршанием и свистом пролетали над нами и хлестко разрывались где-то вблизи за домами. Эхо повторяло грохот.

— Сейчас накроет, — сказал Семенов. — Надо бы переждать.

Мы поспешили под сводчатую арку ворот и там, прижавшись к стене, стали прислушиваться. Это вызвало у проходившей мимо ленинградки презрение:

— Тоже вояки! Обстрела испугались!

Нам стало неловко. Сделав вид, что мы укрылись от ветра только покурить, подымили малость и вышли на панель. Впереди на мостовой вспыхнул оранжевый клубок разрыва. Зацокали по стенке дома осколки, и с верхних этажей посыпались стекла. Глупо было шагать навстречу опасности, когда вокруг были надежные укрытия, но так поступали ленинградцы, и нам не хотелось позориться.

В переулке почти против кинофабрики в зеленоватый пивной киоск угодил шальной снаряд и разбил его в щепы. К месту взрыва мгновенно кинулись женщины и принялись растаскивать обломки. Их не пугала смерть — необходимы были щепки, чтобы сварить обед и хоть немного погреться у жестяных печурок, которые, как в дни гражданской войны, вошли в быт блокадников.

У памятника «Стерегущему» сворачиваем вправо и шагаем вдоль парка. Мороз выбелил поблескивающей изморозью стены домов, столбы, деревья. В Зоологическом саду тишина. Там уже нет ни зверей, ни птиц.

Мы не привыкли к длительной ходьбе, быстро взмокли и выдохлись. У стадиона имени Ленина сели отды-

хать. Потом, едва волоча отяжелевшие ноги, пересекли мост и, изнемогая от усталости, дотащились до Морской Академии. Здесь выяснилось, что свои продовольственные аттестаты мы должны сдать в столовую Дома флота.

Аттестаты у нас приняли, но поесть не дали.

— Приходите завтра, сегодня на вас не выписали.

— Но у нас же пропадает питание за целый день.

— Нас это не касается. Надо было в Кронштадте взять сухим пайком.

Никакие уговоры не помогли. В Ленинграде на учете каждая крупинка. Здесь морское гостеприимство уже не действует. Нам только разрешили налить в кружки горячего кипятку.

В Доме флота ютились композиторы. Все они собрались в столовой у рояля и проигрывали только что сочиненную песню. Я не стал слушать, надо было устраиваться на ночлег. Куда же идти? Решил разыскать на Неве минный заградитель «Урал». На нем теперь находилось наше начальство и политотдел.

На всякий случай я подошел к телефону и позвонил домой. И мне вдруг ответила теща. Она очень обрадовалась, услышав мой голос.

— Приходи, покажись. У нас на кухне тепло, можешь переночевать.

— Спасибо, — поблагодарил я, — постараюсь прийти.

Это чудо, что в холодном, обледеневшем городе действует телефон.

Я захватил из Кронштадта письма политотдельцев. Первым делом нужно было отнести их на «Урал». Перейдя на другую сторону застывшей Невы по Дворцовому мосту, слева я увидел знакомые скошенные мачты «Полярной звезды». Яхта стояла вмерзшей в лед прямо перед дворцом.

Издали она казалась сказочным кораблем, построенным из хрусталя. Борта выбелило. Весь такелаж покрыло пушистым инеем. С антенны и труб свисали сосульки. На палубах — ни души. Словно все оцепенело от холода. Даже часовой у трапа, закутанный в длиннополый тулуп с поднятым заиндевевшим воротником, стоял неподвижно, точно замороженный. Но когда я подошел к нему вплотную, часовой, как бы очнувшись, козырнул. Он узнал бывшего редактора многотиражки.

— Где «Урал» стоит? — спросил я у него.

— У Летнего сада, третьим от нас, — доложил подводник.

«Урал» прежде был обыкновенным пассажирским пароходом. Лишь во время войны его вооружили пушками и превратили в минный заградитель. Показав дежурному по кораблю удостоверение, я прошел в носовую часть, где находились каюты политотдельцев. Но там никого не застал. Все ушли ужинать в кают-компанию.

«Ну и сглупил же, сдав аттестат в Доме флота! — принялся корить я себя. — Здесь бы меня обязательно покормили».

Досадуя, я прошел в каюту пропагандистов, снял шинель и взглянул в зеркало. На меня смотрел малознакомый морячок, с запавшими глазами и сильно похудевшим лицом. Чувствовалось, что он очень устал и ослаб: волосы на лбу слиплись, лицо покрывали капельки пота.

— Нда-а, братец, слабаком стал! — произнес я вслух. — Сможешь ли без ужина завтра ноги таскать?

И мне вдруг ответил голос Радуна:

— Ужин будет... устроим.

В дверях стоял ухмыляющийся бригадный комиссар.

— Почему вид такой заморенный? — спросил он. — Заболел?

— Никак нет, — ответил я. — Много пешком прошел... выдохся.

— А у нас машины не дали?

— Какое! Отказали.

— Ну, я этому новому задам. Будет знать, как игнорировать редактора, отмеченного флотской печатью.

Мне почудилась в его словах ирония. Я взглянул на бригадного комиссара, но не уловил насмешки в глазах.

Радун провел меня в свою каюту, усадил в кресло и, позвонив на камбуз, приказал принести два ужина.

Этакого товарищеского участия и внимания я не ожидал. Что случилось с Радуном? Ведь еще недавно он был равнодушен к газете. Неохотно читал ее и подписывал. А потом поручил этим делом заниматься заместителю начальника политотдела батальонному комиссару Фоманову. Тот сразу же принялся критиковать газету и учить:

— Слишком много у вас отсебятины. Возьмем хотя

бы передовку. Почему не заимствуешь из центральной печати? Я вот как делаю, когда надо политически крепкую статью написать: за основу беру передовую «Правды», кое-что из «Комсомолки» добавляю либо из «Звезды», а то из «Красного флота». И ко мне не придерешься — все политически правильно. Только надо с умом делать.

— Такую работу у нас называют плагиатом.

— Чего? Чего? .. — не понял Фоманов.

— Литературным воровством, — пояснил я.

Батальонный комиссар обиделся и, побагровев, пригрозил:

— Ну, гляди! Если чего наляпаешь — пощады не будет.

А когда газету похвалили, Фоманов бурно поздравил меня и сказал:

— Мы с тобой еще не такую будем выпускать. Пусть другие у нас учатся.

Радун, конечно, понимал, что от Фоманова новшеств в газете не дождешься, поэтому за ужином сказал:

— В феврале мы докладываем на Военном Совете о ремонте кораблей. Нужно выпустить несколько специальных номеров газеты и листовок. Сделайте так, чтобы не стыдно было показать людям.

— Ясно.

— Кого-нибудь в помощь дать?

— Обойдусь. Только намекните Фоманову, чтобы он не очень мешал.

Радун усмехнулся и неодобрительно покачал головой.

— Еще какие просьбы? — спросил он.

— Хочу сегодня попасть домой.

— Идите. Жить будете здесь, на «Урале».

На этом разговор наш кончился. Захватив с собой оставшееся печенье, я сошел с корабля и поспешил на канал Грибоедова.

По пути я догнал высокого мужчину в башлыке, который брел как-то неестественно выпрямившись и откидывая голову назад. Неожиданно он покачнулся и медленно, как столб, рухнул в снег. Я попытался его поднять, но мужчина странно выгибался и падал.

— Пьяный, что ли? — пробормотал я.

— Какие теперь пьяные! — возразила женщина. — Слабыми все стали, особенно мужчины, на ногах не держатся. Давайте доведем его хоть до подъезда какого, а тут он замерзнет, — предложила она.

Против моего дома находилась больница имени Перовской, ставшая военным госпиталем. Мы с трудом провели спотыкавшегося мужчину в вестибюль и посадили на скамейку.

— Раненый? — спросила дежурная санитарка, подняв фонарик.

— Да нет, вроде бы целый, — ответила моя помощница. — На канале с товарищем моряком подобрали... боялись — замерзнет.

— Целых не берем, — твердым голосом отрезала санитарка и, перестав светить, пошла к своему столику. — Забирайте обратно.

— А нам забирать его некуда, он незнакомый, — ответила пришедшая со мной женщина и пошла к выходу.

Я тоже подумал: «Куда же девать? Пусть в вестибюле отдохнет, все же не на снегу, а в доме». И, не обращая внимания на крики санитарки, вышел.

На лестнице нашего «недоскреба» было темно. Держась одной рукой за перила, я медленно поднимался. На площадке третьего этажа мои ноги наткнулись на препятствие. Я зажег спичку и увидел лежащую навзничь с раскинутыми руками дворничиху. Глаза у нее были открыты, зубы оскалены. Она, видимо, лежала здесь с утра, так как успела окоченеть.

В мирное время, неожиданно наткнувшись в темноте на труп, я, наверное, в ужасе бы вскрикнул и принялся сзывать людей, а теперь — огляделся, спокойно перешагнул и стал подниматься выше.

В темном и длинном коридоре пятого этажа я долго шарил руками по стене, пока нащупал свою дверь. Звонок не работал. На стук откликнулась теща, но она не решалась открывать запоры, потому что не узнала моего голоса. Это проделала более храбрая, почти гвардейского роста бывшая няня. Она теперь работала дворничихой в нашем доме.

В прихожей светила крохотная лампочка, — изобретение блокадников. Она не коптила, так как имела стекло, сделанное из мензурки, и мало сжигала керосина.

Теща, няня и сестра жены с ребенком ютились на кухне, где топилась плита, распространявшая тепло. Топливом служили щепки и слежавшиеся в старых сараях высушенные опилки.

На плите фырчал закипавший чайник. Я принес немного сахару и две банки витаминов «С», подаренных ханковцами. Угощать меня было нечем. Хозяйки устроили чаепитие. Витамином заправили кипяток, а сахар накололи крошечными кусочками.

Заложив за щеку осколочки сахара, я с удовольствием потягивал небольшими глотками красноватый чай из блюдечка и слушал невеселые рассказы.

Уже две недели население не получает по карточкам никаких продуктов, кроме хлеба. Но и хлеб похож на замазку, — в нем малая толика ржаной муки, а больше всяких примесей.

Все съедобное и полусъедобное пущено в пищу. Хозяйки пекут лепешки из картофельных очистков, жмыхов, костяной муки и... вымоченной горчицы. Варят казеин, сыромятные ремни, невыделанные кожи и засохшие кишки, завалявшиеся на складах. Приготовляют салаты из молодых побегов сосны, елей и листьев домашних фикусов.

Детгизовцы варят похлебку из клейстера, запасенного типографией для корешков и обложек книг.

Ленинградцы живут в неотапливаемых квартирах с замерзшими уборными и водопроводами. На весь город где-то на Васильевском острове действует одна баня. Но разве до нее мог кто добраться! Да и мыла нет. Наши моются в лохани на кухне.

Мертвых много. Хоронить некому. Говорят, что могилы на кладбище роют уже не лопатами, а экскаваторами да взрывчаткой и укладывают мертвецов штабелями.

Хуже всего с детьми. Для них не хватает цельного молока, которое поступает из пригородных совхозов лишь в детские ясли. А молоко консервированное и в порошке выдается редко и в таких дозах, что хватает на два-три дня.

У племянника непомерно большая голова и крошечное тельце. Он похож на беззубого старенького гномика. В глазах недетское страдание и тоска. Я принес сбереженные во время ужина две печенины. Юрик, дрожа от

нетерпения, схватил их, зажал в сморщенных, почти поцыплячьи худеньких лапках и начал жадно глодать голыми деснами.

Бабушка, жалостливо глядя на него, с печалью сказала:

— Не жилец он на этом свете. Как тут расти, когда ни молока, ни солнца не видит? На улицу мало выносим. То обстрел, то холодно. Да и сил нет. Живем точно в пещере — в полутьме да закутанные.

Редакторский семинар длился два дня. Инструктор отдела печати Пубалта, — батальонный комиссар Мишулис, — белоголовый, подслеповатый альбинос, — критиковал нас за нечеткие политические формулировки и слабые полосы газет. Со скрупулезностью придирчивого корректора Мишулис наловил множество «блох» и выговаривал за них скучным менторским тоном, не вникая в условия, при которых готовились газеты. Кроме раздражения и неприязни, он иных эмоций у нас не вызвал, так как советы его годились лишь для мирного времени, когда при хорошем свете можно разглядеть опечатки в оттисках и стол не дрожит от взрывов.

Вторым выступал мой бывший начальник — полковой комиссар Бобков. Он теперь в разведгруппе флота. Докладывая о положении дел на фронте, Бобков предупредил:

— Прошу никому не пересказывать то, что я вам доложу. Разведчик, как аптекарь, не чувствует специфических запахов. Могу проговориться. Мне уже влетело за одну информацию от Жданова, так что не подводите.

Но ничего особо секретного он нам не сообщил. Все, что Бобков говорил, мы знали из газет и бюллетеней пресс-бюро. Но настроение он нам испортил. Мы ждали намеков на скорое наступление и освобождение железных дорог, а он советовал запастись терпением и подтянуть ремни. Наш город пока будет снабжаться по льду. Больших запасов не сделаешь, так как грузовые машины преодолевают путь в 140 километров.

Потом выступил невысокий и худощавый контр-адмирал Грен. Он глуховат, говорит то очень громко, то так тихо, что не уловить слов. Речь шла о действиях ар-

тиллерии и ремонте пушек. Слушать его было интересно. Видно, что человек любит и знает свое дело.

Вечером нас пригласили на концерт. В Дом флота приехали артисты, но выступить им не удалось, так как неожиданно погас свет и пришло сообщение, что его не будет до утра.

На следующий день мы делились опытом работы в боевых условиях, а позже слушали доклад о ходе войны на Тихом океане.

В конце совещания с темпераментной речью выступил Всеволод Вишневский. Он призвал редакторов вести ежедневные подробные записи о войне на море и на суше. Это-де понадобится для истории. Ему долго хлопали.

Посему последнюю запись я сделал столь подробной и пространной. Впрочем, этому способствовал и электрический свет в каюте, при коптилке писать тошно.

14 января. На «Урале» на всех политотдельцев мест не хватает. Меня перевели жить на бывшую царскую яхту «Штандарт», превращенную в минный заградитель. Здесь я могу наблюдать за ремонтом и работать в отдельной каюте.

Модернизированная яхта имеет грозный вид, она похожа на легкий крейсер. На заводе стоит у стенки почти в том же месте, где в 1917 году ремонтировался крейсер «Аврора». Это отсюда в ночь на 25 октября с помощью буксиров революционный крейсер вышел в Неву и присоединился к восставшим.

Несмотря на тридцатиградусный мороз, на корабле светло и чисто. В жилых помещениях ежедневно проводится мокрая приборка. Кормят однообразно, но довольно сытно. Порт изготовил из черной муки подобие вермишели. Она идет в суп и на второе. В общем, едим с печеным хлебом заварной. Гарниров и подливок нет. Зато мы пьем по утрам кофе со сгущенным молоком. Оно выдается взамен масла и сахара.

Прежде, став на ремонт в док, военные моряки никаких забот не знали, потому что все делали заводские мастера и рабочие. Сейчас же перебирать машины, заменять изношенные детали и латать корпуса приходится

самим. Рабочих не хватает, а те, что приходят в цеха, едва двигаются. У них нет сил махать кувалдой, пилить и рубить металл, стоять у станков. Они могут быть только консультантами. Старшинам и краснофлотцам приходится самим делать отливки, поковки и обрабатывать их на станках.

Тяжело рабочему человеку в осажденном городе. Он, как фронтовик, находится на передовой линии, а паек получает мизерный. Сердце сжимается, когда видишь рабочих, выходящих в конце дня из цехов. Уже не слышно прежних шуток и смеха. Молча бредут высохшие и болезненно пожелтевшие судостроители. Каждый несет с собой котелок либо стеклянную банку с остатками жидкого супа, чтобы подкормить семью — жену и детей. Некоторые, чтобы не упасть, поддерживают друг друга. Если кто свалится, его обходят. Нет сил возиться с упавшим. А тот молчаливо лежит, в надежде, отдохнув, самостоятельно добраться до проходной.

Многих у проходной ждут жены с саночками. Они довезут кормильца до дому, а завтра опять притащат на завод. А кто потерял родных, старается с завода не уходить, он здесь днюет и ночует.

Завод часто обстреливается. Люди гибнут в цехах, не видя перед собой противника.

Чтобы сохранить специалистов корабельного дела, некоторых инженеров и опытных работников командование зачислило на морское довольствие. Корабелы обедают в кают-компании после нас и тайком сливают остатки супа в термосы, чтобы отнести домой.

Сегодня «Ленинградская правда» сообщила, что за первую половину января будет выдано по карточкам: 100 граммов мяса на едока и по 200 граммов круп и муки. Не очень жирно, если это разделить на пятнадцать дней.

17 января. Наши тральщики и сетевики ремонтируются и на Петрозаводе. Завод расположен на Неве, но в другом конце города. Я отправился туда пешком в потоке саночников.

В Ленинграде тротуары давно похоронены под сугробами. Все шагают посреди мостовых, благо транспорта

в городе немного. Лишь изредка, гудя, промчится легковушка или покрашенный мелом фронтовой грузовичок.

Стынущий на морозе город побелел и обледенел. Если бы не война и голод, то можно было бы любоваться толстым слоем пушистого инея, который покрыл стены домов, деревья, скрученные провода, застрявшие в пути трамваи, троллейбусы, чугунные столбы и баррикады, перекрывающие концы улиц. Даже пар, вырывающийся изо рта, мгновенно застывает и осыпается на одежду серебристой пудрой. Вместо неба над домами и потоками пешеходов висит белесая муть. Кажется, что никогда уже не пробьются через нее лучи солнца.

На улице Пестеля тихим пламенем горел четырехэтажный дом. Его жильцы, выбросив на снег свой скарб, запрудили улицу и безучастно смотрели, как пламя пожирает жилье.

Пожар возник по глупости жилицы. Старуха с третьего этажа, чтобы теплей было спать, затолкала под кровать жаровню с углями. Во сне она, видимо, ворочалась, а из прохудившегося матраца сыпалась труха. В общем, когда она проснулась, то комната была в дыму и огне...

Огонь гасить нечем. Вода в этом районе не идет. Пожарники беспомощны.

Подобные пожары в городе возникают часто, и люди на таком холоде остаются без жилищ. Погорельцев и разбомбленных поселяют в квартиры эвакуированных.

По дороге в нескольких местах видел в сугробах полузасыпанные снегом трупы. Скоро их совсем занесет. Какая страшная будет весна, когда снег растает, а нечистоты и трупы обнажатся. Тут жди эпидемий.

Ленинграду пора создавать санитарные отряды. А самих ленинградцев в спешном порядке вывозить в теплые края, где в изобилии есть продукты. Иначе будет поздно...

Мой путь пролегал мимо Смольного. В нем и сейчас обком и горком партии. Смольный хорошо закамуфлирован сетями. Сверху он, вероятно, походит на занесенный снегом парк.

Мне нужно было идти на завод через мост, но по льду показалось ближе. Я спустился на застывшую, торосистую Неву и перешел, увязая в снегу, на другую сторону. А там меня встретил часовой.

— Назад! — закричал он. — Нельзя здесь ходить!

На мою попытку объяснить, кто я такой, он щелкнул затвором и вскинул винтовку. Пришлось поворачивать и идти в обход.

У заводской проходной толпилось много женщин. Одни пришли с санками, другие принесли судки, чтобы получить из заводской столовой обед для заболевшего на работе мужа. Бестолковые вахтеры их почему-то не пропускали, ждали каких-то распоряжений директора.

Худая, с выбившимися из-под платка седыми волосами женщина кричала в телефонную трубку:

— Когда же ваша столярка сколотит гроб? Вы же обещали! Сколько ждать можно? Филипп уже десять дней в сенях лежит, похоронить не могу. Нельзя же обманывать! Войдите в положение...

Ей, видимо, отвечали, что столярка перегружена подобными заказами, что нужно подождать еще.

— Ну, нет! Я до директора дойду, — погрозилась женщина. — Он вас поторопит!

Дав отбой, она принялась звонить директору.

Ко мне прицепился мальчонка лет шести. Он был в засаленном отцовском ватнике, в черных чулках и больших ботинках. Дрожа от холода, заморыш спросил:

— Дяденька, нет ли папироски? Ну, пожалуйста.

— Тебе еще рано курить, — ответил я.

Мальчонка не отставал и продолжал канючить:

— Я не себе, папа послал. Просит хоть чинарика достать. «Смерть курить хочется». Дайте хоть махорочки, дяденька, вам же выдают... Папа сам бы попросил, но он ходить не может.

«Видимо, очень человек страдает без курева, если такого малыша на мороз послал», — подумал я и, вытащив три папироски, отдал их мальчонке.

Обрадовавшись, он спрятал добычу за отворот старой финской шапки и бегом помчался домой.

Я прошел на наши сетевики «Вятку» и «Онегу». Они стоят рядом. Эти корабли построены для одной цели: ставить в гаванях, проливах и в море оградительные противолодочные сети. Но в эту навигационную кампанию сетевики мало занимались своим делом, больше перебрасывали войска и пушки, так как, имея малую осадку, могли ходить по Неве и мелководью залива.

Сетевики не раз бывали под обстрелом и бомбежками. Они основательно износились и требовали капитального ремонта. А на завод рассчитывать не приходилось, он только давал кое-какие материалы да предоставлял морякам возможность работать в цехах.

Когда хочешь плавать на прочном и маневренном корабле с исправными машинами, то до всего дойдешь. На сетевиках нашлись изобретательные ребята. Они хитроумными камельками обогревали помещения, свет добывали из отслуживших свой век старых аккумуляторов, приспособив к ним крошечные аварийные лампочки.

Погревшись у камелька и выпив кружку горячего кофе, который краснофлотцы раздобыли в последнем походе на Ханко, я подробно записал, как были придуманы различные приспособления и найдены заменители. Опыт следовало распространить.

Возвращался я с Петрозавода более кратким путем.

Лед Невы был причудливо разрисован пересекавшимися тропинками. На всем протяжении реки виднелись темные фигуры. Многие ленинградцы тащили за собой санки, сгибаясь под тяжестью груза. Одни везли вязаночки дров, другие — в бидонах и ведрах — воду, третьи перевозили домашний скарб, четвертые — больных. Основная масса пешеходов — женщины. Что бы мы делали без них? Мужчины оказались более хрупкими, они выходят из строя быстрей.

Женщины вытачивают снаряды, отдают свою кровь, ухаживают за ранеными, обезвреживают неразорвавшиеся бомбы и снаряды, гасят пожары, присматривают за ребятишками, стоят за продуктами в очередях, ходят за водой на Неву, поддерживают порядок в домах... Да разве перечислишь все, что приходится делать женщинам в осажденном городе!

Лишения и заботы сильно изменили недавних франтих. Они одеваются во что попало, лишь бы согреться, не обморозиться. Самой модной одеждой стали ватные стеганые брюки, такие же ватные куртки и шерстяные платки. Но этой легкой одежды не хватает. В ход пошли долгополые допотопные шубы, салопы бабушек, манто. Чтобы они не волочились по земле и не мешали ходить, их подвязывают солдатскими ремнями и веревками.

Бредут женщины с тусклыми взглядами, опухшими лицами, с мешками под глазами. Впрочем, многие красят губы помадой, чтобы они не трескались на морозе.

Дорогие мои ленинградки, что же сделала с вами война! Ведь еще совсем недавно нас, военных моряков, вы встречали приветливыми взглядами и добрыми улыбками. Сейчас же некоторые блокадницы смотрят на нас отчужденно, почти враждебно, словно обвиняют: «Это вы так близко подпустили фашистов к городу и обрекли нас на муки!» Но озлобленных женщин немного. У большинства нет неприязни к военным, они просто потупляют взгляд или стыдливо отворачивают худые носатые лица, чтобы мы не могли разглядеть преждевременных морщин, синяков и «цыпок» под глазами. А если какая взглянет невзначай, то смущенно, как бы прося прощения за то, что она подурнела. Очень уж тяжела жизнь без воды, тепла и электрического света.

Если будем живы, то надо в самом центре города воздвигнуть памятник безымянной блокаднице — ленинградской женщине, которая взяла на себя тяготы осажденного города, сумела выжить и помочь мужчинам не сдаться врагу.

Ленинградка на монументе не будет выглядеть рослой и могучей, какой обычно изображают мать-Родину, ее надо делать хрупкой и худенькой. Ведь все величие ее в том, что вот такая на вид слабенькая женщина сохранила силу духа и сумела одолеть пещерную мглу, почти полюсный холод и смерть.

Ее надо поднять на пьедестал вместе с детскими саночками. И пусть в глазах ее светятся не слезы, а непримиримость. Слез не осталось, они давно выплаканы.

Все это я придумал в пути, едва передвигая ноги. На корабле мне повезло. Лекарский помощник, который увлекается стихами, увидев, как я промерз и устал, приготовил горячую хвойную ванну. Этакой благодати я не надеялся увидеть даже во сне. Мороз, тьма, а тут электрический свет и колышется зеленоватая прозрачная вода, которая приятно пахнет хвоей и прогревает тело, покрытое гусиными пупырышками.

Блаженствовал минут сорок.

Стрельбы сегодня нет, а может, я не слышал далеких разрывов.

20 января. Накопив много материала для газеты и листовок, я собрался в Кронштадт. Мороз усилился. Военком минзага Коваль, сочувствуя мне, приказал старшине из баталерки выдать на дорогу сухой паек, при этом добавил — «согревающий». Я получил большой сухарь, банку рыбных консервов и четвертинку водки. Навряд ли это можно назвать сухим пайком, но согреться и насытиться им можно.

До Горской наша машина добралась за восемьдесят минут. По пути четыре раза у нас проверяли пропуска. На лед не хотели пропускать: недавно был обстрел. Мы подошли к командиру контрольно-пропускного пункта и стали убеждать:

— На таком морозе вода мгновенно стынет. Чего вы опасаетесь, мы проскочим.

И он нас пропустил. А зря. Черная вода в полыньях еще не застыла. От нее поднимался пар и на ветре мгновенно превращался в колючую водяную пудру.

От каждой полыньи веером расходились трещины, из которых тоже проступала вода. Лед под нашей легковушкой колыхался и потрескивал. Только благодаря умелому маневрированию и скорости мы проскочили опасные места и довольно быстро добрались до Котлина. А там дежурному сказали, что грузовые машины нельзя выпускать на лед, утонут.

В таких случаях рисковать нелепо. Глупейшая гибель.

Мое «войско», пока я отсутствовал, несколько подраспустилось. Корректор занялась шитьем, а наборщицы и печатник за пять пачек концентрата гречневой каши печатали бланки для военторга. Клецко же, оставшийся за старшего, по-медвежьи отсыпался. Он прерывал дремоту лишь на завтрак, обед и ужин. От сна опух и стал каким-то серо-зеленым.

Взяв его в оборот, я спросил:

— Почему позволяете на нашей бумаге печатать бланки?

— Я здесь мелкая сошка, — стал жаловаться он. — Если прикажут — могу сказать только «есть», на большее у меня нет полномочий.

— А почему столько времени уделяете сну, когда не собран материал по ремонту кораблей?

— Сплю, чтобы не думать о еде, — начал дурашливо оправдываться он.

Я пригрозил, что если еще раз застану его днем спящим, то немедля отправлю на гауптвахту. А там, как известно, на сутки дают только кружку воды и сухарь, так что много об еде думать не придется.

Корректору и наборщицам вручаю текст листовок и приказываю:

— Приготовить оттиски к ужину. Все другие работы прекратить.

Военторговцы, узнав, что их бланки не печатаются, попытались воздействовать на меня через Фоманова. Заместитель начальника политотдела зашел в типографию и тоном хозяина сказал:

— Пусть твой Архипов печатает бланки. Это с моего разрешения.

— Мне устного разрешения мало, — возразил я. — Прошу письменный приказ, чтобы я под вашу ответственность приостановил выпуск газеты и принялся изводить бумагу на канцелярские бланки.

— Хочешь отношения обострить? — как бы удивляясь моей недальновидности, спросил он.

— Зачем же обострять? Просто не желаю отвечать перед Пубалтом за деяния доброго дяди. У меня бумаги на газету не хватает, приходится тираж уменьшать, а вам бланки понадобились.

— А кто же «добрый дядя»?

— Во всяком случае не я.

— Значит, письменного приказа будешь ждать? — не без угрозы спросил он. — Видно, забыл, что тут не бюрократическое учреждение, а воинская часть?

— Вот именно. Хочу, чтобы об этом все помнили.

23 января. Мы выпустили две листовки. Одну — гимн находчивым и умелым ремонтникам, дела которых приравниваем к боевым подвигам; вторую — обращение к механикам с полусотней советов, как выходить из трудных положений, если нет нужных деталей и материалов.

Я получил пачку писем. Они где-то скапливались и прорвались за кольцо блокады только сейчас. Вести не-

веселые. Жена пишет, что успела переболеть двухсторонним воспалением легких и чудом выжила.

Пришла весть и от брата Саши. Он партизанил в лужских лесах. Был комиссаром отряда. От ночевок в болотах получил воспаление среднего уха. Болезнь изнурила его. Ему поручили вывезти из лесов в неоккупированный район больных и обмороженных. Со своим отрядом он перешел линию фронта в Тосненском районе, где-то между Грузино и Киришами. Как подлечится, вновь вернется в свои леса. Мать и его жена с двумя девочками из Луги эвакуированы в Татарию.

Разбросала же нас война!

25 января. Мороз на заливе доходит до сорока градусов. Контрольные посты не выпускают пешеходов на лед. Ослабевшие люди на ветре быстро замерзают.

Вчера ленинградцам прибавили хлеба: рабочим по сто граммов, остальным — по пятьдесят. Суррогат хлеба стал основной пищей, поддерживающей жизнь. Из полученного пайка некоторые делают несколько сухариков и распределяют их на весь день. Когда голод становится нестерпимым, они берут частичку сухарика в рот и сосут, пока от него не останутся только осевки. Их не выплевывают, а старательно разжевывают и проглатывают.

На куске суррогатного хлеба долго не продержишься. Все ученые-химики и биологи мобилизованы на изыскание заменителей. Они нашли новое сырье для взрывчатых веществ и научились извлекать пищевые белки из технических сортов мыла, жиры — из красок. На бойне обнаружены запасы альбумина, полученного из переработанной крови животных. Он использовался для нужд промышленности. Сейчас же альбумин пущен на колбасы. К нему прибавляется соевый шрот и различные жмыхи. Колбаса довольно питательна. Побольше бы ее. Хорошо, что найдены залежи соленых и сушеных кишок. Из них изготовляют студни. Чтобы запах был менее отвратительным, в студни добавляют всякие специи.

Рабочим оборонных заводов выдается дополнительное питание: соевый кефир, котлеты и паштет из белковых дрожжей, желудевый кофе и... казеиновый клей.

Беды одна за другой обрушиваются на ленинградцев. Сегодня выбыла из строя центральная водонапорная станция. Она не получила электроэнергии. Хлебозаводы и другие предприятия остановились. Чтобы вовремя дать хлеб ленинградцам, на одном из хлебозаводов мобилизовали комсомольцев всего района. Они выстроились от завода до Невы и ведрами по цепочке передавали воду.

На помощь ленинградцам с дизелями на грузовиках поехали наши корабельные механики. Они наладят в городе подачу электроэнергии, хотя мы сами в Кронштадте работаем с коптилками или пользуемся мигающим светом движков.

28 января. Тускло светит самодельная толстая свечка, которую где-то раздобыл Клецко. Она шипит, трещит и почти не светит. Из какой смеси она сделана — не пойму. Но работать с этой свечкой невозможно. Слишком много шума и мало света. Зажигаю коптилку, сделанную из гильзы крупнокалиберного пулемета. Она коптит, но горит без мигания и треска.

Я живу в комнате, окно которой заколочено фанерой и засыпано опилками. Теперь я лучше понимаю ленинградцев, живущих без света в холодных квартирах. В нашем коридоре и на лестнице темно. Читать и писать при коптилке тошно: жирная копоть забивает нос, мешает дышать. А на улице долго не пробудешь, — свирепствует мороз. Каково сейчас в окопах?

Энергии нашего движка не хватает для мотора, накачивающего горячую воду в трубы и радиаторы отопления. В помещениях холодно, многие не снимают шинелей. Я сижу в меховой безрукавке и окоченевшими пальцами пишу.

Сегодня Пубалт передал телефонограмму: меня вызывают в Ленинград на совещание писателей. Оно состоится через неделю.

30 января. В Кронштадте положение с ремонтом кораблей почти такое же, как в Ленинграде. Разве только чаще обстреливается Морзавод. Его цеха гитлеровские артиллеристы видят в простой бинокль. Если бы не

контрбатарейная борьба, то завод давно был бы стерт с лица земли.

Весь заводской транспорт выбыл из строя. Тяжелые детали машин, моторы и погнутые винты моряки перевозят на санках. Лыжники ходят на залив с топорами и ломами и вырубают прибитый к Котлину плавник. Бревна идут на привальные брусья, доски на обшивку, а обломки — на топливо.

На кораблях устаиовлены камельки, а в цехах — жаровни. Но к металлу голой рукой не притроиуться, вмиг пристынет так, что оставишь на нем лепестки содранной кожи. Масло затвердевает. Обыкновенные гайки никаким усилиям не поддаются, мороз их словно приваривает.

1 февраля. На весь политотдел у нас лишь две комнаты с уцелевшими стеклами. Здесь днем можно вычитать газету и разобрать трудные почерки корреспондентов. Но чаще приходится работать при коптилке. Тогда тебе кажется, что ты живешь в заточении и не скоро вновь увидишь дневной свет и солнце.

Вечером, прослушав последние известия по радио, осторожно бредешь с коптилкой по коридору. Еще остались привычки мирного времени: на ночь чистить зубы и мыться. Потом при коптилке укладываешься спать, покрываясь одеялом и шинелью. Пистолет держишь под подушкой. Ночью бывают тревоги: гитлеровцы то и дело появляются иа льду. Не раз уже были перестрелки.

Блокада помогает людям найти свое призвание. В нашем медпункте служит невысокий черноволосый врач-стоматолог. Он мастерски рвет зубы, а лечить их не любит. За бормашиной стоит с тоской в глазах. Видимо, поэтому к нему мало кто ходит. Чтобы врач не бездельничал, на него возложили все заботы по кают-компании. И тут вдруг у стоматолога прорезался талант. Он виртуозно занимается дележкой хлеба: скальпелем нарезает по-аптекарски точные порции. Как ни взвешивай — не придерешься. Его тянет на хозяйственную работу, а начальство противится, не отпускает. Гибнет яркий талант.

В Ленинграде побывал начальник кронштадтского Дома флота Захар Авербух. Прежде он был директором

ленинградского Дома писателей, поэтому я к нему часто захаживаю. Вернулся Захар не похожим на себя: потемнел и словно опух, под глазами фиолетовые мешки. Он лежит на койке в одежде и едва шевелит языком.

Оказывается, он все время по крохам копил хлеб, сушил его на батарее парового отопления, чтобы отправить родным. На дорогу выпросил у интендантов сухой паек на пять суток. В нем был горох и корейка. И вот все это у Захара украли на Литейном проспекте. Он только на три минуты отлучился. Бегом вернулся к машине и... мешка в кузове не нашел.

Огорченный и голодный, он едва приплелся домой. Там его встретила горестная весть: две недели назад умер отец жены и до сих пор не похоронен. Захар ждал слез и причитаний, а теща, словно радуясь, сообщила:

— Мы его нарочно не хороним, держим в холодной комнате и никому не говорим. Иначе отнимут карточки. А мы по ним получаем хлеб и продукты.

Чтобы не голодать в Ленинграде, Захар вернулся раньше срока. Здесь его хоть супом покормят.

Досрочно вернулся с Васильевского острова и старшина портновской мастерской. Получив увольнительную на трое суток, он с трудом добрался до Ленинграда, а дома нашел жену и дочку мертвыми. Они лежали в одной постели, закутанные в пальто и одеяла. Волосы и ресницы у обеих заиндевели. Ни хлеба, ни карточек он не нашел. Видно, жена их потеряла и обе умерли от голода.

Много сейчас таких трагедий в нашем городе, поэтому суды беспощадны к расхитителям продуктов. Нашего Белозерова, интенданта Ломова и толстомордого кладовщика, которые припрятали в барже незаприходованные продукты и понемногу растаскивали их, трибунал приговорил к расстрелу, а сообщников отправили в штрафной батальон.

4 февраля. Вчера начпо Ильин, как бы сожалея, сказал:

— На совещании писателей вам не удастся побывать. Нет попутного транспорта, а пешком я вас не отпущу. Еще, чего доброго, свалитесь.

Я понимал, что Ильина не столько заботило мое здоровье, сколько выпуск листовок, посвященных ремонту кораблей. Скоро ведь доклад на Военном совете. А мне очень хотелось побывать на совещании, и я тайно по телефону Дома флота позвонил Всеволоду Вишневскому в Ленинград. Тот пообещал «нажать» на наш политотдел и свое обещание выполнил. Часа через два пришла телефонограмма из Пубалта, в которой Ильину предписывалось обеспечить мой приезд на совещание. Начпо вызвал меня к себе.

— Подготовьте к печати газету и отправляйтесь в Ленинград, — тоном, не терпящим возражений, приказал он.

— А как с транспортом? — спросил я.

— У нас машин нет. Идите к контрольно-пропускному пункту — может, устроитесь на попутную.

— А если ее не будет?

— Отправляйтесь как хотите, хоть пешком, — уже раздраженно ответил Ильин. — Но завтра должны быть в Ленинграде. Ясно?

От начпо я отправился в Дом флота и неожиданно попал под артиллерийский обстрел. Один из снарядов разорвался впереди, метрах в пятнадцати от меня. От тупого удара по голове я невольно свалился на колени и ослеп.

Дотронувшись до левого глаза, я почувствовал липкую влагу. «Кровь! Неужели выбило глаз?» От одной только мысли бросило в озноб.

Прижав носовой платок к глазу, я бегом кинулся к Дому флота. Там мне оказали первую помощь.

Фельдшер, промывавший рану на лбу, сказал:

— Вам повезло. Рассечена только надбровная дуга, и то не сильно. Видно, льдом, а не осколком самого снаряда. Смотрите, такие же льдинки и в шапку вонзились.

У меня сразу отлегло на душе.

Наложив швы, фельдшер аккуратно забинтовал лоб и сказал:

— Через недельку или две заживет.

Но в голове у меня шумело и в глазу ощущалась резь.

Белая повязка и мое побледневшее лицо вызвали со-

чувствие у Авербуха. Он пообещал устроить меня на машину, которая утром отправляется в Ленинград за актерами музкомедии.

8 февраля. Утро выдалось морозное. Надо было одеваться потеплей, а повязка мешала надеть и без того тесную кожаную шапку. Хорошо, что у военкома базы от времен, когда он служил в авиации, сохранился меховой шлем. Шлем растягивался как резиновый, я его легко натянул на забинтованную голову.

Забравшись в кузов полуторки, я взял один из тулупов, предназначенных для актеров, надел его поверх шинели и уселся на скамейку.

Выглянуло какое-то негреющее, стеклянное солнце. Машина покатила мимо северных казарм на торосистый и заснеженный залив. По пути то и дело мы объезжали застрявшие грузовики. Одни из них были посечены осколками снарядов, другие стояли накрененные, с провалившимися под лед то одним, то двумя колесами. Морозы, видимо, мешали вызволить их из ледяного плена.

Несмотря на то что дорога проходила по льду, она была тряской, колеса часто буксовали в снежной пыли кочующих сугробов, порождаемых поземками.

На контрольно-пропускном пункте в Горской на полуторку посадили несколько армейских командиров в валенках и в «парадных», еще не испачканных в окопах, белых полушубках.

Через час мы были у Каменного острова. Навстречу, как и в январе, тянулись вереницы санок с покойниками. Смертность в Ленинграде не уменьшилась, хотя паек увеличился.

В Пубалте я вдруг встретил Льва Успенского. Он был во флотской шинели с серебристыми нашивками интенданта.

— Откуда? — недоумевая спросил я, так как знал, в каких частях и на каких кораблях находятся ленинградские писатели-маринисты, а о нем ничего не слышал.

— Из Лебяжьего, газета «Боевой залп»! — стискивая в своей большой руке мою, ответил он. — Житель Малой земли.

«Малой землей» у нас назывался Ораниенбаумский

«пятачок». Судьба занесла Льва Васильевича в места, о которых он писал с Караевым в романе «Пулковский меридиан».

— Будет второй роман? — поинтересовался я.

— Непременно, осталось только выжить.

Со Львом Успенским мне довелось работать в журнале «Костер». Он у нас заведовал очерками и отделом занимательных наук. Несмотря на гвардейский рост, Лев Васильевич строчил удивительно убористо-крохотными буковками на больших листах. Всегда был горазд на выдумку. Писал свободно, объемисто, с веселым озорством, с удивительной выдумкой и знанием жизни. Такой сотрудник очень подходил пионерскому журналу. Самуил Маршак высоко ценил его и загружал непомерно. Но Успенский всегда успешно справлялся с заданиями.

Война мало изменила Льва Васильевича, разве только прибавила седины в буйной шевелюре.

Он, оказывается, в многотиражке был мастером на все руки: писал рассказы, стихи, фельетоны, исторические очерки, давал советы бойцам, был правщиком и... художником. Когда не хватало клише — на линолеуме вырезал карикатуры, и газета их печатала.

«Эх, мне бы такого сотрудника!» — завидуя редактору «Боевого залпа», подумал я.

Лев Васильевич познакомил меня с москвичом — поэтом Александром Яшиным, тоже прибывшим с Ораниенбаумского «пятачка».

Мы втроем сдали аттестаты и получили направление в гаванские казармы, где сейчас жили выздоравливающие после ранений моряки. Но мы в Гавань не пошли, путешествие по ледяным дорогам дало себя знать. Решили подождать в Доме флота, когда соберутся другие. Благо здесь можно пообедать и поужинать.

На совещании кроме флотских писателей Всеволода Вишневского, Александра Зонина, Николая Чуковского, Григория Мирошниченко, Всеволода Азарова, Александра Крона, Николая Брауна, Ильи Амурского, Ефима Добина, Анатолия Тарасенкова пришли еще Вера Инбер, Вера Кетлинская и Борис Лихарев.

Узнаем новость: Вера Кетлинская и Александр Зонин поженились. Свадьба в осажденном городе — редкий

случай. Мы удивлены, но с флотской невозмутимостью поздравляем новобрачных.

Александр Зонин, хотя и сед, выглядит в новенькой флотской форме вполне женихом, а Вера заметно сдала: она сильно похудела, вокруг рта тонкие морщинки, волосы не уложены в прическу, а ноги распухли. Но по случаю совещания Кетлинская все же надела тонкие чулки и туфли на высоких каблуках. Ходить в них ей, наверное, трудно. После весьма скудного обеда она уселась погреться у железной печурки и, блаженно жмурясь, сказала:

— Люблю понежиться, когда веет теплом, есть электрический свет и досыта поела.

Поймут ли нас новые поколения? Не скажут ли, что мы были одержимыми, выжившими из ума обитателями ледяного, замерзающего города? Откуда у блокадников брались силы? Что поддерживало веру в победу?

Да, да. В лютую и голодную зиму мы собрались на деловое совещание и обсуждали, какие повести, поэмы и рассказы необходимы в первую очередь, что сохранять в записях и что в памяти. Совещание открывал не писатель-фантаст, а начальник Пубалта дивизионный комиссар Лебедев и докладывал начальник штаба Балтийского флота вице-адмирал Ралль. Мы узнали, какие корабли и как воевали и что им предстоит делать весной.

Женщин-писательниц почему-то тронула неуязвимость дедушки русского флота ледокола «Ермак», который подрывался на мине, получил тридцать две пробоины от снарядов и продолжает работать: сокрушать льды и водить за собой ночные караваны судов.

Вспомнили механиков и кочегаров, обитающих в чреве кораблей. Они гибнут не видя боя, не имея возможности ответить снарядом на снаряд. А без них невозможна победа. Надо больше уделять им внимания.

Возник спор: до какого поколения немцы должны нести ответственность за муки советских людей и как надо судить военных преступников.

Вечером, после ужина, все собрались послушать новые стихи. Вера Инбер — маленькая, женственная, со светлыми кудряшками, в жакете с высоко поднятыми плечиками — познакомила с главами незаконченной поэмы. Негромким печальным голосом она читала о том,

как пытают ленинградцев стужей, огнем и голодом. Мне понравилась главка о корочке пеклеванного хлеба, которого мы давно не видели. По мере чтения во рту накапливалась голодная слюна и я как бы ощущал тминный вкус поджаристой, хрустящей корочки.

Эту поэму Вера Михайловна собиралась назвать «Пулковский меридиан», а узнав только здесь, что под таким названием вышла книга Успенского и Караева, сказала, что подумает о новом названии.

После нее выступили с гневными стихами Борис Лихарев и Александр Яшин.

В этот вечер, наверное, икалось писателям, которые по возрасту могли бы служить в воинских частях, но поспешили покинуть осажденный город. Мы их вспоминали с презрением. Что эти беглецы напишут после войны? И как будут смотреть в глаза блокадников? Они обворовали себя, не увидев и не пережив того, что испытали блокадники.

Поздно вечером вчетвером мы пришли в Гавань. В каменном здании госпиталя для выздоравливающих моряков нам отвели небольшую палату на восемь коек. В палате тепло. Кто-то почти докрасна накалил «буржуйку». На железной печурке стоял медный флотский чайник, наполненный горячей водой.

Уборная в здании не действовала. Мыться пришлось водой из чайника. Но мы не унывали, уже привыкли к такой обстановке. Улеглись на железные койки с очень чистым, чуть ли не накрахмаленным бельем, болтали до полуночи и не заметили, как подгорели поставленные для просушки валенки Яшина.

Утром разбудило радио. Быстро одевшись, мы захватили с собой чайник и пошли в туалетную умываться. Там светила коптилка, толкались курильщики, обсуждавшие последние известия.

Поливая друг другу воду на ладони, сложенные совком, мы ополоснули лица и пошли добывать дрова и воду.

Дежурная позволила нам наполнить чайник из бака и выдала из кладовой вязанку наколотых поленьев.

Мы затопили «буржуйку» и, когда вода закипела, заварили мурцовку: накрошили в жестяные кружки черных сухарей, залили их крутым кипятком и заправили

маслом. Так приготавливали завтрак в старые времена матросы парусного флота. У нас только не было мелко нарубленного лука, полагавшегося для вкуса и спасавшего от цинги. Но и без него мы съели мурцовку с превеликим удовольствием.

На Тринадцатую линию пошли пешком. В Доме флота кроме писателей на этот раз собрались флотские композиторы и художники.

Вечером в малом зале был устроен концерт. Актеров на нем было больше, нежели зрителей. Нам показали инсценировку Всеволода Вишневского «Морской полк». Представление было шумным: играли три аккордеона, грохотали барабаны, зычно трубили горны...

Я взглянул на автора. Всеволод Вишневский сидел в первом ряду и... плакал. Видно, стыдясь слез, он как козырьком прикрыл ладонью лоб и глаза. Но слезы скатывались на кончик его широкого носа и часто капали на пол.

Других слушателей инсценировка так не растрогала, видимо потому, что блокадная действительность была не менее трагической. Писатели, художники и композиторы слушали внимательно, но никаких эмоций не выражали. Лишь некоторые порой морщились от слишком громких звуковых эффектов.

Актеры, старательно отплясывавшие под гармонь, к концу спектакля заметно пошатывались от усталости. Многие из них, чтобы отдышаться, садились на скамью, так как некоторое время не могли выговорить ни слова.

На этом совещание и кончилось. Завтра на попутных машинах мы отправимся в свои соединения.

11 февраля. Я снова в Кронштадте. Рана на лбу уже не кровоточит, ее затянуло.

Сильные морозы сделали лед на заливе толстым и крепким. По нему легко пройдут тяжелые танки. Это гитлеровцы, конечно, учитывают. Нужно ждать нападения. Об этом предупреждены Кроншлот и все форты.

Немцы уже не раз пытались прощупать нашу оборону. Еще в начале зимы, когда залив только что замерз, у Петергофа они выпустили на лед около двух рот пехоты с двумя танками и легкими пушками. Гитлеровцев

обнаружили наши дозорные буера, которые время от времени проносились по гладкому льду вдоль фарватера со скоростью, порой доходившей до ста километров.

Сообщение буеристов передали главному артиллеристу флота контр-адмиралу Грену. Он дал немцам возможность отойти подальше от берега, а потом приказал открыть огонь «Октябрине» и закончить разгром отряда береговым пушкам, стоявшим у Морского канала.

Танки были утоплены, а пехотинцы рассеяны.

Но тогда лед был тонким, сейчас же его не скоро разобьешь. Поэтому как только наступает темнота, отряды лыжников в белых брюках и куртках с автоматами отправляются на разведку в пустыню залива.

Чуть ли не каждую ночь они натыкаются на такие же отряды противника. В торосах залива завязывается перестрелка.

Были случаи, когда гитлеровцы на санях подвозили к фарватеру мины и бросали их в проруби. Правда, корабли больше не ходят во льдах, но они пойдут по фарватеру весной.

Чтобы противник не захватил нас врасплох, остров Котлин по всему кругу укреплен пушками, снятыми с ремонтируемых кораблей и катеров МО. Матросы, как фронтовики-пехотинцы, несут вахту в траншеях и живут в землянках. Чтобы батареи были подвижными, катерники установили свои трехдюймовки на сани и сами перетаскивают их с места на место.

Получена приятная весть — увеличен паек для населения Ленинграда: рабочие стали получать 500 граммов хлеба, служащие — 400, иждивенцы и дети — 300. Нам на флоте уже выдают по восемьсот граммов хлеба. Мне свою долю не съесть. Остатки хлеба сушу на паровой батарее. Надо иметь на всякий случай хотя бы небольшой запас. Мы научились ценить еду и теперь бережно относимся к каждой крохе.

14 февраля. Сегодня потеплело. Закапало с крыш. Ледовая дорога на заливе сильно повреждена тяжелыми снарядами. Контрольные пункты не пропустили на лед ни одной машины. И это мы сразу ощутили. Не пришли

письма и газеты. К завтраку нам не выдали сливочного масла.

Радио сообщило, что потепление вызвало у ленинградцев желание привести город в порядок. Много людей вышло на очистку улиц. При жактах созданы обогревательные пункты, в которых можно получать кипяток.

В Ленинграде возникли бригады комсомольцев. Девушки ходят по этажам, находят выживших одиночек, помогают им обогреться, получить продукты, объединиться в одной квартире. Сирот устраивают в уцелевшие семьи и детские дома. Это очень важное движение, оно спасет город от эпидемии и убавит смертность.

16 февраля. Англичане сообщили о падении Сингапура. Крепость хорошо была защищена с моря, а японцы взяли ее с суши. Такая же угроза нависла над Севастополем. Да и мы не в лучшем положении, — лед на время стал сушей. Танки десять — пятнадцать километров могут одолеть за двадцать — тридцать минут. Нам все время надо быть начеку.

Второй день гитлеровцы не стреляют по Ленинграду и Кронштадту. Не готовятся ли они к внезапному нападению?

18 февраля. Сегодня, после осмотра на вшивость, во всех помещениях нашего соединения идет большая приборка: моются трапы, гальюны, палубы. Идет смена постельного белья. Всем предписано пойти в баню, где старое белье забирают и выдают новое.

20 февраля. Вчера подморозило. Засветило солнце. По южному берегу с утра били кронштадтские пушки. Говорят, что гитлеровцы пытались по льду прорваться в ораниенбаумский порт.

Ночью была объявлена боевая тревога. Лыжники ушли в залив. Но стрельбы не слышалось.

Радио сообщило, что англичане отдали Сингапур. Они оказались неподготовленными к войне, несут пора-

жение за поражением. Вот тебе и хваленый флот Великобритании! Он ничего не может сделать с японцами.

22 февраля. К празднику на корабли прибыли подарки из Свердловской области. Наше соединение получило сорок пакетов. Тридцать восемь мы распределили по кораблям, а два оставили на политотдел и штаб.

Посылку для нас выбрал Фоманов. Он встряхивал каждый ящик и прислушивался: не булькает ли? В одном булькнуло. Он вскрыл его и нашел бутылку хереса, завернутую в полотенце. Кроме вина в ящике была копченая колбаса, шпик и домашнее печенье.

Фоманов взял вино и сказал:

— Все остальное вам.

Он хотел уйти, но у дверей передумал.

— Чем же закусывать буду? — как бы у самого себя спросил он.

Недолго раздумывая, Фоманов вернулся к ящику, отломал изрядный кусок колбасы, выбрал три печенины и, ни на кого не взглянув, ушел. Он боялся увидеть в наших глазах презрение.

Подарок мы делить не стали. Принесли все в кают-компанию, колбасу и шпик тонко нарезали на одну тарелку, а печенье высыпали грудой на стол. Бери столько, сколько позволит совесть. И нужно сказать, все оказались на высоте: ели скромно, никто не жадничал. Пусть Фоманов видит, что среди нас нет похожих на него. Это один из способов коллективного воспитания.

23 февраля. Сегодня праздничный обед, с котлетами и компотом, но без вина.

Вечером пошел в кронштадтский Дом флота. Там артисты Ленинградской Музыкальной комедии ставили оперетту «Морской волчонок». Зал был набит до отказа. Главную роль задорно и весело играла Рутковская.

Во время второго акта послышалась артиллерийская пальба, да такая, что дом стал содрогаться, как корабль при бомбежке. Актеры больше вслушивались в стрельбу, нежели в музыку. Запевали невпопад. Потом неожиданно погас электрический свет.

Конец оперетты мы досматривали при коптящих лампах. Актеры словно раздваивались: рядом с ними по сцене бродили лохматые тени.

5 марта. Больше недели не делал записей, потому что ходил на семинар командиров кораблей. Обсуждали прошедшие операции и открыто говорили об ошибках, чтобы весной не повторять их. Это был очень полезный разговор.

Который уже день Кронштадт подвергается неожиданным артиллерийским налетам. Вот и сейчас снаряд за снарядом с воем пролетают над нашим домом и рвутся где-то в западной части острова.

Говорят, что в Стрельне у гитлеровцев появился бронепоезд. Он действует хитро: с ходу дает десяток залпов и, переменив место, замолкает. Наши артиллеристы уже засекли несколько точек и вычертили дугу, по которой он ходит, обещают в ближайшие дни накрыть налетчика.

7 марта. Сегодня пришла центральная газета «Красный флот». В номере от 21 февраля напечатана редакционная статья, в которой сверх меры расхваливается наша многотиражка «Балтиец».

В редакции зазвонил телефон.

— С тебя приходится, — без всяких приветствий прокричал Фоманов. — Заходи к начпо.

Бросив гранки, иду в кабинет Ильина. Там у него Радун и Фоманов. Бригадный комиссар вслух читает статью «Красного флота» и после каждого абзаца поглядывает на политотдельцев, словно хочет убедиться: радует ли их это? Те, конечно, в приподнятом настроении. Ведь под их руководством выходит газета!

Кончив читать, Радун крепко пожимает мне руку.

— Поздравляю, — говорит он. — Так держать!

А я, смущаясь, отвечаю, что похвалы чрезмерны, теперь придется тянуться и оправдывать то, что выдано авансом.

8 марта. В сегодняшней газете я поместил небольшую статью о Белоусовой, Логачевой и Справцевой. Рассказал, как они под огнем противника спасали имущество типографии и оказывали первую помощь раненым.

Набрав эту статью последней, девушки объявили по типографии аврал: была произведена мокрая приборка и приведены в порядок верстатки и кассы со шрифтами.

Сегодня у девушек день отдыха. Они оделись по-праздничному — в хорошо отутюженные форменки с надраенными до солнечного блеска пряжками ремней и ушли в Дом флота на концерт. А мы, мужчины, остались работать — допечатывать тираж газеты.

14 марта. Несмотря на мороз, солнце светило так, что сосульки на краю крыши таяли. Значит, скоро придет тепло. Как его ждут ленинградцы!

В Кронштадт с подарками приехали омичи и свердловцы. На митинге они горячо просили моряков скорей освободить Ленинград, так как убедились в бедственном положении населения. А кронштадтцы слушали с потупленными глазами. Они же не могли сознаться, что до весны ничего не смогут сделать, так как их корабли вмерзли в лед и стоят в бездействии.

Всех нас порадовал упитанный вид делегатов, приехавших из глубины страны. Значит, там не голодают, найдется еще много богатырей, которые смогут стать в строй.

Сегодня вместе с сибиряками и уральцами Кронштадт покинут и наши политотдельцы. Мы выезжаем в Ленинград готовить команды кораблей к весне.

17 марта. Вместе с политотдельцами живу на «Урале». Минзаг вмерз в лед у левого берега Невы. Его меньше обстреливают, нежели другие корабли, потому что «Урал» похож на обыкновенный пассажирский пароход. Гитлеровцы охотятся за крейсерами, миноносцами и канлодками, чтобы ни один боевой корабль не мог выйти весной в море.

По огневым налетам нетрудно понять, что гитлеровцам хорошо известны места стоянок. А мы из-за тяжелого

ледостава не можем отвести корабли на новые места. Пока флотская артиллерия довольно успешно ведет контрбатарейную борьбу. Но это не выход из положения.

18 марта. Побывал на улице Воинова в Союзе писателей. Там выдают дополнительные пайки, присланные москвичами. Мне, как военному, выдали лишь половину пайка: консервы, свиной жир, шоколад и галеты. Все, что получил, отнес на канал Грибоедова. Теща, конечно, обрадовалась подарку и тут же с печалью сказала:

— Юрику бы этот шоколад, но не дождался... на кладбище снесли.

В Ленинграде заметно убавилось населения. Многих детей и стариков уже успели вывезти по ледовой Дороге жизни за кольцо блокады. Эвакуация продолжается. Наши тоже собираются в путь, пусть только немного потеплеет.

19 марта. В иллюминатор моей каюты видна испещренная дорожками, испятнанная прорубями ледяная поверхность Невы.

Как сто лет назад, население за водой ходит на реку. Мне видны каменные, выбеленные изморозью стены Петропавловской крепости и высокий тонкий шпиль. Он не блестит, так как покрашен светло-серой матовой краской, чтобы сливался по цвету с мутным небом, иначе противник будет пользоваться им, как ориентиром для пристрелки.

Я собрался отойти от иллюминатора, как неожиданно загрохотало. Начался артиллерийский налет: то слева, то справа взлетали невысокие задымленные столбики раскрошенного льда. А женщины, пришедшие за водой, и не думали разбегаться. Одни остались в очередях у прорубей, другие понуро брели с саночками по всем направлениям, словно стрельба их не касалась. У правого берега две женщины упали. Их, видно, сразили осколки. Осколки настигли пешеходов посреди Невы и у нашего берега. Легкораненые ползут в сторону от разводий, мимо неподвижных, чернеющих на снегу фигур.

Но вот басисто заговорила наша артиллерия. Пушки противника мгновенно смолкают.

На лед с кораблей выбегают моряки с носилками. Они оказывают первую помощь пострадавшим, несут раненых к берегу, где появилась белая машина с большим красным крестом.

Дорого обходится ленинградцам вода!

22 марта. Сегодня солнечный день. На Дворцовом мосту чудо: появился трамвай, наполненный людьми. Он, позванивая, двигался, дуга высекала из провода искры. Значит, Ленинград оживает!

Захотелось взглянуть, что делается в городе. Сбежав по трапу на набережную, я направился к Фонтанке и пошел по правой стороне к Невскому.

Еще не было настоящего тепла, в тени цепко держался холод, а многие обитатели промерзших домов выбрались на улицу. Они вынесли стулья, кресла, раскладушки и грелись на солнышке. Ослабшие сидели и лежали, подставив лица теплым лучам, а те, кто имел силы двигаться, копошились рядом: ломами и лопатами скалывали лед, разваливали ноздреватые сугробы, грузили снежные глыбы на сани, впрягались по нескольку человек, отвозили к чугунной решетке и общими усилиями сбрасывали в реку. Делали все замедленными движениями, часто отдыхая, утирая обильный пот.

Золотистый солнечный свет беспощадно обнажал худобу жилистых шей, бледность опухших лиц, мешки и провалы под глазами. Создавалось впечатление, что население города, переболев тяжелой изнурительной болезнью, впервые выбралось на улицу подышать свежим воздухом. Но скучно стоять и сидеть под солнышком без дела. И ленинградцы принялись счищать со своих улиц скопившийся за зиму грязный снег, сгребать щебень и мусор разрушенных домов, увозить на свалки нечистоты. Они не дадут задушить себя зловонию и эпидемиям.

23 марта. Потепление вызвало туманы. Они наползают с моря. Все тонет в молоке, даже не видно Петропавловской крепости. По толстому стеклу иллюминатора змейками стекают тоненькие струйки.

Гитлеровцы, полагая, что в тумане наши наблюдатели

не увидят вспышек, открыли сильный артиллерийский огонь по Балтийскому заводу и кораблям, стоящим рядом на Неве. Два тяжелых снаряда угодили в линкор «Октябрьская революция». Корабль был не виден, а в него все же попали. Значит, противник пристрелялся. Нашим кораблям грозит серьезная опасность. Правда, повреждения на линкоре невелики. Он не выведен из строя, может стрелять и плавать. Только придется склепать новую радиорубку и кое-что залатать на палубе.

26 марта. Сегодня был обстрелян наш самый крупный минный заградитель. Ни один снаряд не попал в корабль, но несколько разорвались рядом. Осколками посечен борт. Хорошо, что нет пробоин в подводной части, не придется расшивать листы и заново ремонтировать.

Теперь нет никаких сомнений, что гитлеровцам хорошо известны стоянки кораблей. Скорей бы вскрылась Нева! Пора уходить с насиженных мест.

31 марта. Целые дни ленинградские женщины копошатся на улицах и во дворах, убирая побуревший грязный снег. Погода стала переменчивой, то светит солнце, то налетает пурга, то оттепель. У многих насморк и кашель. Не началась ли эпидемия гриппа?

Из Москвы прибыл в Ленинград начальник Главного политического управления Военно-Морского Флота армейский комиссар второго ранга Рогов. Он собрал писателей-балтийцев и поинтересовался, чем мы дышим.

Вишневский доложил о деятельности своей группы при Пубалте, а об одиночках, работающих в боевых частях, ничего не сказал. Пришлось мне вспомнить, как трудились мы — редакторы многотиражек. Рогову мое выступление понравилось.

В перерыве ко мне подошел полковой комиссар из Главного политуправления и сказал:

— Готовьтесь к отъезду в Москву. Забираем в отдел печати. Будете передавать свой опыт многотиражкам всех флотов.

Это меня ошеломило. Я не собирался покидать Ленинград.

— А нельзя ли обойтись без меня? Мне хочется пробыть на Балтике до конца блокады.

— Не желаете в Москву? — удивился полковник. — Думаете, что мы там баклуши бьем?

— Этого я не думаю, но писателю важней остаться здесь...

— Ничего не выйдет, — ответил москвич, — приказ армейского комиссара. А на флоте, как вы знаете, приказы не обсуждаются, а выполняются.

4 апреля. Прошло три дня. Я уже решил, что про меня забыли и оставят в покое. Но не тут-то было. Секретарь политотдела принес телефонограмму. Мне предписано немедля явиться в отдел кадров Пубалта к батальонному комиссару Ракову.

С большой неохотой пошел в Пубалт. Там меня встретил сухой и строгий батальонный комиссар.

— Вы почему не являетесь за предписанием? — грозно спросил он. — Особого приглашения ждете?

— Меня никто не вызывал.

— Но вас же предупредили?

— Это был ни к чему не обязывающий разговор.

— Запомните: разговор старшего всегда обязывает, никто вторично напоминать не будет.

Протянув заготовленную бумагу, он сказал:

— Отбыть немедля.

— На чем же я выеду из Ленинграда?

— Не знаю, транспортом не занимаюсь. Но если вовремя не явитесь, пеняйте на себя, — предупредил Раков.

Так он сумел превратить выдвижение в наказание. Водятся у нас еще такие службисты.

Весь день я бегал по флотским учреждениям, прося помочь отбыть в Москву, но никого мои заботы не трогают. Я уже отрезанный ломоть. Единственное, что мне удалось сделать, — это вызвать с моими вещами и аттестатами из Кронштадта Клецко.

5 апреля. Вчера я распрощался со всеми на «Урале», но едва спустился с трапа, как заверещали звонки громкого боя и раздался сигнал воздушной тревоги.

Был седьмой час вечера. Я перебежал к решетке Летнего сада и стал смотреть: откуда появятся самолеты?

Справа затарахтели зенитки. И я увидел тучу «юнкерсов». Они летели с востока вдоль Невы. Создавалось впечатление, что с огромной горы словно на салазках скатываются вниз бомбардировщики. Да не просто, а нацелясь на определенные корабли.

Послышался холодящий кровь отвратительный вой падающих бомб. Подо мной дрогнула земля и затряслась. На Неве стогами вспучивался лед и высоко вверх взлетали голубые задымленные фонтаны.

У всех мостов и на кораблях закашляли и заливчато залаяли зенитки, сливаясь в дружный хор. Они испятнали комками разрывов все небо. Казалось, что не осталось просветов, в которые могли бы проскочить бомбардировщики, а «юнкерсы» все же прорывали огневую завесу и устремлялись к кораблям, мостам и заводам.

Такого большого налета на Ленинград давно не было. Прижавшись к каменному столбу ворот, задыхаясь от волнения, я наблюдал, как сваливаются в пике и взмывают «юнкерсы» над теми участками Невы, где стоял линкор, крейсеры, миноносцы. Как рвутся бомбы около «Полярной звезды» и выводком ее стальных птенцов — подводных лодок, жавшихся к гранитной стенке.

Я ждал, что сейчас полетят в стороны черные обломки и запылают пожары. Но ни один корабль еще не тонул. С зенитных площадок, окутанных пороховым дымом, комендоры яростно отбивались.

К вою бомб вдруг присоединился хлесткий свист тяжелых снарядов, падавших в тех же направлениях, что и бомбы. Гитлеровцы, видимо, спешили воспользоваться неподвижностью кораблей, чтобы одним комбинированным ударом уничтожить их.

В ответ басисто заговорила наша тяжелая артиллерия. Грохот стоял такой, что я не слышал ни звонких команд на «Урале», ни гудения моторов самолетов.

Налет длился не менее часа. Затем стрельба мгновенно смолкла и в небе трубно загудели наши «миги», рыскавшие меж высоких облаков.

На этом я ставлю точку. Все четыре тетради оставляю дома. Не буду же я таскать их с собой по всем флотам.

ЗА КОЛЬЦОМ БЛОКАДЫ

6 апреля 1942 года. Вечер и ночь я провел не на корабле, а дома. На кухне было тепло, так как женщины по случаю пасхи днем топили плиту щепками и мусором.

Ужинали мы по-праздничному. На стол я выложил весь мой сухой паек, выданный на дорогу: галеты, банку мясных консервов и сухой яичный порошок.

Спать мы улеглись рано и сразу почувствовали пасхальную «кару божью»: прозвучал сигнал воздушной тревоги, послышалась пальба зениток, гудение самолетов и посыпались бомбы. Бомбы были крупные. От взрывов трясся дом и ходуном ходила земля под ним.

Теща вскочила с постели и, втиснувшись в щель между двух шкафов, принялась креститься. А я и няня, понимая, что шкафы и молитвы от бомбы не спасут, остались лежать и прислушиваться к пальбе.

Бомбы не попали в наш дом, но невдалеке разрушили здание на Невском, где до войны была «культурная пивная».

Утром я с трудом поднялся и пошел в редакцию газеты «Красный Балтийский флот». В ней я не раз печатал-

ся. Рыжеватый редактор полковник Осипов охотно позвонил в отдел снабжения воздушных сил и уговорил комиссара отправить меня за Ладогу. Тот велел прийти через час.

Позавтракав с сотрудниками газеты, я отправился в Адмиралтейство.

Комиссар отдела снабжения ВВС, сожалея, сказал, что устроить меня на самолет ему не удалось, но идет грузовая машина в Новую Ладогу. Она меня перебросит по Дороге жизни за кольцо блокады, а там я смогу сесть в любой поезд. Железнодорожное движение уже налажено.

Он вызвал техника, с серебряными нашивками старшего лейтенанта, и сказал:

— Посадите капитана в свою машину и доставьте в Новую Ладогу.

— Но мы ведь с грузом...— попытался возразить техник.

— Я вам сказал, повторяться не буду,— оборвал его комиссар.

— Есть,— унылым голосом ответил техник, и лицо его выразило недовольство.

Когда мы вышли от комиссара, снабженец предложил:

— Вы где-нибудь подождите часика два-три... Мы сразу не поедем, будем колесить по городу. Потом вас захватим, скажите только адрес.

Но я не поверил хитрецу. Опасаясь остаться без машины, с наигранным воодушевлением сказал:

— Очень хорошо, что будете колесить по городу! Хочу последний раз взглянуть на Питер, может таким его больше не увижу.

Техника мое решение не обрадовало. Он насупился и больше со мной не разговаривал. Когда подошла трехтонка, снабженец буркнул:

— Удобств не будет, забирайтесь наверх.

Сам же он уселся в кабину с шофером и злобно хлопнул дверцей.

Мы действительно стали колесить по городу. Сначала поехали к Обводному каналу, в район Красноармейских улиц.

Сугробы со многих улиц уже были убраны и во дворах наведена чистота. Трубы нигде не дымились, поэтому небо

над Ленинградом было необыкновенно чистым, а воздух по-весеннему прозрачен.

Наша трехтонка останавливалась то у одних ворот, то у других. Озабоченный техник выскакивал из кабины, убегал в глубину дворов и возвращался, сгибаясь под тяжестью узла или мешка. Бросая ношу в кузов, он считал своим долгом сообщить мне:

— Для семьи капитана Куракина... А это для тещи Лещинского...

Я заглянул в один из узлов. В нем упаковано было меховое манто. «Кому же понадобились весной зимние вещи? Врет снабженец и фамилии выдумывает, — решил я. — Теперь понятно, почему ему не хотелось, чтобы я ездил по городу».

С Обводного канала мы поехали в Нарвский район, затем покатили на площадь Труда и на Васильевский остров. На набережной Невы, пока снабженец бегал по своим делам, я спрыгнул с кузова, чтобы размять застывшие ноги. У меня не было теплой обуви, я отправился в дальний путь в ботинках. И носки были не шерстяные, а простые бумажные. Чтобы не обморозить ноги, я уселся на гранитный парапет и стал переобуваться — натягивать на ноги запасную пару носков. Тут на меня и наткнулся технический секретарь нашего политотдела.

— Вы еще не уехали? — удивился он. — А на ваше место уже пришел редактор москвич. Вчера я его ставил на довольствие.

И старшина принялся выкладывать новости. Оказывается, пасхальный налет авиации нанес немалый урон. На Неве пострадало несколько кораблей. Досталось и крейсеру «Киров». У Горного института убит командир отряда быстроходных тральщиков — капитан третьего ранга Лихолетов. Он приходил на БТЩ-205 отметить присвоение кораблю гвардейского звания. Едва Лихолетов сошел с тральщика, как началась тревога. Если бы он вернулся на корабль, то остался бы жить. Но капитан третьего ранга решил укрыться под аркой ворот на берегу. Взрывной волной железные ворота сорвало с петель, и они начисто снесли голову прославленному моряку.

Нелепо погибают люди. Ведь Лихолетов воевал на тральщике в Испании, благополучно прошел сотни миль по минным полям, а смерть настигла на суше. И похоро-

нят его теперь не в море, а в братской могиле на кладбище.

С Васильевского острова мы поехали на Петроградскую сторону, а затем на Крестовский остров и Елагин. Здесь получили груз: дюралевые листы и части моторов. Пообедать не удалось. Ночью в столовую военторга попала бомба. Вместо павильона с круглыми столами и разноцветными табуретами зияла глубокая воронка, заполненная водой.

За черту города мы выехали в сумерки. У Ржевки я увидел, что могут наделать несколько вагонов снарядов, когда в них попадет бомба. Вокруг виднелись дома с сорванными крышами, пустыми окнами и осыпавшейся штукатуркой. Деревья стояли без ветвей, со сломанными верхушками, словно здесь прошел ураган невидимой силы и все сделал мертвым.

Машина, скрипя и покачиваясь из стороны в сторону, неслась по колдобинам сильно разбитой дороги. Трясло и подбрасывало так, что приходилось напрягать мышцы и сжимать зубы. Чтобы не отбить себе внутренности, я собрал мягкие мешки и узлы в один угол и улегся на них. Эта постель не только смягчала удары, но и спасала от холодного пронизывающего ветра.

Мы проехали мимо затемненных домов Всеволожской, где когда-то я жил на даче, и покатили дальше. Ехали долго, наконец вдали замелькало множество огней, словно мы подъезжали к большому городу. Огни роились, вытягивались цепочками, набегали друг на друга и расходились. Это мчались по льду Ладожского озера тысячи автомашин: в Ленинград с грузами, из Ленинграда — с эвакуированными ранеными и истощенными жителями. Чтобы не попасть в полынью, грузовики катили с включенными фарами, освещая перед собой узкие полоски льда. Зрелище было захватывающим. Я давно не видел такой массы живых огней.

Мы тоже включили фары и осторожно спустились с крутой горы к озеру. Здесь под шинами заплескалась, забурлила вода. Весна делала свое дело: кромка льда была залита вешними водами. Шины утопали в них. Казалось, что грузовики плывут по широкой реке и она клокочет под ними. На легковушке тут уже не проедешь: зальет мотор.

Преодолев широкую полосу воды, мы сперва выкатили на прозрачный лед, а затем — на выбеленный снегом. Дорога была просторной и хорошо укатанной. Машина неслась на такой скорости, что свистело в ушах, и совсем не трясло. Столь гладких дорог мне еще не доводилось видеть.

В двух или в трех местах нас останавливали регулировщики в белых халатах и показывали на переносные дощатые мостки, по которым грузовики объезжали загороженные полыньи, образовавшиеся после бомбежек.

На льду озера было холодней, нежели на берегу. Здесь щеки пощипывал морозец, над головой в чистом небе сияли звезды, дышалось легче. Мы вырывались из мглы блокады на просторы Большой земли. От этого сердце билось учащенней и невольно думалось: «Теперь выжил, уже не задушат голод и стужа!»

Минут через тридцать под кузовом заплескалась и забурлила вода. Мы очутились на другом берегу Ладожского озера.

У шлагбаума контрольно-пропускного пункта проверили документы и указали, где можно отдохнуть, обогреться и получить по аттестату горячее питание.

В левой стороне виднелось несколько бараков, из труб которых вились дымки. К ним подходили машины с эвакуированными ленинградцами и сдавали пассажиров на попечение врачей и санитаров. Мы, чтобы не терять в очередях времени, свернули на другую дорогу.

Поздно ночью наш грузовик прикатил в какую-то лесную деревеньку и остановился у ворот приземистой избушки. Снабженец выскочил из кабины и стуком в окно разбудил хозяйку. В темном стекле мелькнуло ее белесое лицо. Разглядев позднего гостя, хозяйка кивнула головой в сторону ворот.

Минуты через три ворота заскрипели. Мы въехали во двор и остановились около хлева, попахивающего навозом и сеном.

В избе от широкой выбеленной русской печи веяло приятным теплом. Я снял шинель, а затем ботинки и стал двумя руками растирать онемевшие пальцы и ступни, пока не почувствовал уколов крови. А мои спутники тем временем таскали узлы в так называемую чистую поло-

вину избы, находившуюся за вылинявшей ситцевой занавеской.

Моложавая хозяйка вытащила из печки чугунок с горячим картофелем и налила нам по большой кружке молока. Сдирая с дымящихся клубней тонкую кожуру, мы макали картофелины в крупную соль, обжигаясь, ели и запивали молоком. Кажется, я никогда не испытывал подобного наслаждения от простой крестьянской еды, потому что давно не видел ни молока, ни картофеля.

Чугунок мы опустошили очень быстро. От сытости осоловели, потянуло ко сну. Постелив шинель на деревянную скамейку, я улегся на нее. А мои спутники, захватив с собой семилинейную керосиновую лампу, ушли с хозяйкой в чистую половину избы. Сквозь ситцевую занавеску до меня доносились их приглушенные голоса. Что говорили мужчины, разобрать не удалось, зато я явственно слышал восторженные восклицания хозяйки:

— Ой, ну и ну! Вот это да! Сколько же за такое картошки просят?

«Видно, бескорыстно спасают знакомых от голода, — решил я. — Вместо тряпок картошку и овощи привозят».

Уснул я мгновенно, а утром мои спутники торопились в Новую Ладогу. Я лишь успел у хозяйки спросить:

— Сколько я обязан за ночлег и питание?

— Ничего не обязаны, — ответила она. — Поделилась чем могла.

Чтобы не быть должником, я ей оставил свою меховую безрукавку, которую надевал под шинель. К чему она мне весной? Военному лишний багаж — обуза.

На прощание снабженец предупредил хозяйку:

— Сегодня же все выменяй, блокадники ждут картофеля. Свекла и морковка тоже пригодятся. Заеду вечером. Надо спешить, а то дорогу на озере закроют.

Опасения снабженца были не напрасны. Когда с проселка мы выкатили на шоссе, то шофер ахнул, увидев, что наделали весенние лучи солнца. По всей длине дорога покрылась лужами. Ноздристые сугробы на обочинах, почернев, интенсивно таяли.

Наш грузовик то и дело влетал в большие пенистые лужи и разметывал грязь в стороны. Теплые брызги летели в лицо, а я, стоя во весь рост над кабиной в грузовике, не ощущал отвращения, а наоборот, ликовал, радуясь

весне и солнцу. Казалось, каждая жилка пьянеет во мне.

Радостно было мчаться навстречу теплому ветру и видеть над собой синее безоблачное небо.

В Новой Ладоге снабженцы подвезли меня к редакции авиационной газеты «За Родину». Прощаясь, техник хитровато прищурился и спросил:

— Претензии будут?

— Нет, — ответил я. — Нашему брату-писателю полезны всякие поездки. Спасибо шоферу. Умеет прокатить с ветерком.

14 апреля. До Москвы я добирался восемь суток. К Волхову доехал на автобусе, а там военный комендант станции проводил меня в теплушку, стоявшую на запасном пути. В ней собрались офицеры, едущие в глубь страны за пополнением для армии генерала Федюнинского. Все они после ранений были выписаны из госпиталя.

Посреди теплушки на коротких ножках стояла квадратная печурка с коленчатой жестяной трубой, выходившей наружу через отверстие в заколоченном окне. Печурка была уставлена котелками и металлическими кружками: офицеры из концентратов готовили себе ужин.

Вагон тускло освещался двумя фонарями «летучая мышь».

Я устал за дорогу, да и на ужин мне нечего было готовить. Поэтому, найдя свободное место на нарах, улегся спать.

Утром наш вагон прицепили к эшелону эвакуированных жителей Ленинграда. В основном это были женщины неопределенного возраста. Детей и пожилых мужчин ехало мало.

На станциях, где существовали питательные пункты для эвакуированных, поезд задерживался надолго. Изголодавшиеся беженцы выскакивали из вагонов с кастрюльками, мисками, котелками, чайниками и мчались к столовой. Там занимали уже накрытые столики, а неуспевшие захватить место выстраивались в длинные очереди у раздаточных.

В таких наскоро сколоченных столовых обычно выдавался только суп с кусочком хлеба. Суп был жидковатым, блокадники не могли им насытиться. Они готовы были

съесть по три-четыре порции. Боясь, что это убьет неразумных пассажиров, работники столовых пытались силой выдворить пообедавших, а те отбивались, требуя добавок.

Почти на каждой станции к теплушкам подходили санитары с носилками и снимали тяжело заболевших и умерших в пути.

Никогда я так долго не добирался до Москвы. Видимо, во времена Пушкина, когда ездили на перекладных, на подобное путешествие тратили меньше времени. Прибыл я в наркомат предельно уставшим и голодным.

Видя мое состояние, в Главном политуправлении мне выдали талоны на усиленное питание.

Первым делом я, конечно, отправился в столовую. Там заказал два первых блюда, два вторых и три стакана компота. Но съесть все это мне не удалось. За столом я потерял сознание и попал в руки медиков. Они выкачали из меня все, что я почти не разжевывая жадно глотал, иначе получил бы заворот кишок.

Очнулся я на госпитальной койке. Два дня меня поили бульончиком и рисовым отваром. А сегодня выписали, но посадили на строгую диету.

Оказывается, я не исключение. Многие блокадники так же набрасывались на еду и... попадали к медикам.

Теперь я в столице. Здесь тоже слышу сигналы воздушной тревоги и бабаханье зениток, но они для меня — как эхо далекой войны. Кажется, что тут жизнь абсолютно безопасна, хотя люди и в Москве погибают от бомб.

ЛЕБЯЖЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

9 ноября 1943 года. В Москве я дневника не вел, не до него было. В дальние командировки эту толстую тетрадь не брал. И вот лишь теперь, спустя полтора года, делаю в ней новую запись.

В Ленинград я прибыл не случайно. Когда посылали меня на Черноморский флот, я заручился словом начальника отдела печати Главного политуправления, что если на Ленинградском фронте начнется подготовка к чему-нибудь серьезному, то он непременно отзовет меня и пошлет на Балтику.

В октябре меня вызвали из Поти в Москву.

— Видите, я не забыл вашу просьбу, — сказал полковник Токарев. — Отправляйтесь на Балтику, будете писать для «Красного флота» и для пресс-бюро.

— А что готовится? — спросил я.

— Точно сказать не могу, — замялся он. — Все делается под величайшим секретом.

10 ноября. Я побывал на Песочной улице в Пубалте. Надо было представиться начальству и стать на довольствие.

Начальник отдела пропаганды, увидев меня, кинулся обниматься. Это был полковник Кирилл Петрович Добролюбов. Как-то так получилось, что мы с ним почти одновременно попали в Главное политическое управление, но в Москве не прижились, так как рвались в действующий флот. Добролюбову удалось вернуться на Балтику, а я по приказу укатил на Черное море. Мы давно не виделись, накопилось много новостей. Первым делом я поинтересовался: сколько же в Ленинграде осталось населения?

— К началу тысяча девятьсот сорок третьего года проживало шестьсот тридцать семь тысяч человек, — ответил полковник. — И сейчас примерно столько же. За время блокады вывезено более миллиона стариков и детей с матерями. Оставлены только люди, без которых нельзя обойтись, чтобы сохранить город и могла работать промышленность. Мы ведь сами изготовляем боезапасы, автоматы, пушки и минометы. Даже за кольцо блокады посылаем.

— А что в ближайшее время готовится?

— Вот об этом не спрашивай. Командование предупредило: никаких разговоров о предстоящей операции. Советую побывать на малых кораблях, восстановить старые связи и... да что объяснять, сам будешь в курсе всех дел, если голова на плечах.

Став на довольствие в Пубалте, я отправился в редакцию газеты «Красный балтийский флот» и там неожиданно встретил Александра Зонина. Я знал, что писатель-маринист связан с Пубалтом и штабом флота, поэтому отвел его в пустующую комнату и спросил:

— Александр Ильич, объясни — к чему готовятся на Балтике?

Зонин любил показать свою осведомленность, но тут не спешил с ответом.

— Видишь ли, официальной информацией не располагаю, — сказал он. — Но чую — что-то готовится на Ораниенбаумском «пятачке». Туда под видом смены частей перебрасываются сухопутные войска. Примечаю, что в Ораниенбаум корабли идут переполненными, а обратно — почти пустыми. Но учти, все, что я тебе говорю, — плод собственных умозаключений. Говорить об этом ни с кем не советую. Операция сугубо секретная. Даже посадка на корабли происходит в Лисьем Носу и на фабрике «Канат», с причалов, неизвестных противнику.

15 ноября. В Главном политуправлении мне не раз попадались немецкие документы и газетные статьи, в которых Ораниенбаумский «пятачок» хвастливо назывался «котлом». Видимо, главнокомандующий группы войск «Север» доложил Гитлеру, что у него в «котле» прочно закупоренными сидят несколько русских дивизий, которые не могут вырваться из окружения и ждут, когда их участь будет решена.

Я решил побывать в «котле» и взглянуть на жизнь «закупоренных» дивизий. В солнечный день поехал на Петровский остров и прошел на территорию фабрики «Канат». У старого фабричного причала неожиданно столкнулся со знакомым кронштлотцем. Он был в непомерно длинной шинели, на которой золотисто сияли мичманские погоны.

— Привет, Мохначев! — воскликнул я и спросил: — Не знаешь ли, где здесь комендант?

— Вон в том домике, — показал мичман на сторожку. — А зачем он вам?

Я объяснил, что хочу попасть в Ораниенбаум.

— Тогда ни с кем не разговаривайте. Со мной пойдете, — предложил Мохначев. — Я тут целой флотилией командую.

* * *

С Мохначевым мы познакомились в дни самых яростных бомбежек, когда мою типографию поместили в глубине кроншлотского подвала. Рядом с нашим помеще-

нием находился шкиперский склад. Он почти всегда был закрыт на висячий замок, и мы к этому привыкли.

Однажды под утро, выходя из типографии, я заметил, что на шкиперской нет замка и дверь приоткрыта. «Не взломал ли кто?» — подумалось мне. Я подошел к двери и, толкнув ее ногой, заглянул в склад... И вот тут мой слух уловил этакое, что я испуганно отпрянул назад. Мне показалось, что в глубине шкиперской несколько человек душат одного, а он изворачивается, не дает зажать себе рта. Из глухого мычания прорывался почти поросячий визг...

Метнувшись в типографию, я позвал печатника и, выхватив из кобуры пистолет, вновь вошел в шкиперскую. Из темноты уже доносилось предсмертное хрипение.

«Сейчас задохнется, — решил я. — Надо спугнуть».

Выстрелив, я во всю силу легких прокричал:

— Встать!.. Руки вверх! Стреляю без предупреждения.

Печатник включил электрический свет.

И тут я увидел напуганного выстрелом сонного главстаршину Мохначева. Он сидел на столярном верстаке и, сильно кося левым глазом, с опаской глядел на меня.

— Вы что тут делаете? — спросил я у него.

— Ночую, — ответил Мохначев. — Мне разрешили сюда постель перенести. А чего стрельба? Аврал какой, что ли?

Мне стало неловко за нелепый выстрел и выкрики. Оказывается, контуженного главстаршину выдворили из кубрика, потому что по соседству с ним невозможно было спать. Своим пугающим храпом и выкриками во сне он никому не давал покоя.

— До войны даже носом не сопел, — стал уверять Мохначев. — А вот как под Петергофом контузило, концерты задаю, никто рядом уснуть не может. Одни проклятья слышу. Да и у самого язык сохнет и пухнет — не провернуть. Теперь придется глухую жену искать, иначе какая согласится в одной комнате спать?

— А к врачу обращался?

— Обращался. А тому что? «Радуйся, говорит, что руки, ноги целы и голова на месте».

Мы посочувствовали главстаршине, но меня не очень

тронуло его горе, больше заинтересовало его участие в боях за Петергоф, поэтому я спросил:

— В каких частях сражался?

— В первой морской бригаде. Воевать еще под Таллином начали, а потом сюда перебросили...

Спать Мохначеву, видно, расхотелось. Он взял с полки пачку «Беломорканала», угостил нас папиросами, сам закурил и охотно стал рассказывать:

— Двадцать первое сентября на всю жизнь запомнилось. Ух и денек был! Красотища! Двадцатого гитлеровцы нас в Нижний парк оттеснили. Темно уже стало. Штаб невдалеке от Большого дворца расположился. Смотрю — «Самсон» не работает. Да и другие фонтаны молчат. Тихо в парке, только немцы ракету за ракетой выпускают — боялись, что мы на них в темноте нападем. А у нас уже нет никаких сил, выдохлись. Прислонится кто к дереву — ноги подгибаются, земля к себе тянет. Опустится и сидя спит. Никакая пальба разбудить не может. Не знаю, как передовые дозоры выдержали. Я тоже свалился и часа три словно мертвый лежал на опавших желудях...

Вспоминая, главстаршина так затягивался, что папиросный дым облаком окутывал его. Прикурив от первой папиросы вторую, он продолжал:

— Чуть свет — гитлеровцы в атаку пошли. Видим — по аллеям за деревьями танки ползут. Чем эти утюги возьмешь? Опять будут теснить... Но тут кто-то пустил воду к фонтанам. С треском взлетела вверх толстая струя воды из пасти льва... Зазвенели, заплескались другие фонтаны, на солнце искрятся. Как такую красоту оставишь? Связали мы по нескольку гранат в пачки и — перебежкой навстречу танкам. Все четыре штуки подожгли и автоматчиков к земле прижали. Вот это бой был! Стрельба вокруг. Черный дым от танков по всему парку. Копотью, горелым мясом воняет. В горле першит. Подбежишь к фонтану, хлебнешь холодной водицы, голову под струи поставишь и обратно в пекло боя...

Мохначев словно заново переживал бой. Облизывая пересохшие губы, он добавил:

— Два дня держались... От всей бригады триста человек осталось. Наверное, все бы полегли, но тут приказ: «Отойти к Старому Петергофу и занять оборону от залива до железной дороги». Ночью стали отходить. Я на клад-

бище выбрел. Могилы разворочены, запах сладкий, противный. Кладбищенская церквушка разбита. В подвале люди стонут. Выход балками и щебнем засыпало. В сторожке мы нашли два лома и заступ. Пробили в полу дыру, посветили в подвал и видим: бородачи, женщины и ребятишки, прижавшись друг к другу, на каменном полу сидят, к смерти приготовились... Стали мы их вытаскивать. Видно, неосторожно фонарем посветили. Гитлеровцы из «сотки» пальнули. Меня взрывной волной подкинуло и так шмякнуло об землю, что заикаться начал. Заикание скоро прошло, а вот храпеть продолжаю. Из-за этого в кладовщики подался. Шкипер! Вот какая у меня новая должность! Зато сплю отдельно. Никто за нос не подергивает и не клянет. Жаль, вас не предупредили.

Мохначев был из той породы старшин, которые подолгу на штатных должностях не удерживаются, так как всюду нужны на аварийные случаи. Какая может быть штатная должность у мастера на все руки? Без него не обойдешься ни на корабле, ни в базе. Таких старшин берегут как золотой фонд, без них пропадешь в сложном флотском хозяйстве.

На флоте не существовало дела, которым бы ни занимался Мохначев. Кончил он школу оружия, плавал минером, рулевым, сигнальщиком, боцманом и механиком на катерах. Мог подменить радиста. Командовал самоходной баржей и ботом водолазов. На гражданке чинил и водил по Неве речные трамваи. В начале Отечественной войны тралил на «рыбнице» фарватеры. Когда катер под Таллином подорвался на минном защитнике и затонул — ушел в морскую пехоту. У нас Мохначев мало занимался шкиперскими делами, большую часть времени он тратил на возню с движком, дававшим свет островку. Соляра не хватало для плавающих кораблей, главстаршина умудрился запускать движок на вонючей смеси, состоящей из мазута, добываемого со дна очищаемых цистерн, остатков керосина, которым промывали поржавленные детали машин, и отработанного масла. На таком горючем движок чихал и постреливал, а лампочки мигали, но все же это был электрический свет, а не полутьма коптилок.

Зимой, когда по Дороге жизни мы стали получать горючее, Мохначев куда-то исчез. Одни говорили, что он

ушел со снайперской винтовкой на передовую; другие — что носится по льду залива на буере, как на «Летучем Голландце», и обстреливает гитлеровцев, пытающихся ставить на фарватере мины. А теперь он целой флотилией командует.

Мичманская флотилия состояла из пяти бывших речных трамваев. Когда-то эти суденышки, сияя белизной и чисто вымытыми зеркальными стеклами, плавали по Неве. Сейчас же, выкрашенные для маскировки в свинцово-серый цвет балтийской волны, с выбитыми стеклами и обшарпанными бортами, имели весьма непрезентабельный вид.

— С какого кладбища повытаскивал их? — спросил я у Мохначева.

Мичман, видимо, обиделся за свою флотилию. Ничего не ответив, он провел меня в тесную рубку речного трамвая и показал снайперскую винтовку с семнадцатью зарубками на прикладе.

— Это та самая, которую при вас чинил, — сказал он. — Мне позволили залечь с ней в развалинах Английского дворца. Сутками среди погнутых балок и обломков лежал, чтобы зазевавшегося фрица на мушку поймать. Каждая зарубка — угробленный фашист, — объяснил Мохначев, проведя ладонью по прикладу винтовки. — Я бы еще полсотни угробил, да вот тут Мушин, старшина такой вредный есть, выболтал, что я прежде с речным трамваем дело имел. Меня к начальству. «Хватит, говорят, за фрицами охотиться. Снайперов много, а специалистов речников не хватает». Привезли меня в затон. Смотрю — кладбище инвалидов. У одних трамвайчиков из воды только носы торчат, другие на берегу без стекол и обшивки ржавеют, а от третьих одни шпангоуты остались. «Подними сколько можешь, сказали, всеми командовать будешь. Людей бери, какие понадобятся, с фронта отзовем». Разыскал я старых речников. Почти все доходяги — едва ноги таскали. Блокаду они продержались на невской рыбешке. Но разве на удочку и перемет много наловишь? Я их на военное довольствие поставил. Сразу ожили. Шестерых мотористов из морской пехоты отозвал. Да тут кой-кого из саперов подкинули. В общем, собрал-

ся народ мастеровой. За лето из всего хлама пять моторов собрали, столько же коробок восстановили. И пошли наши трамваи не только по Неве ходить, но и залива не боятся. За ночь в Рамбов и обратно ходим, почти батальон можем переправить. Так что я вроде адмирала — свою флотилию имею.

За войну Мохначев почти не изменился. По-прежнему слегка косил левым глазом. Несмотря на блокадный паек, был щекаст и даже казался толстым, наголо брил голову и курил трубку. С первого взгляда трудно было определить: сколько лет этому богатырю — двадцать пять или тридцать пять? То он выглядел молодо и, казалось, его распирало от здоровья, то вдруг сникал, становился похожим на пожилого человека. Сказывалась контузия.

Мичман угостил меня ужином, притащенным из берегового камбуза. Это была уха из ершей и окуньков, пойманных его командой, а на второе — тушенка с макаронами.

Как только надвинулись с залива сумерки, к причалу стали прибывать воинские части.

Старый фабричный причал не был приспособлен для погрузки тяжелой артиллерии. Небольшие краны и примитивные тали едва справлялись с погрузкой пушек. Для крупнокалиберных снарядов подъемников не хватало. Их приходилось поштучно носить на руках. Для одного бойца снаряд был тяжел, он весил более сотни килограммов, для двух — неудобен. Того и гляди вырвется из рук и, чего доброго, взорвется на причале. Деревянных носилок тоже не хватало, да и на них снаряд катался бы, соскальзывая.

«Как же артиллеристы выйдут из трудного положения? — подумалось мне. — Ведь скоро стемнеет».

Вдруг среди артиллеристов появился Мохначев.

— А ну, кто тут покрепче? — спросил мичман. — Кто грузчиком или носильщиком работал?

Артиллеристы народ рослый. Около моряка собралось человек пятнадцать.

Сбросив шинель, Мохначев попросил двух бойцов подать ему на плечо тяжелую стальную болванку, начиненную взрывчаткой. Подхватив ее под низ двумя руками и сгибая колени, мичман осторожно понес опасную ношу к барже. Там он мелкими шажками поднялся по шаткому

трапу и передал двум матросам. Матросы уложили снаряд в ящик и, как на салазках, спустили по наклонной доске в трюм.

Вернувшись к артиллеристам, мичман спросил:

— Засекли?

— Чего тут засекать? Обыкновенная ломовая работа, — ответил широкоплечий и рослый сержант. — Нашему брату не в новинку. А ну подай! — обратился он к товарищам.

Взвалив на плечо снаряд, сержант бегом попытался подняться на баржу и, не учтя колебаний трапа, запнулся. Неожиданное препятствие нарушило равновесие. Артиллерист закачался, ноги его подкосились... Падая, богатырь все же удержал на себе опасную ношу.

Матросы подхватили снаряд и помогли высвободиться из-под него побледневшему сержанту.

— Тут хвастаться своей силой и показывать свою удаль нечего, — строго заметил мичман. — Аккуратней носите. Но сержант молодец — упал грамотно — на спину. Удар смягчил и не дал снаряду скатиться в воду. А то бы натворил дел! Связки не растянул? Не порвал? Больно небось?

— Есть... Ноет малость. Разогнуться не могу, — сознался сержант.

— То-то! Впредь внимательней будь. Нести надо мягко, не торопясь. Чуть коленки сгибай, подрессоривай, — принялся учить Мохначев. — Пока не стемнело, глядите, как надо действовать.

Взвалив на себя новый снаряд, мичман еще раз показал, как следует подняться с ним на баржу и передать в руки трюмных.

Вскоре погрузка наладилась: к барже цепочкой потянулись носильщики. Даже невзрачные на вид бойцы приспособились таскать тяжелые снаряды. И все это делалось в темноте. Только однажды вскрикнул боец, поскользнувшийся на трапе. Он подвернул ногу, но снаряда из рук не выпустил и упал на спину. Вечерний урок был усвоен.

Я спросил мичмана, часто ли ему приходится выступать в роли инструктора.

— Почти каждый вечер, — ответил Мохначев. — Народ-то все новый, учить надо, особенно при погрузке са-

моходок и танков. Мы тут придумали для укрепления палуб широкие настилы делать. Теперь вместо трех танков баржа пять берет.

* * *

Когда погрузку закончили, в залив вошли два бронекатера. Двигаясь впереди каравана, они разведывали путь и несли боевое охранение. За бронекатерами Петровский остров покинули речные трамваи, переполненные бойцами, а им в кильватер пошли буксиры, тащившие осевшие почти до привальных брусьев баржи.

С берега кажется, что у морских дорог нет ни края, ни конца. Они так просторны, что плыви как хочешь и куда хочешь без всяких опасений. На самом же деле у этих дорог есть строгие границы, особенно в Финском заливе. Они обозначены буями и вешками, сходить с них опасно — наткнешься на отмели, на подводные камни, на затонувший корабль, а то и на мину.

Фарватер, по которому прежде ходили крупные корабли, сейчас оказался на таком близком расстоянии от противника, что без бинокля можно было разглядеть всякое продвижение по нему. Поэтому караваны шли стороной — по северному фарватеру либо по мелководью.

Залив окутывала осенняя тьма. Суда шли затемненными. Буксиры получили специальное топливо, чтобы из труб не вырывались искры и не валил густой дым. К дизелям были приделаны глушители. Курить запрещалось.

Мы плыли в тишине, нарушаемой только плеском волн, глухим стуком механизмов и шлепаньем буксирных тросов.

Я не мог постичь, как командиры бронекатеров в этой кромешной тьме умудряются замечать вешки и другие навигационные знаки? Судам, следовавшим в кильватер, идти было легче, так как серебристо светилась широкая полоса, оставляемая катерами на чернильной воде.

В ораниенбаумский порт мы вошли не видя ни одного огонька. Здесь суда разошлись по заранее намеченным причалам и сразу же началась разгрузка.

Артиллеристы, сойдя на берег, построились и немедля покинули пирс. Баржи же разгружались натренированными специалистами, умело управлявшими портовы-

ми механизмами. Стоило крану поднять с палубы пушку и поставить на землю, как ее тут же подхватывал трактор-тягач и утаскивал в укрытие. Снаряды извлекались из трюмов в ящиках и сразу попадали на грузовики, которые один за другим уходили к подземным складам.

Освободившиеся суда моментально отваливали от стенки и отходили в залив, а на свободные места швартовались сетевые заградители и самоходные баржи, прибывшие из Лисьего Носа. На их палубах полно было пехотинцев.

Я невольно усмехнулся, потому что мне подумалось: «Если немцы и увидят высадку войск, то навряд ли поверят своим глазам. Какие же разумные люди станут заполнять войсками «котел»? Скорей они постараются тайно удрать из него».

Проверка документов была строгой. Даже с командировочным удостоверением Главного политического управления меня продержали в комендатуре более часа.

Неожиданно начался артиллерийский обстрел. Снаряды со свистом пролетали над головой и разрывались на акватории порта, поднимая вверх то землю, то воду.

Поспешив в укрытие, я спросил у помощника коменданта:

— Неужели гитлеровцы заметили ночные корабли?

— Навряд ли, — ответил тот. — Профилактикой занимаются: то вечером, то утром пугают. По расписанию действуют.

Меня удивила логика портовика, но он оказался прав: минут через пятнадцать обстрел прекратился. Наступила тишина. Из землянок вышли саперы и стали засыпать землей воронки, менять разбитые в щепы доски на причалах.

Ораниенбаумский «пятачок» стал особой республикой, расположенной внутри большого блокадного кольца. Он имел свой малый обвод, названный немцами «котлом». Стенки этого «котла» были довольно толстыми и прочными. Кроме железобетонных дотов, глубоких траншей, они с двух сторон имели минные поля, надолбы и ряды колючей проволоки. А днище «котла» осталось все же дырявым. В любой день через ораниенбаумский порт могли утечь все войска, но они и не думали покидать свой обжитый «пятачок», наоборот — Вторая ударная армия счи-

тает его своим плацдармом и каждую ночь получает пополнение. Отсюда будет нанесен один из мощных ударов.

Добравшись пешком до разрушенного вокзала, я сел в поезд, состоявший из четырех классных вагонов. Оказывается, Лебяженская республика, как прозвали ее писатели, имеет свою железную дорогу, протянувшуюся вдоль моря на десятки километров — от Ораниенбаума до Калищ. По ней ходят не только приземистые бронепоезда моряков, но и довольно регулярно гражданский паровичок «овечка» с издырявленными и посеченными осколками зелеными вагонами.

Ровно в назначенный час два железнодорожника прицепили паровичок к составу, и он, без всяких сигналов, потянул вагоны в другой конец «пятачка». Вагоны скрипели и покачивались. В них набилось много женщин и подростков в серых ватниках. Это как бы была гражданская форма Лебяженской республики. Здешние швейные мастерские, видимо, выпускали одежду только такого цвета и фасона. В ней легче было маскироваться.

Местные жители везли в мешках и корзинах картофель и овощи. В этом году хорошо уродилась брюква, репа, картофель и капуста.

Оказывается, Лебяженская республика выращивала свой хлеб, овощи и корм скоту. Кроме того, жители работали на железной дороге и в мастерских, выпускающих военную продукцию.

В поезде еще раз у всех проверили документы и проездные билеты. Мы ехали по часто обстреливаемой местности: по обеим сторонам железнодорожного полотна виднелись воронки, наполненные водой.

Поезд останавливался в Малых и Больших Ижорах, в Борках. Пассажиры выходили и входили. Население уже привыкло жить в «котле» и вело себя так, словно не было вокруг замаскированных зениток, земляных щелей и неожиданно возникшей пальбы.

Я сошел в старом лоцманском поселке Лебяжье. Он стал столицей малой республики. Здесь находился политотдел и многотиражная газета моряков.

В редакции я появился в удачный момент: отпечатанную многотиражку увязывали в пачки для отправки в дальние воинские части. Пристроившись к экспедитору и почтальону на дрезину, я отправился по одному из «усов»

железной дороги в лесную часть республики. Оказывается, железная дорога имела несколько таких отводов, названных «усами», по которым после стрельбы уходили в лесную чащобу бронепоезда.

В начале тридцатых годов я побывал на трехмесячной военной подготовке в лебяженских летних лагерях. Местные леса и дороги мне были знакомы, потому что вузовскую роту не раз поднимали по тревоге и заставляли с полной выкладкой делать большие переходы и пробежки.

Когда-то на здешних просеках и полянах располагалось много палаточных городков. Теперь же в лесах выросли многочисленные землянки, блиндажи, капониры. Под высокими елками и соснами укрывались танки, самоходки, тягачи с тяжелыми пушками, походные мастерские и кухни.

Никогда еще в лебяженских лесах не было столько войск, а они все прибывали и прибывали. Саперы, видимо, не успевали строить землянки и дороги. Солдаты копошились всюду, даже на болотах.

Побывав на бронепоезде «Балтиец» и на двух тяжелых батареях, я еще раз убедился, что моряки нигде не меняют своего лексикона. Вагонная лесенка называлась трапом, площадка — палубой, порог — комингсом. Здесь, пока не было боевых действий, проводили по тревоге учения, «крутили» кинокартины, забивали «козла», «травили» в курилках у срезов бочек, наполненных водой. На флотском просторечии Ораниенбаум назывался «Рамбовом», Красная Горка — «Форт-фу», бронепоезд — «Борисом Петровичем», а обед — «бачковой тревогой».

Пообедав, я вернулся в Ораниенбаум. А там на мохначевском речном трамвае почти под утро отправился в Ленинград.

Теперь я знаю, какая уха заваривается в ораниенбаумском «котле». Только бы противник не пронюхал!

17 ноября. Женщины, которые не поддавались дистрофии и стойко выдержали испытания первой блокадной зимы, вдруг на второй год стали чахнуть и умирать. И это тогда, когда хлеба уже было почти вволю и других продуктов выдавали по карточкам больше, чем в Москве.

Пришлось для истощенных создать специальные стационары санаторного типа, лечить и подкармливать витаминами, чтобы смертность пошла на убыль.

Ко второй блокадной зиме готовились тщательней: сделав большие запасы продуктов, стали добывать топливо.

Уголь собирали по насыпи железнодорожных путей. В торговом порту водолазы опускались на дно, вымощенное толстым слоем кокса и антрацита, утопленных за многие годы погрузок, наполняли углем бадьи и с помощью кранов вытаскивали наверх.

Бригады лесорубов пошли выкорчевывать старые пни во всех пригородных лесах. Но и этого оказалось мало. Исполком Ленсовета принял решение — пустить на слом деревянные дома. Была объявлена всеобщая повинность: каждый ленинградец, достигший шестнадцати лет, должен заготовить четыре кубометра дров. Половина заготовленного пойдет на отопление его собственного жилья.

И люди охотно трудились. Некоторые выполняли по полторы нормы. Так было снесено семь тысяч деревянных домов и заготовлено более миллиона кубометров дров. Всех, кто жил в деревянных домах, пришлось переселить в каменные.

Но в парках за всю блокаду ни одного дерева не срубили. Парки охранялись, чтобы город мог дышать кислородом.

За лето и осень водолазы сумели по дну Ладожского озера проложить трубопровод, по которому пошло в Ленинград жидкое горючее, и электрокабель от Волховской ГЭС.

Сейчас электричество горит во многих домах. Оно зажигается рано утром, когда надо собираться на работу, и в семь часов вечера. Электроэнергия лимитирована. Каждая семья может пользоваться сороковаттной лампочкой не более четырех часов в день.

20 ноября. Побывал в кронштадтском ОВРе. Многотиражка, которую я редактировал, уже носит другое название, а штат старый. Печатник и наборщицы заметно поправились, а корректор Рая даже обрела пышные формы. Она вышла замуж за политотдельца.

На сторожевиках, тральщиках и катерах меня еще помнят. Блокада не повлияла на морское гостеприимство: во время «бачковой тревоги» меня приглашают к столу в кают-компанию.

25 ноября. Устроился в Кронштадте: получил крохотную комнату в подплаве. В ней тепло и ярко горит свет электрической лампочки.

Снова я среди подводников и слушаю всякие истории о «малютках», «щуках» и «эсках».

Здесь я встретил людей, которые в августе 1941 года были обречены на смерть, но сумели вырваться из стальной могилы. Я побеседовал с двумя из них и теперь могу написать, как все это было.

ЧЕТВЕРО НА ДНЕ МОРЯ

После длительного плавания у берегов противника С-11 вернулась в свои воды. У пролива Соэла-Вяйн она всплыла. Море было спокойным. Командир в переговорную трубку отдал команду: «Отдраить отсеки к ужину».

Подводники кинулись выполнять приказание.

Неожиданно подводная лодка как бы обо что-то ударилась и... подпрыгнула. Раздался грохот... Всех повалило с ног.

В последнем кормовом отсеке находился старший торпедист Никишин. Он тоже упал. Темнота мешала ему что-либо разглядеть. Торпедист нащупал аварийный фонарик и, не зажигая света, спросил:

— Ребята, чего это нас тряхнуло?

Его голос заглушил плеск воды, странное бульканье и свист. Не слыша отклика, Никишин фонариком осветил отсек. Луч света уткнулся в комендора Зиновьева, который, хватаясь за выступы торпедного аппарата, старался подняться.

— Ве-ве, жив?— окликнул его торпедист.

— Чуть жив! — отозвался комендор. — Коленку больно ушиб. Ноги дрожат, встать не могу. Видно, на мине подорвались.

— Где-то у центрального отсека грохнуло, — согласился с ним Никишин. — А что с Мазниным и Мареевым? Живы они?

— Тут мы! — отозвался Мазнин. — В ушах звенит, словно кто по голове ударил.

Свет фонаря выхватил из тьмы мокрые и бледные лица одного, другого электрика.

Вода лилась откуда-то сверху.

— Подобрать инструмент и заткнуть трубы, — приказал Никишин.

Все, кто был в отсеке, бросились заделывать отверстия, из которых поступала вода: закрыли пробками вентиляцию, переговорную трубу, цистерну пресной воды, поджали люк...

Никишин осветил переборку и заметил пробивающуюся из-под двери струйку воды. «Дверь была открыта, — вспомнил он. — Видно, сама захлопнулась. Надо немедля задраить».

Он быстро задраил дверь и тут же подумал: «А как же в шестом отсеке? Живы ли?» Он посмотрел в глазок, но ничего, кроме тьмы, не разглядел.

Старший торпедист попытался связаться с соседями по телефону, и телефон оказался мертвым: мембрана не вибрировала. «Затоплен центральный отсек», — понял Никишин. Он вернулся к переборке и, постучав в нее разводным ключом, громко выкрикнул:

— Шестой отсек... Шестой! Кто жив? Жив кто? Отвечай!

Через несколько секунд послышался ответный стук и едва слышный голос старшины электриков:

— Живы Биденко, Гординский и я — Милютин. Четвертый и пятый отсеки затоплены. Соседей не слышим. У нас вода по грудь. Как у вас?

— Что им ответим? — спросил Никишин у товарищей. — Может, впустим к нам?

Обитатели седьмого отсека молчали. Они понимали, что вместе с соседями в отсек хлынет и вода.

— Если они быстро проскочат и мы сумеем сразу же задраить дверь, то воды наберется по пояс, не больше, — стал убеждать торпедист. — Вместе и погибать веселей.

— Давай, — отозвался Мазнин.

— Что будет, то будет. Откроем, — согласился Зиновьев.

И они стали отдраивать дверь. А Никишин тем временем, стукнув в переборку, крикнул:

— В шестом! У нас воды мало. Приготовьтесь перейти в седьмой. Только не мешкать!

— Есть перейти! — радостно ответили три голоса за переборкой.

Но радость их была преждевременной. Взрывом стальную дверь так заклинило, что с места не могли сдвинуть ее ни лом, ни кувалда. Трудились до изнеможения и — напрасно, усилилась лишь течь из-под двери.

— В шестом! Попробуйте с вашей стороны чем-нибудь таранить! — крикнул Никишин.

— Пробовали... воды много... ничего не выходит!

Отдохнув, Мазнин с Зиновьевым вновь принялись орудовать ломом и кувалдой. Переборка гудела, вибрировала, а дверь не колыхнулась, словно приварилась.

— Ребята! Попытайтесь зубилом там, где заедает! — советовал Биденко из шестого отсека. — Я уже на подставке стою, вода к горлу подходит!

В ход были пущены зубила, но сталь оказалась столь крепкой, что зубила, высекая искры, крошились.

— Ну что — ничего у вас не выходит? — не слыша кувалды, спросили из шестого отсека.

— Не тревожьтесь, что-нибудь придумаем, — пообещал Зиновьев.

— Спешите... иначе поздно, — просил Биденко. — Воздух утекает... я уже упираюсь головой в подволок.

Ломом вдруг овладел Мареев и яростно стал колотить им в дверь, словно собирался пробить дыру. Он был в исступлении, но товарищи не останавливали его. Пусть хоть стуком подбадривает соседей. Но когда Мареев стал долбить палубу, Зиновьеву пришлось отнять у него лом.

— Брось, не психуй, — сказал он. — Без тебя тошно.

Не слыша ни всплесков, ни голосов в шестом отсеке, Никишин окликнул старшину:

— Милютин! Как там у вас?

— Воздух убывает, — глухим голосом отозвался старшина. — Если сможете, спасайтесь сами... О нас не

думайте... Прощайте, товарищи! — с тоской выкрикнул он. — Да здравствует Родина!

Что-то выкрикивали и другие обитатели шестого отсека, но их голоса были глухи и невнятны.

Никишин, чтобы подбодрить соседей, закричал:

— Держитесь, балтийцы не сдаются до последнего вздоха. Задрайте все отверстия, чтобы воздух не вытекал!

Но из шестого отсека больше никто не откликался.

Наступила тягостная тишина. Фонарик в руках Никишина погас. И вдруг во тьме раздался нелепый, дикий хохот Мареева.

Зиновьев бросился успокаивать друга:

— Перестань, не дури!

— Прекратить! — прикрикнул на них Никишин. — Довольно переживать! Разобрать индивидуальные спасательные приборы и опробовать!

Мазнин и Зиновьев поспешили выполнить приказание старшего торпедиста, а Мареев стоял и всхлипывал. Он был безучастен. Пришлось Зиновьеву отыскать его спасательный прибор, взять в зубы загубник кислородной маски и проверить. Кислород поступал хорошо.

— Выйти попробуем через торпедный аппарат, — громко сказал Никишин. — Правда, он занят боевыми торпедами, но мы попробуем произвести выстрел.

— Как же выстрелишь без сжатого воздуха? — спросил Мазнин.

— Я обдумал. Воздух высокого давления возьмем у запасной торпеды.

Они втроем подобрались к торпеде, лежащей на стеллаже, и с помощью плоскозубцев, зубил, отверток попробовали присоединить к клапану гибкий шланг. Работали в темноте на ощупь. Неожиданно по пальцам ударила резкая струя воздуха. Запирающий клапан вырвало, и воздух, от которого зависело спасение, со свистом вышел в отсек.

Давление резко возросло. Трудно стало дышать. Кровь стучала в висках. Пришлось через люк стравить немного воздуха.

Неудача не обескуражила моряков. Решили добыть сжатый воздух из боевой торпеды соседнего аппарата.

Первым делом обезвредили торпеду и стали действо-

вать со всеми предосторожностями. После длительной возни воздух наконец поступил в боевой клапан. Но выстрела сразу не получилось. Торпеда ушла лишь после четвертой попытки и легла на грунт где-то рядом.

Путь в море был открыт. Предстояло самое трудное: проползти внутри трубы диаметром пятьдесят три сантиметра.

— Кто пойдет первым? — спросил Никишин.

Но ни один из товарищей не откликнулся. Как проползешь в такой узости почти семь метров?

— Ладно, попробую я, — сказал Никишин, хотя плечи у него были не уже, чем у товарищей, скорей — шире. — Если застряну, вытягивайте за трос.

Он нашел буй и привязал к нему трос с узелками. Затем напомнил, что сразу из глубины всплывать опасно: можно получить кессонную болезнь.

— Держитесь за трос и останавливайтесь у каждого узелка, — посоветовал торпедист. — Я сам просигналю, когда всплыву. А сейчас — переодевайтесь в чистое.

В прежние времена моряки стали бы молиться, а советские парни, надев свежие тельняшки и трусы, запели «Интернационал».

Кончив петь, Никишин открыл крышку торпедного аппарата. В отсек хлынула вода. Казалось, она затопит его мгновенно. Но, поднявшись над трубой сантиметров на сорок, вода больше не прибывала. Ее напор сдерживала воздушная подушка. Давление внутреннее и наружное уравнялось.

Надев маску, Никишин ушел под воду и пролез в тесную трубу.

Толкая головой буй, отталкиваясь руками и вихляя всем телом, Никишин медленно продвигался вперед. От непривычных усилий ему стало жарко. Сердце бешено колотилось, стучало в висках. Трудно было втягивать легкими поступавший по трубе кислород, но торпедист не давал себе отдыха, продолжал ползти.

Наконец семиметровая труба кончилась. Никишин выпустил буй и, держась за пеньковый трос, стал дышать полной грудью. Теперь следовало подниматься вверх не спеша.

В отсеке ждали сигнала более получаса. Зиновьев, державший трос, не чувствовал рывков.

— Не случилось ли что с Никишиным? — встревожился он. — Может, фрицы схватили его?

— Да нет, какие фрицы? — возразил Мазнин. — Наш остров виднелся, тут свои.

Подождав еще несколько минут, Зиновьев сказал:

— Давайте выбираться без сигнала. Первым пойдешь ты, Мазнин. У тебя плечи покатые. В случае чего — подсобишь.

Мазнин ростом был меньше других. Он довольно легко заполз в трубу и минуты через две очутился у наружного конца торпедного аппарата. Там он стал поджидать товарищей. Но те почему-то не показывались.

Обеспокоенный краснофлотец вернулся в отсек. Вынырнув из воды, он снял маску и спросил:

— Что же вы застряли? Боитесь, что ли?

— Да не боюсь я, — в сердцах ответил Зиновьев. — Мареев упирается, не хочет маску надевать. Сдурел, прямо сдурел!

Они вдвоем принялись уговаривать упрямца, а тот, отталкивая их, кричал:

— Удушит! Это удавка! Не буду... боюсь!

Тогда они его встряхнули и, силой запихав в рот загубник, быстро надели маску и включили прибор.

Глотнув кислороду, Мареев притих и как бы успокоился.

— Вот так бы давно! — похлопав товарища по плечу, похвалил Мазнин. — Не трусь, ползи за мной. Смотри, как это делают.

Он отдал Зиновьеву запасной аварийный фонарик, чтобы тот посветил. Затем опустился под воду, показал, как надо заползать в трубу, и исчез.

Выбравшись из подводной лодки, Мазнин не спешил подниматься на поверхность моря, он хотел сделать это вместе с заболевшим Мареевым, а тот не выходил.

«Вот ведь волынщик! — рассердился краснофлотец. — Из-за него весь кислород израсходую».

Он опять вернулся в отсек. Там светилась аварийная лампочка. Воды прибавилось. Оба товарища стояли без масок. Зиновьев гладил Мареева по голове, как маленького ребенка, и уговаривал выйти из отсека раньше его. А электрик, пугливо озираясь на мечущиеся тени, бормотал:

— Отыдь! Я тебя не знаю... не тронь! Выпустите меня, хочу домой!

— Шут знает, что плетет! — пожаловался Зиновьев. — Видно, помешался. Я его — и добром, и руганью, а он все свое. Может, силком попробовать?

Они попытались вновь надеть на Мареева маску, но тот начал отбиваться от них, да так, что два крепыша не могли с ним совладать. Сумасшествие словно прибавило парню сил.

— Связать бы, — задыхаясь, сказал Мазнин.

— Нечем.

— Тогда оставим его пока здесь до подхода помощи. А нам выбираться надо. Тут пропадем.

— Нет, не смогу его оставить, — заупрямился Зиновьев. — Друг он мне. Мы всюду вместе... И на увольнение, и к девчатам, и футбол. Если помирать — то вдвоем.

— Вы что — оба сдурели? — рассердился Мазнин. — Вот я сейчас всплыву к Никишину, он вам покажет, как помирать!

Но и угроза не помогла. Зиновьев вновь принялся упрашивать Мареева вместе выйти из отсека, а электрик — то плакал, то смеялся. Обозлясь на упрямцев, Мазнин натянул на лицо маску и в третий раз уполз в трубу. Со дна он поднимался неторопливо: отдыхал после каждых двух метров. И вот когда до поверхности моря оставалось совсем немного, моряк вдруг почувствовал, что иссякает кислород. Он почти не поступает в легкие... В растерянности Мазнин выпустил из рук буйреп...

Никишин, поджидавший товарищей у буя, временами чувствовал, как дергается трос, и в досаде думал: «Чего они там копаются? Не застрял ли кто в трубе? Надо бы помочь».

Теряя терпение, он опустился по буйрепу вниз, но никого не нащупав, вновь не спеша всплыл. Глубина сравнительно была небольшой: метров двадцать.

«Что предпринять? — стал размышлять торпедист. — Обратно в лодку мне не вернуться, слишком тесна труба. С трудом пробрался на волю. Второй раз может не повезти, — забью проход. Тогда никто не выйдет».

Неожиданно он почувствовал живое подергивание буйрепа и тяжесть на нем. Кто-то с небольшими переры-

вами поднимается. «Наконец-то!» — обрадовался торпедист.

Мазнин вылетел на поверхность, сорвал маску и открытым ртом стал хватать воздух. Волна хлестнула ему в лицо. Краснофлотец захлебнулся и, теряя сознание, взмахнул руками...

Видя, что товарищ тонет, Никишин кинулся ему на помощь. Он сумел схватить его за волосы уже под водой. Ничего не соображавший Мазнин цеплялся руками, мешал плыть. С трудом удалось подтянуть его к бую.

У буя Мазнина вырвало. Он опять стал дышать открытым ртом и постепенно пришел в себя.

— Почему один всплыл? — строго спросил Никишин.

Мазнин, объяснив, почему не хочет покидать отсек Зиновьев, попросил:

— Ты старший, имеешь право приказывать. Со мной они не считаются, а тебе подчинятся, вот увидишь.

— Мне туда дороги нет, кость больно широкая, — с сожалением сказал Никишин. — Ты сможешь один удержаться на буе?

— Смогу, — ответил Мазнин.

— Тогда оставайся здесь, а я поплыву к острову. Авось удастся лодку раздобыть. Только ты не падай духом. Жди, я обязательно вернусь.

Никишин уплыл, а Мазнин, держась за буй, стал осматриваться. Уже начинало светать. Всюду поблескивали пятна растекавшегося соляра. Со дна то и дело поднимались пузырьки.

«Воздух выходит, — понял краснофлотец. — Не из седьмого ли отсека? Хоть бы Зиновьева спасти».

А Зиновьев тем временем, поддерживая электрика, чтобы тот не утонул, продолжал упрашивать друга покинуть отсек. А Мареев, словно не слыша его, выкрикивал бессвязные фразы.

Аварийная лампочка погасла, стало темно, точно они оба очутились в могиле. Воздух был сперт. Дышать становилось все труднее и труднее. Зиновьев добрался до аптечки, на ощупь вытащил нашатырный спирт, сам понюхал и приставил пузырек к носу товарища.

— Последний раз спрашиваю: пойдешь ты или нет? — выкрикнул он.

— Пойду, — словно придя в себя, вдруг негромко ответил электрик. — Только ты первым.

Спорить уже не было сил. Да и требовалось спешить. Зиновьев помог Марееву натянуть маску и включиться в спасательный прибор. Затем это же проделал сам.

Надавив на плечи электрика, чтобы тот присел, он подтянул его к торпедному аппарату, желая втолкнуть в трубу. Но Мареев уперся руками и ногами. Пришлось бросить эту затею и выходить первому.

Попрощавшись с другом, Зиновьев с трудом выбрался из трубы и, держась за буйреп, обессиленным посидел некоторое время на стальном корпусе корабля. Длительное кислородное голодание сказалось: на несколько секунд он потерял сознание.

Придя в себя, Зиновьев понял, что наступило утро, так как вверху было светлей, чем на дне. Мареева он нигде не видел.

«Вышел или обманул?» — не мог понять комендор. Но возвращаться назад у него не было сил. Более пятнадцати часов Зиновьев пробыл в затопленном отсеке. Остро захотелось хоть раз глотнуть свежего воздуха полной грудью. Он выпустил из рук буйреп... Сперва медленно, а затем все быстрей и быстрей его понесло наверх. Голова невольно закружилась...

К счастью, к бую в это время подходил катер, присланный приплывшим к острову Никишиным. Катерники подобрали из воды потерявшего сознание Зиновьева и трясущегося от холода Мазнина. На острове им оказали первую помощь и переправили на материк.

Впервые об этой истории я узнал не на Балтике, а на Кавказе от морского разведчика Сиванова, которого из блокадного Ленинграда перебросили на Черное море. Как-то разговорившись, мы вспомнили подводников, перешедших служить в разведотдел. Оказывается, Сиванову запомнилась гибель С-11, потому что он невольно стал организатором особого отряда.

В августе 1941 года в разведотделе раздался телефонный звонок. У провода был представитель Ставки адмирал Исаков. Он приказал кому-нибудь из ответственных лиц прибыть в Смольный. Комиссара и началь-

ника отдела на месте не было, вместо них пришлось поехать Сиванову.

Адмирал его принял без промедления и спросил:

— Вам нужны люди, обученные водолазному делу?

В разведотделе на эту тему разговоров не было. Но Сиванов знал, что людей у них мало, понадобятся любые крепкие парни. И он, не теряясь, ответил:

— Нужны, очень нужны.

— Видите ли, утром ко мне приходил начальник ЭПРОНа — Фотий Крылов. Его Выборгскую школу водолазов эвакуировали в Ленинград. Здесь намерены расформировать. Люди, умеющие работать под водой, могут попасть в обычные пехотные части. А вы слышали, как с потопленной С-11 люди вышли через торпедный аппарат?

— Да, читал донесение.

— А у вас не возникло мысли, что на подводных лодках таким же способом можно засылать в тыл противника разведчиков?

— М-м...— замялся Сиванов. — Кое-что думали... собираемся.

— Тянуть нельзя. У итальянцев и англичан уже создаются подобные подразделения. Но, конечно, придется повозиться со школой: подыскать помещение, утвердить штаты... в общем, сделать все, что положено в таких случаях.

— Мы готовы, — ответил Сиванов, еще не представляя себе, как все это он проделает.

— Тогда отправляйтесь сейчас же в ЭПРОН к Фотию Крылову и согласуйте штаты. Я помогу утвердить. Только действуйте порасторопней, — посоветовал Исаков.

Выйдя от адмирала, Сиванов не без тревоги подумал: «Влетит же мне от начальника! Ведь какую обузу взял». Но на попятную идти было поздно. Он отправился в ЭПРОН.

Фотий Крылов, узнав, что его люди пристроены, обрадовался и тут же принялся объяснять, как они могут быть использованы:

— Тяжелые водолазы вам ни к чему. Снаряжение слишком громоздкое: нужен специальный бот, компрессор, дежурная служба с телефоном. Но учтите — каж-

дый тяжелый водолаз в любой момент может стать легким. Вы сразу получаете чуть ли не сотню обученных бойцов, которых после небольшой тренировки можно тайно забрасывать на территорию противника. Они пройдут под водой, добудут нужные сведения и по дну морскому вернутся. Легкие водолазы смогут даже топить в гаванях корабли.

Фотий Крылов передал список курсантов, преподавателей водолазного дела и опись вывезенного из Выборга имущества.

Нагоняя Сиванов, конечно, не получил, наоборот — начальник был доволен, что удалось заполучить роту разведчиков, способных проникать к противнику под водой.

Водолазы заняли здание семилетки на острове Декабристов и стали учиться вылезать через торпедные аппараты подводных лодок. Но удалось ли им действовать в тылу у противника, Сиванов не знал. Я решил побывать в отряде.

РОТА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

2 декабря. На Голодае, невдалеке от памятника декабристам, я нахожу школу, в которой разместилась рота особого назначения. У проходной будки мое удостоверение проверил дежурный. Его помощник, белобрысый невысокий матрос в сером водолазном свитере и брезентовых штанах, заправленных в кирзовые сапоги, повел меня к начальнику.

Двор, по которому мы шли, был аккуратно выметен и походил на хорошо надраенную палубу. В стороне виднелись грядки белокочанной капусты, а за ними — хорошо перепаханное поле. Чувствовалось, что здесь обитают не лентяи, а люди, знающие цену земле.

Вид командира отряда меня поразил. Это был морячина сказочного калибра: ростом около двух метров, плечистый, с крепкой загорелой шеей и мощным торсом. Он один, казалось, заполнил добрую половину бывшей учительской. Протянув широкую ладонь, похожую на ковш экскаватора, он представился:

— Капитан-лейтенант Прохватилов... Иван Васильевич! Седайте, — пригласил он. — Снедать будем.

На вид Прохватилову было лет тридцать пять. Курносое, по-крестьянски грубоватое лицо и серые глаза с украинской хитринкой располагали к себе.

«Весит не менее ста двадцати килограммов, — подумалось мне. — Это действительно тяжелый водолаз!» И тут я разглядел, что в комнате присутствует еще один человек, с такими же четырьмя звездочками на погонах. Небольшой, с землисто-серым, одутловатым лицом, он был неприметен рядом с богатырем.

— Заместитель по политической части капитан Маценко, — отрекомендовался он.

Вскоре на столе появился противень с беломясыми поджаренными птицами, обложенными золотистым картофелем, кружками моркови и свеклы.

— Голуби, что ли? — поинтересовался я.

— Ни-и, — ответил Прохватилов на родной «мове». — Их треба исты як рыбу, тогда воны вкусные, а если як мясо, то смак не тот.

— Ага, видно, нырки или чайки? — догадался я.

— Воны! — подтвердил Прохватилов. — За войну всего попробовали. Мне ж одного пайка мало. А блокадного — на ползуба не хватало. Все перепробовал, даже ворон и... как видите, при довоенном весе остался.

Меня, оказывается, угощали чайками, обжиравшимися глушенной при обстрелах салакой. За лето птицы так потучнели, что почти не летали над заливом, а больше отсиживались на отмелях. Их без труда можно было добыть из мелкокалиберки. По вкусу раскормленные чайки не уступали курятине, но сильно отдавали рыбой.

Пока я ковырялся с одной беломясой тушкой, водолаз расправился с четырьмя. Под его крепкими челюстями только похрустывали птичьи косточки. Маценко не притронулся к жаркому, он небольшими глотками пил чай.

Поужинав, я попросил рассказать о каких-нибудь операциях отряда, которые сейчас уже не являются тайной.

— Операций интересных прошло много, — сказал Прохватилов. Он старался говорить чисто по-русски, но в речь все же врывались украинские словечки. — Но кое-

что даже от меня в секрете держат. Ведь самое трудное было отряд сохранить, особенно — в сорок первом году. Один в телефонную трубку требует: «Немедля построить бойцов и форсированным ходом отправить на пополнение в стрелковый полк. За неисполнение — расстрел». А кто он, этот крикун, — я не вижу. Флотским звоню. А оттуда голос еще грозней: «Не сметь! Сохранить водолазов для флота!» И тоже расстрелом грозится. Потом звонок из третьего места. Всем мои хлопцы нужны. Вижу, так и так расстрела не избежать, вызываю связиста и по секрету приказываю: «Оборвать телефонные провода и сделать вид, что не можете найти обрыв». Только такой хитростью и удалось сохранить отряд.

Помню еще один случай, в ту же осень, — продолжал Иван Васильевич. — Генерал Жуков на Ленинградский фронт прибыл и круто гайки завернул. Начальнику нашего разведотдела приказал лично высадиться на южный берег Ладожского озера и подготовить плацдарм для десанта в тылу у немцев.

Наш Наум Соломонович небольшой, щуплый, он прежде только с заграничной агентурой дело имел, для рукопашного боя не приспособлен. Пришлось мне с ним пойти. Взяли с собой двадцать пять хлопцев, которые холостые, не женатые. На Ладоге шторм, холодина. Хорошо, догадались два костра на горе развести, чтобы они были для катеров ориентировочным створом. Пошли на двух «каэмках» и, поглядывая на костры, точно высадились в назначенное место. Немцев на берегу не оказалось. Они днем сидели в засаде у камышей, а ночью на гору поднимались. Там у них огневые точки и укрытия были. Между озером и горой получилась непросматриваемая, мертвая зона.

Я приметил, десантник своих сухарей и махорки никогда не подмочит, а рации то и дело из строя выходили. Так случилось и в этот раз, не доглядели и подмочили. Катерники, конечно, передали, что мы благополучно высадились, а с суши по радио связи не наладили.

Замаскировались мы под обрывами. Отсюда решили сигналы подавать нашим. Утром высмотрели, какие огневые точки надо уничтожить, и стали ждать. Еще одна штормовая ночь прошла, — никто на наши сигналы не ответил. И на третью ночь ни одного огонька на озере.

Что делать? У нас еда на исходе. Одежда не просыхает, многие кашляют. Решили с боем прорываться к своим. Один наш водолаз на канале в Шлиссельбурге работал. Он там все ходы и выходы знал.

Разобрали мы патроны и гранаты и двинулись к Шлиссельбургскому каналу. Я с нашим проводником впереди, остальные за мной. Решили втихую пройти, без стрельбы, чтобы противника не всполошить. Взял я в правую руку гранату без запала. Подберусь к часовому, тюкну по каске, он и обмирает, добавлять не надо. Но в одном месте немцы все же нас приметили, «хальт» кричат и пароль требуют. Пришлось по ним огонь открыть и врукопашную кинуться.

Покалечили мы их в ту ночь немало. Но и нашим досталось: трех мальцев насмерть уложили и нескольких сильно поранили. Но мы их всех вынесли и к своим прорвались.

Оказалось, десантники не догадались костров зажечь. В штормовую ночь заблудились на озере и стали высаживаться совсем в другой стороне. А там на засаду нарвались. В общем, провалили операцию. И хотели свою вину на нас свалить: мол, никаких сигналов не подавали. Нас потом на допросы вызывали и у бойцов спрашивали: не струсили ли мы? Не умышленно ли рацию из строя вывели? А наши водолазы молодцы, в один голос твердили: «Без рации можно было согласованно действовать, надо умных людей на операцию подбирать». Их хотели за дерзость наказать, но обошлось.

— Ну, а на подводных лодках удалось забрасывать в тыл немцев разведчиков? — поинтересовался я.

— Чего не знаю, того не знаю. Брали у нас опытных хлопцев и не говорили зачем. А спрашивать не полагалось. Некоторые пропадали, а некоторые возвращались, но помалкивали. Хороший разведчик языка не распускает.

— А как под Петергофом действовали?

— Об этом можно рассказать, сам участвовал. Еще в сорок первом году почти на траверзе Петергофа затонул пароходишко. Он хоть и небольшой был, а место мелковатое: кормой уперся в дно, а нос остался из воды торчать. На второй год в носу этого пароходишка мои хлопцы устроили наблюдательный пост. Ночью пробе-

рутся под водой в носовую часть и сутки наблюдают в просверленные дыры. Немцам и невдомек, шо за ними из воды следят. Как-то осенью сорок второго хлопцы мне докладывают: «Фрицы у петергофской пристани закопошились. В три смены с огнями работают». Я до начальства. «Так и так, говорю, какую-то пакость хвашисты замышляют». — «На пакости они мастера, — говорит начальник. — Ты слыхал, как на фарватер они мины засылают? Когда дует береговой ветер, берут старые шлюпки, грузят в них мины, просверливают в днище дыры с таким расчетом, шоб, продрейфовав до фарватера, набрали воды и затонули. Может, сейчас фрицы похитрей сооружение запускать собираются. Пошли своих легких водолазов в Петергоф, пусть вблизи посмотрят. А заодно проверят: на месте ли стоит главная фигура фонтанов — Самсон, разрывающий пасть льву. Ходит слух, что немцы его распилили и в Германию отправили». — «Есть, говорю, будет исполнено».

Послал я катер с «тузиком» под Петергоф. Мои хлопцы на «тузике» до отмели добрались, там его затопили и решили по каналу к самому дворцу дойти. Да не тутто было. Немцы завалили канал всяким железным хламом: покореженными трубами, железными койками, сетками. Все же хлопцы далеко прошли и разглядели — Самсона на месте нет. И льва не осталось. Пусто. Потом они в темноте к пристани подобрались. Видят — прожектор светит, немецкие саперы сваи вбивают, новый настил делают. А на берегу у них что-то грудами наложено. Но не разглядишь — брезентом прикрыто, а рядом часовой ходит. «Видно, мины для нас приготовлены», — доложил мне старшина.

Я опять до начальства. Те командующему докладывают. А у командующего разговор короткий: «Уничтожить пристань. А как это сделать, сами голову ломайте. Пусть Прохватилов покажет, что его водолазы умеют». А мы умели только под водой ходить да с торосов наблюдать. Взрывать пристани никто не учил. Сижу и гадаю, как лучше поступить. Всем отрядом в Петергоф не пойдешь, а два-три хлопца много взрывчатки под водой не донесут. Надо другое придумывать. А шо? Ничего в голову не лезет.

Хорошо, минер один нашелся, он и посоветовал: «До-

стань, говорит, мину, которую против кораблей ставят, и отбуксируй под водой к пристани. Она так шарахнет, что и камней не останется». «О це дило!» — обрадовался я и пошел до минеров. Те мне вместо одной парочку старых мин подобрали. Показали, как отрегулировать надо, чтобы под водой шли, не всплывали. В придачу взрыватели с магнитными присосками и часовым механизмом выписали. У какой отметки чеку выдернешь, через такое время и взорвется.

Вызываю к себе старшего водолаза и приказываю: «Подбери покрепче хлопцев и потренируй вот эти черные кавуны под водой таскать».

«Кавуны» были большими, руками не обхватишь. Вместо минрепов пришлось стальные тросы с петлями нацепить. Ну и потаскали немного под водой. Мины оказались норовистыми, не очень-то шли, сопротивлялись. Все же через день мы запросили «добро» на выход.

На операцию нам дали бронекатер. Прицепили мы к нему на буксир шлюпку с минами и пошли в темноте на траверз Петергофа.

Перед самым Петергофом потихонечку якорь опустили и высадили на шлюпку четырех гребцов и троих хлопцев в легких водолазных костюмах. На прощание подал я мичману Королькову взрыватели и советую: «Вот эту чеку выдернешь, чтоб через час взорвалась. И сами не копайтесь, как привяжете к сваям — ходу!»

Взяли мои хлопцы обе мины на буксир и, обернув уключины тряпками, ушли на веслах в темноту. А я на бронекатере сижу тай думку гадаю: «Дойдут чи не дойдут?» Чего только в голову не лезло! «Сейчас, думаю, шлюпку остановили, мины притапливают... Только бы не блеснула какая, звезды некстати появились». Беру бинокль, в берег всматриваюсь. «Шо там светится? .. Какие-то фигурки копошатся на пристани. Скорей бы сменялись, а то еще приметят моих...»

А дело не так быстро шло, как хотелось. Гребцы затабанили, когда до пристани оставалось меньше двух кабельтовых. Дальше грести было опасно. Раз они пристань и людей видели, то и немцы могли их приметить.

Смерили глубину. Восемь метров линя ушло. Чтобы легче было возвращаться назад и не плутать, мичман сам на носу шлюпки закрепил катушку с телефонным

проводом. Потом притопил обе мины, взял сумку со взрывателями и спустился с водолазами на дно. Там тьма, хоть глаз выколи! Привязались хлопцы друг к дружке, чтоб не потеряться в пути, и начали разматывать телефонный провод.

Мичман шел впереди. В левой руке он держал петлю кабеля, в правой компас. Спиридонов со Звенцовым шагали за ним и тащили на буксире мины. Те плыли чуть выше их и будто бы не сопротивлялись. Но это только казалось. От пота хлопцы мокрыми стали. На тренировках такое расстояние они проходили за пятнадцать-восемнадцать минут, а тут и двадцати пяти не хватило. Мичман забеспокоился: «Правильно ли идем? Железа в минах много. Может, компас врет?» Дал сигнал остановиться. Сунул направляющий провод переднему водолазу, а сам, пустив в кислородный мешок воздуху, потихоньку всплыл.

Пристань увидел рядом. Она высилась метрах в восьми. Ни часового, ни саперов не было. Они сменялись, заступать должны были ночники. Мичман выпустил из мешка воздух и спустился на дно к своим.

Втроем они затащили мины под пристань и привязали к сваям. Мичман осторожно вытащил чеку из взрывателя и прилепил его к правой мине, потом то же самое проделал с другой.

Тут вспыхнул прожектор. Под водой стало светлей. По настилу застучали кувалды. Мешкать нельзя. Хлопцы осторожно слезли с камней, которые там грудой навалены, и, держась за провод, ушли на глубину.

Гребцы сразу почуяли, что воны возвращаются. Стали наматывать провод на катушку. И минут через пятнадцать хлопцы оказались около шлюпки. Казалось, легче было возвращаться, а запыхались. Видно, кислород в баллонах кончался, да и волнение силы отняло. Самостоятельно вскарабкаться на борт шлюпки не могли. Пришлось помогать. На это немало времени ушло.

Волна вже поднялась. Стрелки часов за двенадцать перевалили. А хлопцев все нет и нет. У меня на бронекатере душа изболелась, терпение потерял. А сигналить не могу, немцы заметят. «Снимайтесь с якоря! — говорю. — Пошли хлопцев шукать».

И только мы якорь подняли, как из воды вдруг све-

тящаяся башня выросла. Свет слепящий, словно автогенный. Двойной взрыв в уши ударил. Катер так подкинуло, что я чуть за борт не вылетел.

Хоть ослепли и звон в ушах, но кинулись искать хлопцев. Но где их всех в темноте найдешь. Накатной волной шлюпку опрокинуло и людей раскидало. Нескольких гребцов да мичмана только подобрали. Корольков оглох. «Где остальные?» — пытаю. А он только руками разводит. До утра так и не нашли двух. Потом, как посветлело, обстреливать нас начали. Пришлось тикать домой.

Пристань, конечно, в щепки разнесло, а мы никого не потеряли. Хлопцы нашлись. У них в кислородных мешках воздух остался, на поверхности держал. Хорошо, ветер в нашу сторону дул. Водолазов к дому дрейфовало. Одного утром на песке нашли. Так устал, что уснул прямо у прибойной полосы. А другого бойцы соседней батареи подобрали и нам по телефону позвонили.

Да шо там пристань! — продолжал Прохватилов. — У Стрельны потрудней было. По ночам откуда-то на Морской канал стали выскакивать быстроходные катера с автоматчиками. Вылетит такой черт из темноты, с треском пронесется мимо сторожевика — и верхней команды как не бывало. Всех покалечит, а вторым заходом сам катер подожгут. А шо за катера, куда деваются, никто сказать не мог. Авиацию посылали. Разведчик весь берег осмотрел, фотоснимки сделал. Нет катеров, словно сквозь землю проваливаются.

Вызывает меня к себе наш каперанг и говорит:

— Иван Васильевич, дело серьезней, чем ты думаешь. Итальянцы и немцы на Средиземном море катера, управляемые по радио, испытывали. Могли по железной дороге и сюда их подкинуть. Кронштадт и Морской канал у них под носом. Пойдет из Ленинграда крейсер, немцы выпустят такой катер, набитый взрывчаткой, и в две минуты корабля не станет. И вообще в такой близи всякие катера опасны, даже штурмботы. Надо найти их и уничтожить. Флот не может рисковать. Пошли своих водолазов, пусть весь берег обшарят.

Я не стал весь берег обшаривать. Мои хлопцы приметили, что ночные катера у стрельнинской бухты пропадают. Не под воду же они уходят. Но как в Стрельну

пройдешь? Вокруг все заминировано, оставлен только узкий проход у края дамбы. Правда, немцами почти не охранялась заболоченная часть берега. Они считали ее непроходимой. Там зимой были поставлены клетки с колючей проволокой. Весной топь их засосала, выглядывали лишь колышки, а колючая проволока ушла в тину.

Наш мичман Никитин — бывший осводовец. До войны он не раз дежурил на вышке Стрельны и наблюдал за купающимися. Бухту и побережье знает так, что ночью может пройти куда надо. «Хотите, проберусь по болоту, — сказал он мне. — Дайте только хорошего напарника». — «Выбирай сам хлопца по душе, — отвечаю ему. — На такое дело добровольцы нужны».

Нашел Никитин напарника. Мы их вечером переправили на заболоченный берег и две резиновые шлюпки оставили.

Хлопцы через все препятствия на животах проползли. Правда, ободрались сильно, но штурмботы нашли. Легкие суденышки были вытащены под деревья на берег и прикрыты маскировочными сетями. Взрывчатки у Никитина с собой не было, он не тронул штурмботы, но важное открытие сделал — мыс почти не охранялся. За ним только наблюдали из домика, стоявшего посредине дамбы.

Ночи были темными, мы решили пройти до стрельнинской дамбы на шлюпках отрядом в четырнадцать человек: одни должны были катера взрывать, другие домик блокировать, а третьи немцев с берега не пропускать до конца операции, а потом вплавь уходить. В легких водолазных костюмах это нетрудно.

В первую ночь наша диверсионная группа промахнулась. Шлюпки дошли до Стрельны, а там в темноте не могли найти прохода и вернулись к катеру. Тогда я решил, что первым делом надо на мыс высадить сигнальщика. Как бы хорошо компас ни работал, ночью узкого прохода не найдешь, — то ветер снесет в сторону, то течение подведет, то волна.

Нашел хлопца смелого и смышленого. Он из студентов ко мне пришел, звали его Севой Ананьевым. Дал я ему карманный фонарик и велел надеть легкий водолазный костюм.

День выдался дождливый. Тучи так опустились над

заливом, что днем темно стало. Уселись мы на моторку и понеслись к Стрельне. Осталось до берега каких-нибудь три кабельтовых. Вдруг тучи развеяло и солнце выглянуло. Наша моторка как на ладони. Шо делать? Я говорю Ананьеву: «Ложись по правому борту и, как ближе подойдем, скатывайся в воду». Сам поднимаюсь во весь рост и руками так машу, будто прошу разрешения ближе подойти и что-то сказать. А воны, видно, решили — моряк балтийский пришел в плен сдаваться, не стреляют.

Скоро мы приблизились к мысу. Я негромко говорю Ананьеву: «На повороте скатывайся» — и приказываю мотористу: «Право руля!»

Я знал, где у немцев пулеметы замаскированы. Вижу — на меня стволы направлены. Сейчас ударят и насквозь прошьют. От страха, наверное, пятки вспотели, а стою, не сгибаюсь.

Ананьеву удалось на повороте незаметно в волны скатиться. Тут я еще выразительней руками засигналил: «Мол, не могу прохода найти, разрешите под прицел другого пулемета перейти». Немцы молчат, вроде соглашаются. Но ни один гад не поднялся и прохода не показал.

Так мы от пулемета к пулемету чуть ли не до Петергофа дошли. «Ну, думаю, сейчас терпение у немцев лопнет и мне капут. Надо как-то выкручиваться». Мой моторист ни жив ни мертв, едва румпелем ворочает. Я ему говорю: «Дай полный и уходи мористей!»

Как только мотор взревел, я повалился и голову под сиденье спрятал. «Зигзагом, кричу, зигзагом!» Немцы, конечно, из всех пулеметов затарахтели. Пушка начала бить. Но нам все же удалось удрать, потому что опять небо тучами заволокло и потемнело. Правда, моторку во многих местах пули прошили. Удивляюсь, как нас не тронули.

На ночную операцию старшим я назначил лейтенанта Кириллова. Сам идти не мог, устал за день.

До середины залива мои хлопцы на катере добрались, а там пересели на шлюпки и на веслах пошли. Гребут, а огонька не видно. «Не попал ли Ананьев в руки немцам?» — забеспокоился лейтенант. Но тут мичман Никитин приметил: блеснуло раз, другой... и зами-

гало. «Ага, нам сигналят! А ну, хлопцы, нажми на весла! Ходче давай!»

По огоньку быстро проход нашли, но к сигнальщику не приблизились, там засада могла быть. Решили с другой стороны мыса высадиться.

Как только шлюпки подтянули к берегу и хлопцы залегли на откосе, лейтенант послал разведчика к Ананьеву. «Пусть кончает сигналить и к нам присоединяется».

Ананьев с другой стороны своих хлопцев ждал. Видит, кто-то с тыла подбирается. Хвать пистолет и... бабахнул. Лишь после вспышки понял, что в своего друга стреляет. Хорошо, прибойной волной выстрел заглушило. И рука, видно, у студента дрогнула, — пуля мимо просвистела.

А дальше все пошло как договорились. Никитин свою группу к катерам увел. Хлопцы Фролова, набрав противотанковых гранат, дом блокировали, а автоматчики залегли под деревьями, там, где дамба с берегом соединялась.

Штурмботы в этот раз почему-то на воде стояли, лишь сетями прикрытые. Охраны не было. Мои хлопцы подобрались к ним. Под пушки и броню тол заложили. После взрывов, когда сорвало надстройки и палубы разворотило, забросали противотанковыми гранатами.

В это время и те, что дом блокировали, в ход противотанковые гранаты пустили. Никому не дали выйти ни в двери, ни в окна.

В общем, без потерь операция прошла. Потому что немцам с переляку показалось, будто мыс авиация бомбит. Пошли прожекторами небо обшаривать да из зениток палить. Ну, а наши хлопцы мешкать не стали — столкнули шлюпки и — тикать в залив. А там их катер подобрал.

Рассказав это, Прохватилов вдруг взглянул в окно, вскочил и, побарабанив пальцем по стеклу, выкрикнул:

— Та не туда... не туда сгружаете, шоб вам повылазило!

Попросив у меня прощения, он поспешил во двор, куда прибыла грузовая машина с какими-то тюками.

— Зимнее снаряжение привезли, — определил Маценко. — Его просушить надо, а они его прямо в склад. Даст же им сейчас батя!

Чтобы занять меня, замполит похвастался:

— За стрельнинскую операцию участники награждены орденами.

Я записал фамилии награжденных, и мы вместе с замполитом вышли во двор, где Прохватилов наблюдал, как выворачиваются для просушки спальные мешки, облицованные серебристой непроницаемой материей.

— Они только называются спальными, а спать в них не положено, — объяснил Прохватилов. — Видите, все мешки надувные. Сами изобрели. Доставали сбитые аэростаты и клеили. Разведчик на льду спрячется в такой мешок и весь день лежит. Никакой мех тепла не удержит, а воздух может. Он и холода не пропускает.

— Не рано ли вы их сушите? — спросил я.

— Синоптики гадают, что скоро залив замерзнет. Мы первыми на лед выйдем.

И тут я заметил среди водолазов, суетившихся у мешков, мичмана Мохначева.

— А вы что тут делаете? — спросил я.

— На переподготовку прислали, — хитровато сощурясь, ответил он. — Мои речные трамвайчики на прикол поставлены. А я малость на передатчике потренируюсь. Хочу в тыл к фрицам пробраться.

— Желаю успеха.

— К черту! Тьфу-тьфу, — плюнул через плечо мичман. Он, оказывается, был суеверным.

Пожимая на прощание руку, Прохватилов пригласил:

— Приходите, когда залив замерзнет. Один спальный мешок будет ваш. Посмóтрите, как наблюдатели работают.

9 декабря 1943 года. В прошедшую навигацию нашим подводным лодкам не удалось прорваться к коммуникациям противника. Кроме обновления минных полей, немцы перегородили Финский залив стальной противолодочной сетью и вдоль нее поставили наблюдать сторожевые корабли.

Ранней весной Щ-303 ходила на разведку. За неделю осторожного продвижения ей удалось форсировать минное поле за Гогландом. «Щука» вплотную подошла к

наргенскому противолодочному заграждению, но пробиться дальше не удалось: «щуку» заметили сторожевые катера и кинулись бомбить. Чудом ей удалось оторваться от преследователей и вернуться в Лавенсари.

В мае попыталась пройти заграждения вторая подводная лодка — Щ-408. Но она добралась лишь до маяка Вайндло, а тут ее приметили «охотники». В течение трех дней не давали всплыть. На лодке кончалась электроэнергия, нечем было дышать.

25 мая Щ-408 передала по радио в штаб сообщение о том, что противник непрерывно бомбит, не дает всплыть для зарядки. Лодка просила оказать помощь авиацией.

К маяку Вайндло полетели наши штурмовики. Они утопили один из «охотников», остальные разогнали. Но как только самолеты улетели, немцы прислали новые сторожевые корабли.

На четвертый день в подводной лодке уже совсем нечем было дышать. Чтобы не погибнуть от удушья, командир «щуки» капитан-лейтенант Кузьмин принял решение всплыть и, если понадобится, принять бой. Другого выхода не было.

Как только Щ-408 всплыла, вслед за капитан-лейтенантом в отдраенный люк наверх устремились комендоры и заняли места у пушек. На флагштоке взвился флаг.

«Щуку» заметили сторожевые катера. Все же первыми открыли огонь подводники. Им удалось подбить ближайший катер. От прямого попадания он вдруг взорвался и разлетелся на части.

Дав ход, Кузьмин попытался уйти из опасного места, но ему отрезали путь другие сторожевики. Завязался неравный бой: две пушки отбивались от дюжины катеров.

Подводникам удалось подбить еще два сторожевика. Но и сами они получили много пробоин. Вода хлынула в отсеки. Снизу послышались тревожные донесения о большом дифференте на корму, о поступавшей воде. Подводники продолжали отбиваться. Они не спустили флага, не попросили пощады, а стреляли до тех пор, пока не погрузились вместе с кораблем в морскую пучину.

Погибла и «малютка», которой командовал капитан-лейтенант Дьяков. Не зря же говорили, что он невезучий. Его новый корабль пропал без вести.

Посылать на гибель новые корабли не имело смысла. Подводников решили поберечь. Они еще пригодятся для предстоящих боев.

УДАР ИЗ «КОТЛА»

24 декабря 1943 года. В ораниенбаумский порт переброшено около тридцати тысяч бойцов, полсотни танков и более четырехсот пушек разного калибра. На этом перевозки не кончились, наоборот — усилились.

Вначале ораниенбаумскому плацдарму отводилась незначительная роль, но после того как морем удалось незаметно перебросить столько войск, Ставка выбрала «пятачок» для мощного удара. Ведь из «котла» противник не ждет наступления.

Морскому командованию приказано за две недели перебросить еще почти столько же войск и вдвое больше техники.

28 декабря. Темнота занимает почти две трети суток. Быстроходные тральщики могли бы дважды сходить из Ленинграда в Ораниенбаум, но мешает непогода. Северные ветры поднимают высокую волну, затрудняют буксировку барж, заливают мелкие суда.

30 декабря. Устье Невы и фарватеры покрыло льдом. Лед еще не толстый, все же ломать его могут только приспособленные суда.

В Неве стоит ледокол «Ермак», но он для Маркизовой лужи не годится, так как имеет солидную осадку и может застрять в пути. Ведь караваны ходят не по Морскому каналу, а северным фарватером.

Для борьбы со льдами приспособлены быстроходные тральщики, имеющие довольно прочную обшивку. Правда, после походов во льдах некоторые из них выходят из строя, но риск оправдан: победа стоит дороже.

Командиры быстроходных тральщиков в сутки спят по два-три часа, так как все время находятся на мостике. Они проламывают путь во льдах и тащат за собой

по две баржи. За ними тянутся длинным караваном малые суда. Пробитую дорогу надо быстрей проходить, через час или два она застывает.

3 января 1944 года. Недавно в одну из холодных ночей в Лебяженскую республику отправились полторы дюжины различных судов с войсками и машинами. Сперва они продвигались по узкому проходу спокойно и прошли довольно изрядное расстояние.

Неожиданно поднялся резкий ветер, погнавший из Невы с повышенной скоростью ладожские воды. Залив вспучился. Началась подвижка льдов: огромные поля напирали одно на другое, дыбились, с треском разламывались. . .

Суда не успели уйти из опасной зоны. В трех милях от берега их затерло в крошеве.

На помощь был послан еще один тральщик, на котором и я решил сходить в море. Но наш тральщик не смог проломить дорогу в торосах, хотя отчаянно трудился более двух часов. Мы застопорили машины, только когда механик доложил о полученной пробоине. Была сыграна аварийная тревога.

Время шло, близился рассвет, а караван безнадежно застрял посреди залива. Взгромоздившиеся одна на другую льдины не пускали ни вперед, ни назад.

В штабе флота забеспокоились: «Что делать? Если гитлеровские наблюдатели заметят в заливе с войсками корабли, то заговорит артиллерия».

По флоту объявили боевую тревогу. Всем дальнобойным батареям приказали быть наготове и немедля подавлять противника, если он вздумает стрелять по кораблям.

На аэродромах дежурные истребители и штурмовики готовы были вылететь в любую минуту, а бомбардировщикам под крылья подвесили бомбы.

Эти приготовления могли спасти затертый во льдах караван от гибели, но скрытность все же нарушалась. Увидев войска и танки на палубах барж, немцы, конечно, сообразили бы, для чего перебрасываются войска. В штабе решили караван прикрыть дымовой завесой.

Ветер дул с берега. Чтобы корабли прикрыло завесой, дымовые шашки следовало вынести далеко вперед. А как пройти с тяжелой ношей по ледяному крошеву?

Нашлись добровольцы. С помощью досок и легких деревянных трапов моряки преодолели разводья и перетащили по торосам все дымовые шашки, какие нашлись на кораблях, ближе к береговому припаю. Установив их так, чтобы дым гнало в сторону каравана, они оставили на льдине двух человек с переносной рацией и вернулись на корабли.

Как только начало светать, на льду в двух местах заклубился белый дым и высокой завесой наполз на нас и другие застрявшие суда каравана. Дым был густым и едким. Радист нашего тральщика взмолился:

— «Льдина»... «Льдина»! Мохначев! Спасибо. Благодарим! Перестарались... Просим полегче. Дышать нечем...

Так я узнал, что и на льду не обошлось без Мохначева. Чтобы спасти корабли с войсками, он остался управлять дымовой завесой и поддерживать связь по радио.

Немцы, конечно, вскоре заметили странный дым, поднимавшийся над заливом. Не понимая, чем мы занимаемся на льду, они послали на разведку самолет. Но его встретили два истребителя и заставили убраться.

На всякий случай немецкие артиллеристы открыли пальбу по задымленному участку залива. Хотя они стреляли беприцельно, все же вызвали ярость авиации: на стреляющие батареи налетели морские бомбардировщики и засыпали их бомбами. А дальнобойные пушки Кронштадта завершили разрушительную работу: ни одна из обнаруживших себя батарей больше стрелять не могла.

То же самое произошло и после обеда. Стоило подняться в воздух самолетам, как их встречали на всех высотах истребители. А новые батареи безнаказанно не могли дать и пяти залпов, их тотчас же нащупывала наша артиллерия и подавляла более мощным огнем, а затем прилетала штурмовая авиация.

Гитлеровцы, видимо, так и не поняли, что же мы с такой яростью оберегали в заливе, потому что дым не рассеивался до сумерек.

Едва стало темнеть, на помощь пришли еще два

тральщика. Они пробили во льдах дорогу и помогли каравану добраться до Ораниенбаума.

Не знаю, куда сейчас деваются те войска, которые мы перевозим. Это был уже не «котел», а скорей — мина, начиненная спрессованной взрывчаткой.

15 января. Вчера в девять часов тридцать пять минут утра началась артиллерийская подготовка из «котла» и с моря. Одновременно загрохотали сотни орудий разных калибров. От могучего залпа дрогнул не только морозный воздух, но и затряслась земля. Грохот стоял такой, что рядом не слышно было крика, и все же можно было разобрать басы двенадцатидюймовок «Марата» и близкое бабаханье тяжелых железнодорожных батарей.

С лесного наблюдательного пункта видно было, как по всей полосе вражеских укреплений взлетали вверх деревья, бревна блиндажей, камни, столбы с колючей проволокой... На несколько километров в глубину снег смешался с землей, и это черное месиво дымилось.

Немцы, конечно, не ждали удара из «котла». Ведь никогда еще в истории войн осажденные не побеждали атакой. Только отчаянье может толкнуть на безумный поступок. Но факт был фактом: стенки неожиданно лопнувшего «котла» развалились и в образовавшуюся десятикилометровую брешь хлынули танки, самоходки, лавина автоматчиков.

Жаль, что день был пасмурным, бомбардировщики и штурмовики не могли помочь наступающим. Гитлеровцы быстро оправились и стали подтягивать резервы для контратак. Они полагали, что силы блокадников скоро иссякнут, поэтому яростно отбивались, забывая, что сами могут попасть в «котел».

А сегодня с Пулковских высот в наступление перешли части 42-й армии. Морская артиллерия участвует и в этой атаке.

С Невы бьют корабли в сторону Пулковских высот. Тяжелые снаряды воющей лавиной проносились над домами. Ошеломленные жители повыскакивали на улицы, не понимая, что происходит. За всю блокаду им не довелось слышать такого грозного гула и грохота. Но видя,

что «входящие» снаряды не рвутся в городе, ленинградцы поняли: наступил для оккупантов час расплаты.

На улицах полно возбужденных людей. Они машут руками, что-то выкрикивают. Но в грохоте артиллерии их голосов не слышно.

20 января. Оккупанты, засевшие в Петергофе, так и не дождались помощи. Из трех дивизий у них уцелело чуть больше тысячи человек. Я видел, как по размолотой машинами дороге вели сдавшихся в плен фашистов. Опасаясь мести, они брели понурясь, боясь смотреть в глаза.

В городе догорали разбитые во время боя дома, распространяя едкий запах дыма, от которого першило в горле. Пожарища для нас стали не новинкой: за войну нагляделись на них.

У Нижнего парка, в том месте, где прежде высился Большой петергофский дворец, я увидел черные развалины: закопченные, с огромными трещинами стены и зияющие пустотой дыры.

Мы подошли к обрыву и невольно отступили назад. Там, где когда-то вырывалась из раздираемой бронзовым Самсоном пасти льва высоко вверх самая мощная струя воды, сейчас виднелась огромная обледенелая яма. Вокруг нее валялись обломки мрамора. Не было ни позолоченных наяд, ни сирен, ни зеленых лягушек, ни тритонов. . .

Опасаясь нападений с моря, гитлеровцы заминировали Нижний парк, пляжи и загородили проходы несколькими рядами колючей проволоки. Всюду виднелись предостерегающие надписи на немецком языке: «Опасно. Мины!»

А любопытный шофер нашего «козлика» не мог удержаться, ему не терпелось поглядеть, как жили здесь оккупанты. Он заглядывал чуть ли не в каждый блиндаж, пробирался в глубокие землянки и выходил с трофеями: то выносил золенгеновскую бритву, то парафиновый светильник, то флягу.

— Смотри, нарвешься на мину, — предупредил я его.

— Я осторожно, не бойтесь, — ответил он. — Тут

фрицы до последнего дня прятались, не успели поставить мины.

Но из следующей землянки он выскочил как ошпаренный и, заикаясь, сообщил:

— Та-там ког-го т-то душат! М-может, фрицы. Д-давайте посмотрим.

Вытащив пистолет, я прошел в тамбур землянки, приоткрыл дверь и прислушался. Из глубины помещения действительно доносились странные звуки: тонкое взвизгивание, стоны и храп. Они мне показались знакомыми. Не желая второй раз оказаться в глупом положении, я приказал шоферу:

— Посвети своим фонариком!

При свете нагрудного электрического фонарика, держа оружие наготове, мы прошли в довольно обширное помещение. Стены здесь были обшиты полированной фанерой и увешаны картинами в золоченых рамах. Посреди стояла печурка, облицованная старинными изразцами. По углам виднелись столики красного дерева, кожаные кресла, диваны. У задней стенки — пианино...

Это, видимо, была офицерская кают-компания, оборудованная вытащенной из дворцов мебелью.

На топчане, покрытом толстым ковром, положив под голову ранец, лежал богатырского вида парень и во всю мощь своих легких нахрапывал. Он был в валенках, ватных штанах и довольно засаленном полушубке.

Я заглянул в лицо, утонувшее в густом мехе поднятого воротника, и узнал мичмана Мохначева.

В землянке было прохладно. Боясь, что разоспавшийся мичман обморозит руки, мы растолкали его.

Мохначев первым долгом схватился за пистолет, спрятанный за пазухой, но, разглядев меня, смущенно извинился:

— Прошу прощения, товарищ капитан, думал — фрицы ожили.

— Чего же ты тут залег? — спросил я его. — Другого места не нашел?

— А в другом месте мне бы не дали отоспаться... Сколько суток глаз не смыкал! Был корректировщиком. Мне ведь эти места знакомы.

Он угостил нас трофейными сигаретами и не без гордости сказал:

— Я последним уходил из Петергофа и первым вошел в него! Прошу это отметить, товарищ писатель.

* * *

На этом мои блокадные дневники обрывались.

Мне захотелось узнать: что же написали немцы о последних днях блокады? Но ничего интересного я не нашел. Пришлось обратиться к двухтомнику Юрга Майстера.

Этот историк, щеголяющий своей объективностью, сделав вывод, что «русские способны проводить десантные операции в масштабах нескольких дивизий, имея самые примитивные средства», все же в конце не удержался и воскликнул:

«Жаль, что немецкое командование никогда не располагало ни временем, ни средствами, чтобы ликвидировать «котел» в районе Ораниенбаума. Русские отстаивали его с большим упорством и весьма успешно. Большую помощь оказывала им береговая артиллерия Кронштадта и еще действовавшие башни «Марата». В этом окружении находилось не менее десяти дивизий».

«Атакам ленинградских войск предшествовал сильный огонь корабельной артиллерии. Стремительное и успешное наступление превосходящих сил русских увенчалось быстрым и полным успехом. Блокада Ленинграда была прорвана.

17 января русские войска вырвались из окружения в районе Ораниенбаума и соединились с войсками Ленинградского фронта».

Все поставлено с ног на голову! Для чего же это делается?

Я внимательно прочел авторское вступление к двухтомнику. Чтобы вызвать доверие у читателей, Юрг Майстер написал:

«Два обстоятельства побудили автора — швейцарца по национальности — взяться за создание книги о действиях моряков на восточно-европейских театрах войны: это, во-первых, обострение отношений между союзными державами англо-американского блока и Советским Союзом... Второе обстоятельство — колоссальное перевооружение Советского флота, мощь которого сейчас усту-

пает лишь мощи США. Отсюда возникает необходимость дать в конце концов кругам, заинтересованным в правильной оценке ударной силы Советского флота, книгу, которая исчерпывающе и возможно объективней освещает важнейшие события восточно-европейской войны 1941—1945 гг.».

О каких заинтересованных кругах Юрг Майстер печется? И для чего предупреждает, что стремился к полной объективности, которой-де нельзя требовать от непосредственных участников событий?

По мнению Майстера, немцы до самых последних лет по политическим и экономическим причинам не могли заняться такой работой. Статьи и книги русских авторов «не имеют исторической ценности, так как написаны не объективно, с пропагандистской целью». И у англичан ничего путного не вышло. Такая работа оказалась лишь под силу ему — Юргу Майстеру, хотя историка всюду подстерегали необычайные трудности. Руководители Советского флота и британского адмиралтейства не допустили Майстера к секретным документам. Немцы тоже. Лишь одни финны щедро предоставили в его распоряжение ценные документы.

«Кое-какие материалы, однако, удалось привлечь благодаря любезному содействию английских, французских, бельгийских, голландских, датских и шведских друзей — любителей флота», — пишет Майстер.

И особую благодарность и признательность он выражает «двум венгерским эмигрантам в Австрии, а также Соединенным Штатам за любезную и неустанную поддержку».

Вот кто, оказывается, в течение семи лет вдохновлял Юрга Майстера! Ведь, кроме долларов, ничем иным американцы помочь ему не могли. Они ведь не воевали на Балтике и подробностями боев на этом театре военных действий не располагали.

После прочтения двухтомника становится понятной и «объективность» историка. Юрг Майстер — обыкновенный делец фашистской закваски, который за соответствующую мзду на основании подвернувшихся материалов готов белое превратить в черное.

Выдавая себя за знатока характера и боевых способностей русских моряков, он самым бессовестным обра-

зом оболгал наших балтийцев, а своих хозяев в конце книги предупредил:

«. . .Действия Советского флота в морях других стран будут относительно слабыми и не дадут эффективных результатов. Но следует помнить о способности русских к крупным десантным операциям на пограничных морях, о мужественной обороне советской территории, прилегающей к прибрежной полосе, и энергичном нападении воздушных сил, а также подводных лодок».

Мне не удалось увидеть весенние бои Балтийского флота, так как я был отозван на Черное море. Но после войны я неоднократно встречался с участниками последних сражений на Балтике. От них знаю, с какой отвагой и стремительностью моряки вышвырнули оккупантов с островов и морских баз.

Нашим подводникам поздней осенью 1944 года удалось по шхерному фарватеру скрытно пройти в тыл противника и прервать почти безопасное плаванье боевых немецких кораблей и транспортов.

Действуя хитро и дерзко, подводники уже без перерывов наносили мощные торпедные удары. Только за один поход С-13, утопившая лайнер «Вильгельм Густслов» и транспорт «Генерал Штойбен» общим водоизмещением сорок тысяч тонн, вывела из строя добрую дивизию отборных войск.

На огромном туристском лайнере «Вильгельм Густслов» — чуде комфорта и новой техники — из Данцига эвакуировались высшие чины нацистской партии, офицеры гестапо, полиции, войск СС и более полуторы тысячи обученных подводников, которыми можно было укомплектовать тридцать пять экипажей подводных лодок. В каютах, трюмах и на палубах разместилось более шести тысяч гитлеровцев. И почти все они, после попадания трех торпед, за несколько минут ушли на дно.

По случаю гибели лайнера «Вильгельм Густслов» в Германии был объявлен траур, а командира конвоя, охранявшего лайнер, Гитлер приказал расстрелять.

Так что об умении русских воевать и на чужих морях не следовало бы забывать ни военным историкам, ни тем, кто разжигает в современном мире военную истерию.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

После войны было подсчитано, что на Ленинградском фронте погибло более трех миллионов мужчин и женщин. Нас, коренных питерцев, осталось немного: что-то около двухсот пятидесяти тысяч. Среди нового населения города на Неве мы не составляем и пятнадцатой части, но нам удалось сохранить дух и традиции питерцев. Новых ленинградцев не отличишь от старых. Крепкой была закваска!

Прошло уже много лет, а полная картина героической обороны все еще создается. Она мозаична. Мы выуживаем крупицы новых фактов, деталей и фиксируем на пленке, бумаге, полотне и камне.

В дни войны я опасался открыто записывать действия роты особого назначения. Ее существование было секретом. Свои записи я зашифровал так, что сам не могу в них разобраться. А память подводит. Хотелось встретить кого-нибудь из разведотдела и уточнить имена, операции, но никто не попадался. Лишь недавно в Москве мне удалось узнать местопребывание командира отряда подводных разведчиков Ивана Васильевича Прохватилова. Он мечтал после войны поселиться в тихом месте и выбрал деревню Черново под Гатчиной.

Вместе с сыном я еду к нему. Сын сидит за рулем «Волги». Ему столько же лет, сколько мне было во время войны. У него растет четырехлетний мальчишка — мой внук. Малышу, видно, не доведется, как нам, скитаться в теплушках. Мир сохраняется, но угли большого костра тлеют повсюду. Они то разгораются, то едва теплятся. А люди никак не могут договориться жить в мире.

Мы выезжаем к южной окраине города. Когда-то здесь стояли деревянные домишки и проходила линия обороны. Сейчас окраина неузнаваема: на бывшем болотистом поле вырос огромный современный город, не похожий на старый Питер. Новые кварталы просторны и величественны. Они со всех сторон обступают город. В них обитает больше жителей, нежели в центре, и люди живут в отдельных квартирах с газом и горячей водой.

Миновав восстановленную Пулковскую обсерваторию, мы мчимся по широкому асфальтированному шоссе на Гатчину.

После войны на обожженной и начиненной металлом земле долго не показывалась зелень. По обеим сторонам дороги виднелись черные обломки деревьев, истерзанные осколками бомб и снарядов, и полуобгоревшие пни берез, тополей и дубов. Инвалидов давно выкорчевали. На их месте теперь раскинулись фруктовые сады и зеленые рощи. На обильно политой кровью земле буйно тянется вверх новая поросль. Она прикрывает шрамы войны. Уже с трудом разглядишь вмятины, оставшиеся от прежних дзотов, рухнувших землянок, траншей и воронок. Скоро они совсем сотрутся с лица земли.

Гатчина, которая более двух лет находилась в руках оккупантов, отстраивается медленней. От ее окраин еще тянутся такие разбитые дороги, что по ним трудно проехать. Машину раскачивает и трясет на колдобинах. В глубоких лужах «Волга» неожиданно как бы лишается тормозов, они не действуют. Но мы все же минут за сорок преодолеваем пятнадцать километров и попадаем в деревню Черново. У первого встречного спрашиваем:

— Где живет Прохватилов?

— Какой? Молодой или старый?

— Старый, который моряком был.

— Вон там, — указывая на какие-то заросли, говорит

колхозник. — Надо проехать за озеро, на самую окраину. Дальше уж никто не живет.

Мы смотрим в котловину на заросли. Где же тут озеро? А от него не много воды осталось. Казалось, что среди топей, затянутых ряской и круглыми листьями лилий, петляет тихая речка.

Уровень воды озера, видно, давно понизился, потому что прежние отмели стали сушей и густо поросли кустарником, осокой, камышом.

На таком озере впору жить русалкам и водяным. Что же здесь делает боевой водолаз?

Дом Прохватилова, огороженный невысоким забором, мы нашли за родником, в самой чаще зарослей. Здесь могли обитать и лешие.

Навстречу нам вышла древняя старушка.

— Вы до Вани? — спросила она. — Дома нема, пишел до вора. Якись-то хлопец мережку стянул. Хорошо, соседи бачили.

— Что же он сделает с вором? — помня рост Прохватилова и его решительность, поинтересовался я.

— Та скажет, шо так не годится! — ответила старушка.

— А вы кем ему доводитесь, мамашей?

— Так, так... приехала до сыночка помирать. Мне вже девяносто с гаком.

— Из каких мест?

— Лебедина. Слышали о таком местечке? Сумские мы.

Старушка провела нас в невысокую застекленную беседку, находившуюся посреди поляны, сплошь покрытой золотистыми головками высоких и крупных одуванчиков.

— А зачем вам столько одуванчиков? — спросил я.

— Травку трусики любят. С молочком она. А цветы — пчелкам.

И тут я заметил по краям поляны ульи, похожие на игрушечные домики, а у сарая — клетки крольчатника.

— Ух какое у вас хозяйство! — невольно воскликнул я.

Вскоре за оградой показалась еще одна пожилая женщина, закутанная в белый платок, как это делают украинки, спасаясь от палящего солнца.

— Жена прийшла, — сказала старушка. — Може, вона знает, где его шукать.

Женщина, принесшая корзину свежей травы для кроликов, говорила на таком же смешанном русско-украинском языке, бытующем на юге.

— Гостей Иван Васильевич не ждал, — сожалея, сказала она. — И куда пийшел — не знаю. Гадаю, шо у той край. К обеду явится, — уверила нас женщина.

Вскоре появился и Прохватилов, притащивший на плече старенькую мережку. Поставив ее сушиться у стенки сарая, он стал вглядываться в меня и, конечно, не узнал приходившего в отряд корреспондента. Спросив, зачем я прибыл к нему, Иван Васильевич протянул руку, крепко стиснул мои пальцы и пригласил:

— Прошу в дом.

Пропустив вперед, он повернулся к женщинам и негромко сказал:

— Пожарьте рыбки свежей и чего-нибудь еще сообразите.

В большой, не по-деревенски обставленной комнате стоял огромный письменный стол, широкий зачехленный диван, а над ним на стене висело в раме большое фото: еще молодой Прохватилов в парадной форме капитана третьего ранга, увешанный орденами, и рядом с ним небольшая круглолицая женщина в берете со звездочкой и медалью «За оборону Ленинграда» на кителе.

— Шо бы вы хотели уточнить? — сев против меня, спросил Иван Васильевич. — Записей я не вел — разведчикам не положено. А на память не надеюсь. Болеть начал. Видите — стол лекарствами и приборами завален. Сам себе давление меряю и уколы делаю. Поблизости врача нет.

— А что с вами? — спросил я.

— Высокое давление, да еще при диабете.

— Говорят, что эти болезни порождает пережитый страх. На днях где-то вычитал.

— Может быть, — согласился Иван Васильевич. — Страху-то я натерпелся вволю. Почти во всех больших операциях участвовал. Некоторые думают, что если человек рослый и крепкий, то он ничего не боится. Чепуха. Всякий жить хочет. Но один боится и всем заметно, а другой умеет скрывать, а потом вот болеет.

Я ему дал несколько страниц, напечатанных на машинке, из той записи, что сделал во время войны. Он внимательно стал вчитываться. И вдруг старого водолаза прорвало: он принялся вспоминать имена, детали, которых мне не хватало. Я схватил шариковую ручку, и мы вместе исправили и дополнили давний рассказ.

— А может, память что-нибудь еще выдаст? — с надеждой спросил я.

— Нет, слабоватой стала. Разве лишь смешное да забавное другой раз вспомнится. Такое почему-то крепче держится. Вот, например, про тот же самый страх. Был у нас водолаз, небольшой, весь словно из тугой резины отлит, — мускул на мускуле. Сергеем Непомнящим звали. Ничего не боялся. В любую операцию посылай. Ему сам черт не брат. В темные ночи один пробирался по льду к батареям противника, залезал в белый спальный мешок и весь день из торосов наблюдал за противником, а следующей ночью возвращался и нужные сведения приносил.

К концу войны дело было. Наш сторожевой МО в шхерах около Койвисто немецкую субмарину потопил. В штабе флота решили: раз подводная лодка пробралась в наши воды, значит штурман имел карту минных полей и проходов. К тому же он прокладку делал. Авось не успел уничтожить карты, их надо добыть. Приказали это сделать нам.

Глубина в том месте оказалась около тридцати метров. Для тяжелого водолаза — чепуха, а для легкого — беда. Дело в том, что на глубине давление выжимает из костюма весь воздух и тело не дышит. Через загубник кислород поступает только в легкие. Но при давлении в четыре-пять атмосфер и кислород становится ядовитым. Походят мои хлопцы по дну минут десять и вылетают наверх. У одного кровь носом идет, у другого из ушей, а у третьего полная маска пены. Искусственное дыхание надо делать, откачивать. А тут еще финны из пушек обстреливают.

Все же нашли мы субмарину на дне. Но как в нее пролезть? Решили пройти через люк центрального отсека, благо он был отдраен немцами. Спустятся мои легкие водолазы в отсек, пробудут в нем три-четыре минуты,

и выбираться надо. Ничего не успевают сделать, задыхаются.

Решили тяжелого водолаза снарядить. Пригнали бот с компрессором, телефоном и шлангами. Я, конечно, Непомнящего вызвал. Сам натянул на него резиновый комбинезон и медный шлем привинтил. В водолазных бахилах со свинцовыми подошвами да с пудовыми медалями на груди и спине Сергей едва ноги передвигал.

«Сможет ли он пролезть в узкую горловину?» — стал сомневаться я. Но делать нечего, дал ему фонарик и щелкнул по шлему — «иди, мол, ты парень ловкий».

Субмарину Непомнящий нашел быстро. Пыхтел, пыхтел, но все же пролез в центральный пост. Обшарил его и стал отдраивать другие отсеки. Работал больше часа, наконец по телефону передал: «Нашел пенал с картами. Иду наверх».

Ждем мы его, шланги подтягиваем, а он вдруг на трапе застрял и не своим голосом в телефон завопил: «Выручайте, чертовы покойники держат!»

Я легких водолазов на помощь послал. Помогли они выкарабкаться Непомнящему и к борту подтащили.

Снимаю я с него шлем, а он бледный, губы трясутся и вроде заикаться стал. «Шо с тобой?» — спрашиваю. «С-со страху, — говорит. — Отдраиваю отс-сек, а оттуда покойник за покойником выплывают. Белые, разбухшие... Ко мне в ил-люминатор заглядывают. Чуть фонарик из рук не выронил. Но с-стерпел — не обращаю на них внимания. В каюты капитана и штурмана пролез. Какие были карты, снял и пенал взял. Возвращаюсь обратно, а у трапа утопленники скопились. На волю хотят всплыть, вверх тянутся. В-видно, течение получилось. Раз-здвинул я их и скорей на трап. Но не тут-то было! Чую, держат: за шланги цепляются, на плечи давят. От этого в глазах искры... и ноги ослабли. В-видно, с перепугу забыл воздух стравить: костюм раздуло. Ну, ни туда, ни сюда! П-пропал, думаю, и вот здесь завопил во все легкие...»

— О как бывает! Самые железные могут дурным голосом закричать. Фантазия доводит, — заключил свой рассказ Иван Васильевич.

Вскоре нас прервали. Вошел мой сын, и женщины внесли две большие сковороды: в одной дымилась под-

жаренная со шкварками картошка, густо посыпанная укропом, в другой золотились караси и лини утреннего улова.

Закусывали мы не по-фронтовому, без «ста граммов». Иван Васильевич не притронулся к водке по болезни, мой сын — потому, что не положено пить, когда управляешь машиной, а мне выделяться из компании не хотелось. Так бутылка «столичной» осталась нераскупоренной. Но мы и без водки сумели очистить обе сковороды и выпить жбан молока.

На прощание я поинтересовался:

— А не скучна жизнь в тихом месте? Вы ведь привыкли на людях быть.

— Я и сейчас на людях, — возразил Прохватилов. — Выбирают в партбюро, в сельсовет. Пропагандой занимаюсь. То комсомольцы, то ленинградские пионеры позовут. Надевай все ордена — и красуйся в президиуме. В прежние времена говорили: «Старость — это когда дни тянутся, а годы бегут». А у меня и дни бегут. Удержу нет! Оглянуться не успел — седьмой десяток пошел.

Иван Васильевич нарвал нам большой букет тюльпанов и, провожая к машине, спросил:

— А вы просто так, без всякого дела, не можете ко мне приехать? Ну, хотя бы рыбку половить или просто одному на бережку посидеть? Ведь вашему брату иногда отвлечься, сосредоточиться надо.

— Верно, — согласился я. — Как только в городе затрет и от телефонных звонков спасения не будет, — непременно спрячусь у вас. Мы же фронтовые братья.

Ленинград, 1971 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ

КАПИЦА ПЕТР ИОСИФОВИЧ

В МОРЕ ПОГАСЛИ ОГНИ

Л. О. издательства «Советский писатель», 1972, 320 стр. План выпуска 1972 г., № 33. Редактор П. И. Кочурин. Художник А. П. Гасинков. Худож. редвктор М. Е. Новиков. Техи. редвктор Л. П. Мельникова. Корректор П. М. Вихман. Сдвно в набор 15/XII 1971 г. Подписаио в печать 19/1 1972 г. М 16048. Бумагв $84\times108^{1}/_{32}$ № 1. Печ. л. 10 (16,8). Уч.-нзд. л. 16,45. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1503. Цена 64 коп. Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени ленинградская типогрвфия № 5 Глввполнграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3.

64 к

ПЕТР КАПИЦА

В МОРЕ ПОГАСЛИ ОГНИ